
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО ЖУРНАЛ Том 6. №4

Издательство
«МГИМО-Университет»
2020

Редакционная коллегия:

Главный редактор, Председатель редакционной коллегии – Иовенко Валерий Алексеевич,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – отв. секретарь – Ивушкина Татьяна Александровна,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – Евтеев Сергей Валентинович,
канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Smirnova Ludmila – PhD, prof. (Mount Saint Mary College, New York, USA);
Алексахин Алексей Николаевич – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Балдицын Павел Вячеславович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);
Гладкова Елена Львовна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);
Голубкова Екатерина Евгеньевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГЛУ);
Гуревич Татьяна Михайловна – д-р культурологии, к.филол.н., профессор (Россия, Москва, МГИМО);
Иванов Николай Викторович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Кизима Марина Прокофьевна – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Лосева Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);
Набати Шахрам Сирус – к.филол.н., доцент (Исламская республика Иран, Решт, Гилянский университет);
Позднякова Елена Михайловна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Пономаренко Евгения Витальевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Репенкова Мария Михайловна – д-р филол.н., доцент (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);
Храмченко Дмитрий Сергеевич – д-р филол.н., доцент, проф. (Россия, Москва, МГИМО).
Чеснокова Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, РУДН);
Штанов Андрей Владимирович – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);
Шубина Эльвира Леонидовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Ястребова Елена Борисовна – канд. пед. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО).

Филологические науки в МГИМО: Журнал. Том 6. №4 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 169 с.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных ученых, педагогов, аспирантов и магистрантов.

Выходит ежеквартально.

Рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация; переводоведение; инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков; литературоведение и лингвокультурология.

В журнал принимаются статьи на 10 языках: русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском, китайском, японском, арабском, хинди.

Журнал включен в Перечень ВАК (с 6 июня 2017 г.) по специальностям «10.01.00 Литературоведение», «10.02.00. Языкознание»; EBSCO, РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

ISSN 2410-2423

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № Том 6. №4.

Главный редактор: В.А. Иовенко.

Выпускающий редактор: Ф.Р. Гафарова

Корректура: Т.А. Ивушкина

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 01.12.2020 г. Формат 60x84^{1/8}. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 21,5. Тираж 500 экз. Заказ 896.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России: 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2020
© Коллектив авторов, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Иванов Н.В.

Факторы семиогенеза (лингвофилософский анализ) 5

Коршунов Д.С.Частота совместной встречаемости иероглифов как показатель лексичности
(при отборе лексики китайского военного дискурса) 14**Крячкова А.П.**

Культурно-маркированная лексика как приём речевых стратегий в политическом дискурсе Германии 25

Ларина О.В., Крючкова И.В.

Когнитивные особенности восприятия и дифференциации значений модального глагола WOULD 36

Мухин С.В., Ефремова Д.А.

Лингвостилистические черты международных соглашений Уэссекса 45

Погорельская О.А.

Фактор оценки в семантических механизмах манипуляции (на материале итальянского языка) 56

Хлопотунов Я.Ю., Храменко Д.С.Аксиологический аспект реализации конфронтационных коммуникативных стратегий
в американском политическом дискурсе 65

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Кашенкова И.С.

Лингвокультурологический аспект перевода композитов с немецкого языка на русский 75

Овчинников Г.В.Трудности перевода заимствований из восточных языков
(на примере субтитров фильмов с русского языка на французский) 82ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД
В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**Костанян З.В., Кузнецова С.Ю.**Современный профессионально-ориентированный подход к обучению англоязычному
жанровому письму студентов-журналистов 89**Мохаммади Мохаммад Реза, Ахмади Мирейла, Бахарлу Хади, Галеванди Сейеде Сафура**Типичные проблемы обучения русскому глаголу иранских студентов при употреблении
двуязычных русско-персидских словарей как средств обучения 103**Савина О.Ю.**

Взаимосвязь перфекционизма и успешности изучения иностранных языков 112

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Алексеева Е.А.

Аспекты идентичности личности (на материале французских СМИ) 125

Косарик М.А.Трактат по истории испанского языка Б. Де Альдрете (1606) как первое сочинение
по романской филологии 135**Маремукова Э.В.**

Языковая проекция стереотипов в разных лингвокультурах 146

Попова С.Б., Шкапенко Т.М.Функционирование семантической кальки токсичный в дискурсивных практиках
носителей современного русского языка 156

РЕЦЕНЗИИ

Цыбова И.А.

О словаре В.М. Дебова 167

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

N.V. Ivanov FACTORS OF SEMIOGENESIS (philosophical and linguistic analysis)	5
Dmitry S. Korshunov FREQUENCY OF CO-OCCURRENCE OF CHINESE CHARACTERS AS AN INDICATOR OF LEXICALITY (WHEN SELECTING THE VOCABULARY OF CHINESE MILITARY DISCOURSE).....	14
Aleksandra P. Kryachkova CULTURE-BOUND WORDS AS A METHOD OF SPEECH STRATEGIES IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE ..	25
Olga V. Larina, Irina V. Kryuchkova COGNITIVE PECULIARITIES OF PERCEIVING AND DISTINGUISHING DIFFERENT MEANINGS OF THE MODAL VERB <i>WOULD</i>	36
Sergey V. Mukhin, Darya A. Efremova LANGUAGE AND STYLE OF INTERNATIONAL AGREEMENTS OF WESSEX	45
Olga Pogoretskaya EVALUATION FACTORS IN SEMANTIC MECHANISMS OF MANIPULATION (in Italian)	56
Yaroslav Y. Khlopotunov, Dmitry S. Khramchenko AXIOLOGICAL ASPECT OF CONFRONTATIONAL COMMUNICATIVE STRATEGIES IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE	65

TRANSLATION SCIENCE

Irina S. Kashenkova LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF COMPOSITES TRANSLATION FROM GERMAN INTO RUSSIAN	75
Galina V. Ovchinnikova TRANSLATION CONSTRAINTS OF EASTERN LOANS IN RUSSIAN FILM SUBTITLES IN FRENCH	82

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENCE APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Z.V. Kostanian, S.Iu. Kuznetsova PROFESSIONALLY-ORIENTED APPROACH TO TEACHING ENGLISH GENRE WRITING TO JOURNALISM STUDENTS	89
Mohammadi Mohammad Reza, Ahmadi Mireyla, Baharloo Hadi, Ghalebani Seyedeh Safoora COMMON PROBLEMS OF TEACHING RUSSIAN VERBS TO PERSIAN LANGUAGE STUDENTS USING RUSSIAN-PERSIAN BILINGUAL DICTIONARIES AS A TEACHING TOOL	103
Olga Yu. Savina INTERCONNECTION OF PERFECTION AND SUCCESS IN LEARNING FOREIGN LANGUAGES	112

LITERATURE AND LINGUOCULTUROLOGY

E.A. Alekseeva SOME ASPECTS OF PERSONAL IDENTITY ON THE MATERIALS OF FRENCH MEDIA.....	125
M.A. Kossarik THE TREATISE ON THE HISTORY OF SPANISH BY B. DE ALDRETE (1606) AS THE FIRST TEXTBOOK OF ROMANCE PHILOLOGY.....	135
Elleonora V. Maremukova LANGUAGE PROJECTION OF STEREOTYPES IN DIFFERENT LINGUISTIC CULTURES.....	146
S. Popova, T. Shkapenko THE FUNCTIONING OF A SEMANTIC CALQUE <i>ТОКСИЧНЫЙ</i> IN DISCURSIVE PRACTICES OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE.....	156

BOOK REVIEW

I.A. Tsybova ON DEBOV'S DICTIONARY	167
--	-----

FACTORS OF SEMIOGENESIS (PHILOSOPHICAL AND LINGUISTIC ANALYSIS)

N.V. Ivanov

Moscow State Institute of International Relations (University).
76, Prospekt Vernadskogo, 119454 Moscow, Russia

Abstract. *The article deals with the philosophical and cognitive criteria of the evolution of the sign (semiogenesis), growing from signal to symbol and further to the sign in Language. The article aims to reveal not only differences among the three semiotic forms, but also their common and generic features. As a common philosophical criterion, to define generic feature of all evolutionary semiotic forms and to explain the principle of the inner relationship between the form and the meaning in them, category of otherbeing (inobytié) is used. The cognitive analysis, which deals with the differential features of the evolutionary semiotic entities, is developed on the base of the categories of identification and interpretation. The both functions, the identification and the interpretation, correlate with each other differently in signal, in symbol and in conventional sign of Language. The transition from one function to another characterizes the essence of the speech actualization of the sign in the process of semiosis. The only functional condition, that remains common and unchangeable in all kinds of sign, is the transition to the otherbeing. The otherbeing (whatever its functional perspective) represents the phenomenology of the sign in speech. The article may be interesting for the specialists in philosophy, semiotics and general linguistics.*

Key Words: *semiogenesis, semiosis, signal, symbol, sign in Language, otherbeing, identification, interpretation*

For citation: Ivanov N.V. 2020. Factors of Semiogenesis (Philosophical and Linguistic Analysis). *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 5–13. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-5-13>

ФАКТОРЫ СЕМИОГЕНЕЗА (ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

Н.В. Иванов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Аннотация. *Статья направлена на выявление философских и когнитивных критериев знаковой эволюции (семиогенеза) от сигнала к символу и, далее, к языковому знаку. Автор стремится показать не только различия между тремя эволюционными видами знаковости, но и то общее, что их объединяет, составляет их родовую основу. В качестве общего философского критерия*

используется категория инобытия. На этой основе устанавливаются общие признаки трёх эволюционных форм знаковости. В части когнитивного критерия привлекаются категории идентификации и интерпретации. На этой основе постулируются дифференциальные признаки рассматриваемых форм. Функции идентификации и интерпретации по-разному соотносятся друг с другом в сигнале, символе и условном языковом знаке. Переход от одной функции к другой характеризует узуальную/речевую актуализацию знака в процессе семиозиса. Незменным в любом виде знаковости остаётся общее функциональное условие семиозиса, которым является переход к инобытию. Инобытие (в любом ракурсе) составляет вершину феноменологии знака. Статья может быть интересна специалистам в области семиотики, философии языка, общего языкознания.

Ключевые слова: семиогенез, семиозис, сигнал, символ, языковой знак, инобытие, идентификация, интерпретация

Для цитирования: Иванов Н.В. 2020. Факторы семиогенеза (лингвофилософский анализ). Филологические науки в МГИМО. Том 6. № 4(24). С. 5–13. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-5-13>

Основными эволюционными видами знаковости в семиотике принято считать знак-индекс, иконический знак и языковой знак [15, с. 153-162], [9, с. 130-135]. Мы для именования тех же семиотических сущностей будем пользоваться традиционной терминологией, называя их, соответственно, сигнал, символ и языковой знак. Первый можно назвать физическим знаком: в нём содержание и форма понимаются как последовательно сменяющие друг друга феномены, события. Второй (символ) можно назвать образным знаком: в нём форма стремится быть подобной содержанию и превращается в образ, который налагается на реальную картину мира, подменяет собой последнюю, но при этом служит более точному и глубокому её пониманию. Третий (языковой знак) стоит на вершине знаковой эволюции и характеризуется как условно обозначающий знак: в нём нет ни физической (реальной), ни образной (мнимой) связи между формой и содержанием. Эту связь принято называть произвольной [11, с. 101]: два её аспекта несоизмеримы по своей природе. Поэтому её ещё называют абсолютной, диалектической. В настоящей статье проводится общий философский и когнитивный анализ трёх форм знаковости.

Категория инобытия в анализе форм знаковости

Эффективным общим критерием метафизической интерпретации знакового отношения в сигнале, в символе, в знаке является категория *инобытия*. Инобытие означает бытие в другом, как другое или через другое. Данную категорию в научный обиход философии впервые ввёл Г.В.Ф. Гегель – как один из способов объяснения диалектики взаимного отрицания парных категорий, из которых он выстраивал здание своей философской системы. В частности, с помощью этой категории Гегель характеризует отношение формы к содержанию [6, с. 229].

Инобытие отменяет (отрицает, превосходит) собственную природу вещи в её наличной данности. Природу, вслед за Гегелем, мы понимаем как единство сущности и её бытия (вся полнота необходимого определения сущности в аспекте бытия) [6, с. 424]: природа = сущность + бытие. В семиотическом представлении бытие вещи заменяется инобытием (в аспекте формы): сущность + бытие/инобытие... Привычные очертания необходимой формы бытия вещи сменяются очертаниями инобытия, лишёнными необходимого значения с точки зрения сущностного определения вещи. Инобытие не-онтологично, *внесущностно*. При этом происходит видимое *перерождение* вещи, вещь как бы выходит за рамки своей природы, вторгаясь в сферы, превышающие необходимую форму её бытия. Вещь сущностно остаётся сама собой (в реальной данности или в идеально-знаковом представлении), но при этом *одновременно* – реально или потенциально – выступает как нечто другое.

Данное перерождение, наблюдаемое в семиотическом представлении, трактуется как *семиозис*. *Отчуждение* действительной природы вещи – основная черта семиозиса (в предельно общем его понимании). Семиозис = сущность + инобытие. Это мы понимаем как предельно общее категориальное определение семиозиса.

Вместе с семиозисом у человека рождается уникальная, отличающая его от всех других существ, способность *разумного* понимания внешней реальности (её понимания в мыслительных формах). В этом можно видеть высшее познавательное предназначение семиозиса.

Важно различать степени или виды отчуждения – виды инобытия. Принципиальным образом возможны два вида инобытия: относительное и абсолютное.

Относительное инобытие – инобытие по становлению. Вещь *становится* другой, *переходит* в *иное* состояние: в новом состоянии потенциально присутствуют признаки предыдущего, в предыдущем состоянии потенциально содержатся признаки нового. *Переходность* из одного состояния (бытия) в другое (иное бытие) – важнейший признак относительного инобытия. Ближе всего относительное инобытие раскрывается как причинно-следственное отношение.

В сферу относительного инобытия попадают все виды сигналов (знаков-индексов, как их называл Ч. Пирс). Связь между тем, что понимается как форма, и тем, что понимается как содержание, в сигнале устанавливается по принципу “physical connection”, как определял это Ч. Пирс [Ч. Пирс: 159]. Понятно, что становление в знаковой форме сигнала представлено в снятом виде, потенциально: мы видим одну материальную данность, за которой распознаём другую материальную данность. Так, например, в фигуре старика мы угадываем черты некогда молодого человека (старик = молодой), по окаменелостям угадываем признаки прошлой жизни животного (камень = живое существо). Или излюбленный пример семиотиков (к которому любил прибегать и родоначальник науки о знаках) [15, с. 162, 170]: связь дыма и огня, где дым интерпретируется как «знак» огня. Более точным, на наш взгляд, здесь было бы назвать дым *сигналом* огня. Противоположное или иное состояние вещи трактуют как «небытие» для исходного.

Важно понимать, что связь формы и содержания в сигнале, в конечном счёте, устанавливается воспринимающим. Вещь не сама по себе становится сигналом (знаком). Сигнал должен быть узнан или распознан субъектом, стать сигналом *для субъекта*, иначе его нельзя будет считать сигналом. Назовём это субъективной релевантностью сигнала. В сигнале реализуется рефлекторная операция восприятия. Выделяются безусловно-рефлекторная и условно-рефлекторная сферы сигнала. Обладающие развитой психикой высшие животные «учатся» узнавать окружающие их сигналы. Фонд условно-рефлекторных сигналов у высших животных достаточно велик. В общении между собой животные также издают сигналы: сигналы агрессии, влечения, неприязни, удовольствия, отвращения и т. д. Высшие сигналы являются выражением условно-рефлекторной реакции животного. Разница между воспринимаемыми и порождаемыми сигналами не имеет принципиального значения.

Абсолютное инобытие характеризует отношение между формой и содержанием в символе и в знаке – семиотических сущностях, которые образуются либо иконическим, либо условным путём. При абсолютном инобытии невозможно говорить о каких-либо признаках становления, переходности от содержания к форме (равно как и обратно, от формы к содержанию). В знаковое отношение вступают объекты принципиально разной, *несоизмеримой* природы, между которыми невозможна физическая связь. При этом собственное бытие каждого из вступающих в знаковую связь объектов теряет свою релевантность: каждая из сторон знакового отношения теперь релевантна *исключительно* в своём *бытии-как-другое*, то есть в своём инобытии: форма живёт по законам содержания, а содержание – по законам формы. Любые свойства формы или содержания, превышающие масштаб их отношения друг к другу в знаке (в символе), нерелевантны. Данное свойство символа и знака мы считаем универсальным и определяем его как «*ненастоящность бытия*» [7, с. 33-34]: лишь в своём ненастоящем бытии объект может мыслиться как сторона знакового отношения.

Эффект ненастоящности бытия можно видеть в самых различных семиотических сущностях. Наглядным примером здесь является метафора, где обозначаемый объект в своих зна-

чимостных чертах уподобляется образу, как бы «ведёт» себя как образ, но и образ ограничен в своём «поведении» семантикой объекта. Образ не может быть, то есть оставаться самим собой, без предметно-семантического обоснования (см.: [14, с. 76]). Аналогия между образом и объектом в метафоре, как и в любой другой символической форме, носит взаимный характер. Обозначаемый объект подчинён образу по смыслу, образ подчинён обозначаемому объекту референциально. Взаимное подчинение образной и прямой номинаций хорошо выявляется в переводе. Так, португальская пословица «*doença é celeiro do médico*» дословно переводится как «*болезнь – это амбар для врача*». Конечно, буквальное значение «амбар» в русском переводе звучит непонятно. Но нужно понять коннотативную окраску португальского слова «*celeiro*». Это значит «*накопленное добро*», «*достаток*». В переводе этой пословицы на русский язык можно уйти от образности и использовать слово общей семантики: «/чужая/ *болезнь – это доход для врача*». «*Доход*» – это прямое наименование того, что в португальской пословице обозначается образным словом «*celeiro*». В переводе переводчику нередко приходится отказываться от первичных образных признаков переводимых элементов и оставлять лишь голое, лишённое экспрессивных окрасок прямое значение. Среди переводчиков это называется «перевод по смыслу». Конечно, в качестве варианта перевода можно использовать и русское образное слово с близкими коннотациями: «*болезнь – это хлеб врача*». В метафоре (как и в других символах) дублирующие друг друга по сходству образное и референциальное значения стоят в оппозиции друг другу. Называя человека словом *эпоха*, мы подчёркиваем его историческую значимость в какой-то области, масштаб сделанного им. Но не только «*человек*» возвышается до уровня «*эпохи*», но и «*эпоха*» связывает себя семантическими рамками понятия «*человек*». Оба аспекта знакового отношения в символе, по меткому выражению Ж. Бодрийера, «*инвестируют*» друг в друга. Ж. Бодрийер в полной мере эксплуатирует здесь семантику французского слова «*investir*»: «*вкладывать капитал*»; «*атаковать*». Здесь присутствует и намёк на глубинную семантику латинского корня «*vest*», дающего начало многим словам в романских языках, имеющим отношение к одеянию, облачению [3, с. 72]. Х.-Г. Гадамер отмечает «прирост бытия» в символической структуре метафоры [5, с. 188].

В языковом знаке также присущий ему семантико-грамматический комплекс должен отображать и раскрывать свойства обозначаемого объекта. В языковом обозначении мы ищем, с одной стороны, насколько семантика знака соответствует картине мира, а с другой стороны, – насколько картина мира отвечает семантике знака. Так, в португальском языке глаголы *ajudar* (помогать), *aconselhar* (советовать), *impedir* (препятствовать), *recusar* (отказывать кому-то в чём-то или отказываться от чего-то) в своём наиболее частотном узусе имеют прямое управление (что соответствует винительному падежу в русском языке, ср.: *помогать кого-то**, *советовать кого-то**, *препятствовать кого-то**, *отказывать/ся что-то**). В русском и в ряде других языков аналогичная семантика передаётся через дательный падеж или предложную форму. Условность грамматики осознаётся нами, когда мы сравниваем её с грамматикой другого языка. Какая из грамматик «правильно» отображает мир? Грамматика языка отвечает картине мира или картина мира – семантическим критериям грамматики? Думается, вопросы эти лишены смысла. Каждый язык «видит» мир по-своему. Вопрос должен быть поставлен иначе: препятствует ли (помогает ли) категориальный априоризм грамматики истинному пониманию мира?

«Ненастоящность» является сущностной чертой символической знаковости. Именно в этом значении употребляется термин «символический», когда говорят, например, о символическом внимании, символическом приветствии или уважении: это ненастоящее внимание или уважение, но вместе с тем это определённым образом значимое внимание, значимое уважение. Абсолютное инобытие – это в полном смысле слова символическое, «ненастоящее» бытие объекта. В любом символе мы видим ненастоящее изображение настоящего. Его можно также назвать неистинным, неподлинным бытием. Объект символически (то есть ненастоящим образом) «присутствует» в знаковом представлении. Удачным в данном контексте представляется термин Ж. Бодрийера – «симулякр». Имеется в виду, что в опыте символической связи одно присутствует в другом как «кажимость» (подобно «призраку»).

Абсолютное инобытие – не внешняя данность, постигаемая опытным чувственным путём. Оно отсутствует в *природе* вещи (напомним: что речь именно идёт о том, что вещь *отрешается*, отчуждается от своей природы), противостоит природе. Поэтому оно исключительно антропогенно (изобретено человеком) и в силу этого же обстоятельства определяется как *искусственное* бытие. Критерием искусственности выступает ненастоящность бытия – бытие «не-по-природе». В силу этого же обстоятельства данное бытие исключительно культурогенно. Культура противостоит природе по параметру принципиальной неестественности, искусственности своих объектов. В абсолютном инобытии мы видим принцип рождения культуры.

В сферу культурной знаковости, в сферу исторического семиогенеза попадает все разнообразие видов культурно-символических форм: все возможные формы искусства, культурно обусловленные формы поведения, нравственные и ценностные общественные предрассудки, ритуалы, мифологические, религиозные и фольклорные образы, все виды языковых обозначений (от частей речи до языковой идиоматики). Создать более или менее полную типологию этих форм на данный момент не представляется возможным ввиду чрезвычайной многоплановости релевантных признаков, по которым может проходить их описание. Именно на это внутренне противоречивое разнообразие указывал А.Ф. Лосев, предостерегая других исследователей от попыток односторонней интерпретации символа в какой бы то ни было области культурной жизни или искусства [8, с. 65-66].

Если говорить о количественном соотношении сигналов и знаков в опыте человека, то мы считаем, для человека в окружающем мире сигналов на порядок больше, чем знаков. Человек существует в мире сигналов. Сигналы – это всё бытие человека. Человек реагирует на окружающие его сигналы, часто не отдавая себе в этом отчёта, машинально. Сигнал произволен, естественен, не требует сознательного усилия. Знак, наоборот, требует сознательного усилия. Человек в своём сознании постоянно «мигрирует» из мира сигналов в мир знаков и обратно.

Методологическую опасность представляет неразличение сигналов и знаков, в основе которого лежит неразличение двух видов инобытия. В конечном счете, именно оно приводит к метафизической редукции высших форм знаковости к низшим: свойства символа и знака описываются через свойства сигнала, а не наоборот. Понятие семиогенеза лишается эволюционных критериев. В итоге любая внешняя относительность, любая связь формы и содержания в объектах природы может провозглашаться как знаковая. Характерным примером такого семиотического редукционизма в лингвистике является теория языка Л. Блумфилда. В основу языка Л. Блумфилд кладёт психофизиологическую механику отражения по принципу «стимул – реакция». Исходя из этого и структурное описание языка строится по формальной модели «непосредственных составляющих». Сам Л. Блумфилд называет свою теорию языка «материалистической» и «механистической», выдвигая на первый план «причинно-следственное отношение» [2, с. 47].

Имея в виду всё сказанное выше, поставим вопрос: какому из двух видов инобытия – относительному или абсолютному – должна отводиться роль метаязыка семиотического описания? (1) Абсолютное инобытие должно интерпретироваться в терминах относительного, или, наоборот, (2) относительное инобытие должно интерпретироваться в терминах абсолютного? В каком из случаев мы говорим о подлинно семиотическом подходе к объекту, о семиотической интерпретации реальности? Вариант (1) подразумевает метафизическую редукцию высшего к низшему. Вариант (2) предполагает возможность семиотического перевыражения низшего в терминах высшего, представляя собой реализацию собственно семиотического подхода. Семиотический подход допускает рассмотрение низшего с точки зрения высшего, но не наоборот. Признаки абсолютного инобытия являются ведущими, сущностными в интерпретации семиотической реальности (даже если объект, рассматриваемый как семиотический, сам по себе не является знаком, выражая тот или иной способ необходимой связи формы и содержания). Мы можем интерпретировать сигнал как знак, и это будет выражением семиотического подхода. Напротив, интерпретация знака как сигнала (то есть как варианта необходимой причинно-следственной связи) нарушает принципы семиотического анализа, знаменует собой утрату семиотического метода.

Критерии идентификации и интерпретации в формах знаковости

В любом виде знаковости знаковое отношение распадается на два аспекта или две функции: функцию знакового замещения и функцию идентификации. Последнюю можно также назвать функцией референции, поскольку она характеризует отнесённость знака к объекту. Форма-означающее, с одной стороны, замещает собой содержание-означаемое, но при этом, с другой стороны, она же служит идентификатором этого самого содержания (то есть посредством неё мы узнаём и понимаем с той или иной степенью точности то, о чём идёт речь). Первую можно назвать материальной функцией знаковой формы, вторую – идеальной функцией формы. С одной стороны, знак должен быть эквивалентен тому, что с его помощью обозначается и что, таким образом, составляет его содержание, с другой, он должен быть содержательно адекватен обозначаемому.

Категория инобытия охватывает оба аспекта знакового отношения и помогает установить общие критерии эволюции форм знаковости в процессе семиогенеза.

В каждом из своих аспектов, материально и идеально, знак уподобляется объекту: как эквивалент (материальная замена объекта) и как *интерпретатор* объекта. Заметим, что удельное соотношение материального и идеального уподобления в знаке в процессе семиогенеза неуклонно меняется, причём, меняется не в пользу материального, а в пользу идеального.

В идеальном аспекте знакового отношения в процессе семиогенеза рождается феномен интерпретации. Впрочем, первоначально в сигнале функция интерпретации всё ещё не отличена от идентификации объекта и составляет с ней единое целое. Лишь постепенно, при переходе к символу, функция интерпретации начинает всё больше обособляться от функции идентификации и играть самостоятельную роль.

Сигнал, простейший знак, основан на причинно-следственном отношении формы и содержания, где одно наступает после другого и понимается как следствие этого другого. Уже в сигнале зарождается по сути идеальное представление о причинно-следственной мотивированности формы. Моменты, которые в своём физическом качестве не могут быть даны одновременно, объединяются в едином ментальном представлении. Мы угадываем, что стоит за знаковой формой: что было до неё или что будет после неё. В красках заката мы угадываем признаки завтрашней погоды, в движении подсолнуха мы угадываем движение солнца, цвет лица выдаёт нам физическое или психическое состояние человека, сила и тембр голоса показывает эмоциональную реакцию человека, дым говорит о вероятном присутствии огня, за командой командира («стой!», «шагом марш!») стоит действие, которое должен осуществить солдат и т. д. Это простейший вид интерпретации – эксплицирующего типа. Одна сторона знака-сигнала эксплицирует другую: если есть одно, то должно быть другое. Связь сторон понимается как необходимая. Сигнал «приучает» нас к некоторому порядку логических взаимосвязей в воспринимаемом мире. Однако дальнейшего развития интерпретация в сигнале не получает, мы видим в нём лишь мотивационное причинно-следственное указание: одна сторона знака указывает на другую. Две функции идеальной стороны знака-сигнала составляют единое целое.

В символе, где форма иконически (миметически) относится к своему содержанию, являясь (в представлении субъекта) его более или менее полным и совершенным изображением, удельный вес интерпретации в структуре знакового отношения заметно увеличивается. Однако и здесь, в силу принципиального иконизма символа, интерпретация всё ещё существенно отягощена формой и имеет главной своей задачей идентификацию объекта. Сама форма символа (образ) служит непосредственным интерпретатором обозначаемого объекта¹.

Символ подменяет объект собственным изображением, привносит свойства собственной семантики в понимание объекта. При наложении семантики символа на реальную картину мира

¹ Логический анализ метафоры предполагает выделение общего двум сравниваемым семантическим сущностям внешнего смыслового «интерпретатора», именуемого «третьим сравнения» (*tertium comparationis*). Однако логический подход перестаёт работать, когда мы изучаем поэтическую метафору, где образ нередко «отрывается» от реального объекта, начинает жить собственной жизнью, подавляет реальный объект. Такой точки зрения придерживается, в частности, А. Вежбицка: «Все метафоры эллиптически. Для экспликации метафоры нужны два элемента, а не три» [4, с. 149].

открываются дополнительные присущие и приписываемые реальности (посредством символа) смыслы. Эти смыслы, с одной стороны, объективны, поскольку характеризуют какие-то свойства объекта, но с другой стороны, они – результат применения символа. Сама картина мира в прямом её понимании не способна в едином целостном представлении показать свои значимые смыслы. Прямая номинация объекта «проигрывает» символу в смысловой эффективности. «Прямое именование не удовлетворяет говорящего в силу своей смысловой недостаточности. Смысловая недостаточность собственного наименования компенсируется за счёт образного лексического элемента, используемого во вторичной номинативной функции» [14, с. 55]. Что касается сложных описательных образов, А.А. Потебня подчёркивал смысловую ёмкость пословиц, дающих «... возможность замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами» [10, с. 100].

В символе верх берёт образная интерпретация объекта. Важно отметить, что в этом типе интерпретации в отличие от предыдущего частично разрывается необходимая взаимообуславливающая связь моментов формы и содержания. Она становится односторонней: эта связь остаётся необходимой и мотивированной лишь в том, что касается идентифицирующей способности символа в отношении объекта. В части образной интерпретационной функции символ свободен и не несёт никаких смысловых «обязательств» перед объектом.

Как показывают исследования, символ в своём интерпретационном развитии может частично утрачивать объективную похожесть и «отрываться» от реального объекта. Впрочем, полная потеря связи с объектом губительна для символа, он утрачивает свои образные свойства, перестаёт быть символом; «избавившись» от объекта, символ рискует потерять качество образности [1, с. 136]. Интерпретационная функция в символе может развиваться сколь угодно далеко, но не за счёт потери идентифицирующей способности по отношению к объекту. При любых условиях мы должны узнавать в символе реальный объект. Понимание всякого образа (любого по своей глубине и нарративной развёрнутости) должно заканчиваться узнаванием реального объекта (см.: [14, с. 74]). Символ подчинён реальному объекту семантически (в конце концов, он используется как средство обозначения и понимания внешней реальности), реальный объект находится во власти символа по смыслу. Интерпретационная свобода символа ограничена: она не может выйти за рамки функции объективной идентификации.

Исследования, характеризующие содержательную структуру символа, показывают, что в символе разворачивается борьба, конкуренция инобытия с бытием – образа с реальным объектом, косвенного понимания и обозначения с прямым пониманием и обозначением объекта. Символ, реализуя в себе механизм образного «остранения», затрудняет узнавание объекта, вытесняя возможное прямое именование объекта из области референции. Но он, проходя через все смысловые перипетии интерпретации, неизменно возвращает нас к этому самому объекту, усиливая эффект узнавания. Чем труднее форма символа, тем ярче и глубже узнавание истинного объекта. Об этом пишет В.Б. Шкловский, вспоминая своего учителя А.Н. Веселовского [13, с. 15].

Говоря о разделении функций идентификации и интерпретации в идеальной стороне знака, при переходе от сигнала к символу в процессе семиогенеза, мы противопоставляем друг другу метафизику и феноменологию знака, устойчивое необходимое и случайное в нём.

В языковом знаке, действующем исключительно по принципу прямого обозначения реальности, устанавливается относительный когнитивный баланс между априорной категориальной и реальной феноменологической семантикой, между языковым значением и референцией. Языковая форма знака (фонетическая и частично морфологическая) теряет своё когнитивное влияние. Но за этой формой стоит высоко устойчивая языковая семантика (лексическая и грамматическая), которая заявляет о себе в процессе понимания мира. Мы говорим об априоризме языковой семантики, о «структурном априоризме языка»² в опыте понимания мира, в акте референции. Что к чему приспособливается в акте языкового обозначения: языковая семантика к видимой или

² О языковом априоризме как об универсальной категории говорит М.Н. Федулова, противопоставляя друг другу структурный и дискурсивный аспекты языкового априоризма [12, с. 79, 86-87].

представляемой внешней реальности или внешняя реальность к языковой семантике? Языковая семантика составляет наличный когнитивный потенциал понимания мира в языке. Человек не может перешагнуть через границу этого потенциала и отказаться от него: в мире можно понять только то, что позволяет понять наличный семантический ресурс языка. На этой основе возникает эффект так называемой «языковой картины мира». От чего больше зависит истина понимания: от внешней акциденции или от внутреннего структурного и семантического априоризма языка? В принципе мы здесь возвращаемся к старому спору стоиков и александрийских грамматистов о преобладании аномалии или аналогии в языке.

В акте обозначения в языковом знаке в части идентификации победу одерживает семантический языковой априоризм, а в части интерпретации (дальнейшего содержательного развития) первенствует контекстуальная сторона, за которой стоит и всё шире открывается внешняя реальная ситуация. Таким образом, в языковом знаке в его речевой актуализации не идентификация верифицирует интерпретацию (как в символе), а интерпретация (то есть ситуационная феноменологическая сторона понимания) верифицирует первичную языковую (в целом условную) идентификацию объекта. В символе за всеми его интерпретационными смысловыми нагромождениями человек должен в итоге узнать объект – понять, о чём идёт речь. В языковом знаке я использую условное обладающее априорной языковой семантикой обозначение, когнитивная правильность и адекватность которого объекту будет проверена дальнейшим контекстным развитием содержания.

Таким образом, вектор перехода от содержательной метафизики к содержательной феноменологии в семиозисе символа и знака внутренне меняется. В семиозисе символа процесс понимания развивается от интерпретации к идентификации, где образный смысловой интерпретатор предзадан и предшествует узнаванию объекта. Идентификация объекта в символе выполняет феноменологическую функцию, являясь вершиной понимания. В семиозисе языкового знака процесс понимания развивается от идентификации к интерпретации, где идентификация, представленная условным языковым обозначением, служит относительно неизменной, метафизической стороной понимания. Вершиной понимания служит смысловая интерпретация языкового семантического идентификатора, которая открывается посредством его контекстной обусловленности. Контекстуальная феноменология становится вершиной понимания обозначаемого языковым знаком объекта. В символе референция верифицирует смысл (интерпретацию). В языковом знаке интерпретация (смысл) верифицирует референцию.

Таким образом, мы видим, развитие знаковости (семиогенез) идёт по пути ослабления и деградациии функции замещения – материальной стороны знака, которая становится всё более условной и формальной. Вместе с этим, усиливается роль идеальной стороны знака, реализующей процесс понимания, которое становится всё более чистым, полным, адекватным, а также внутренне дифференцированным, поскольку в нём всё больше различаются и расходятся метафизическая и феноменологическая стороны. Чем сильнее роль функции замещения, тем слабее идентифицирующие возможности знаковой формы. И напротив: чем слабее функция замещения, тем шире и полнее возможности понимания стоящего за ней означаемого.

На вершине эволюции стоит интерпретационная способность знака, которая достигает высшей степени свободы в языке.

© Иванов Н.В., 2020

Список литературы

1. Барбазюк В.Ю. Смысловое развитие метафоры в текстах различных жанров: семиотический и синергетический аспекты интерпретации. – Диссертация на... кандидата филол. наук. М., 2013. 180 с.
2. Блумфилд Л. Язык. М.: изд. «Прогресс», 1968. 607 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
4. Вежбицка А. Сравнение – градация – метафора.// Теория метафоры (сборник). М.: Прогресс, 1990. С. 133-152.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и Метод. (основы философской герменевтики). М.: Прогресс, 1988. 740 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Наука Логики.// Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1974. 452 с.

7. Иванов Н.В. Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса. Диссертация на ... доктора филол. наук. М., 2002. 377 с.
8. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 350 с.
9. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура (курс лекций). М.: изд. центр «Академия», 2004. 432 с.
10. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. С. 55-131.
11. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31–285.
12. Федулова М.Н. Интерпретационная природа дискурса в социокультурном и коммуникативном измерениях (на материале английских и русских текстов судебной риторики). Диссертация на... доктора филол. наук. М., 2020. 315 с.
13. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. 383 с.
14. Шнякина К.В. Дискурсивная динамика образных форм в языке и тексте (семиотический анализ английских и русских пословиц и метафор). - Дисс. на соискание... к.ф.н. М., 2010. 163 с.
15. Peirce Ch. S. Elements of Logic. // Collected papers. Vol. II. – Cambridge (Mass): Harv. Univ. Press, 1965. 535 p.

References

1. Barbaziuk, V.Yu. *Smyslovoe razvitie metafory v tekstakh razlichnykh zhanrov: semioticheskiy i sinergeticheskiy aspekty interpretatsii* [Semantic development of metaphor in texts of different genres: semiotic and synergetic aspects of interpretation]. – Dissertatsiia... kandidata filol. nauk. M., 2013. 180 s.
2. Bloomfield, L. *Yazyk* [Language]. M.: izd. "Progress", 1968. 507 s.
3. Baudrillard, J. *Symvolitcheskii obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. M.: Dobrosvet, 2000. 387 s.
4. Werzicka, A. *Sravneniye – gradatsiia – metafóra* [Comparison – gradation – metaphor] // *Teoriia metafory* (sbornik) [Theory of metaphor (collection)]. M.: Progress, 1990. S. 133-152.
5. Gadamer, H.- G. *Istina i Metod (osnovy filosofskoy germeneytiki)* [Truth and method (basics of philosophical hermeneutics)]. M.: Progress, 1988. 704 s.
6. Hegel, G.W.F. *Nauka Logiki*. [Science of Logic] // *Entsyklopediia filosofskikh nauk*. T.1. M.: Mysl', 1974. 452 s.
7. Ivanov, N.V. *Symvolitcheskaya funktsiia iazyka v aspektakh semiogeneza i semiosis* [Symbolic function of language in the aspects of semiogenesis and semiosis] Dissertatsiya na... doktora filol. nauk. M., 2002. 377 s.
8. Losev, A.F. *Problema simbola i realisticheskoye iskusstvo* [The Problem of symbol and realistic art]. M.: Iskustvo, 1976. 350 s.
9. Metchkovskaya, N.B. *Semiotika: Iazyk. Priroda. Kultura* (kurs lektсий) [Semiotics: Language. Nature. Culture. (course of lectures)]. M.: izd. tsentr "Akademiya", 2004. 432 s.
10. Potebnya, A.A. *Iz lektсий po teorii slovesnosti. Basnia. Poslovitsa. Pogovorka* [From the lectures on philology. Fable. Proverb. Saying] // *Potebnya A.A. Teoreticheskaya poetika* [Potebnya A.A. – Theoretical poetics]. M.: Vysshaia shkola, 1990. S. 55-131.
11. Saussure, F. de. *Kurs obshchey lingvistiki* [The Course of general linguistics] // *Saussure F. de. Trudy po iazykoznaniyu* [Saussure F. Works of linguistics]. Moskva: Progress, 1977. P. 31–274.
12. Fedulova, M.N. *Interpretatsionnaya priroda diskursa v sotsiokulturnom i kommunikativnom izmereniyah (na materiale angliyskikh i russkikh tekstov sudebnoy ritoriki)* [The interpretational nature of discourse in sociocultural and communicative aspects (on the material of English and Russian texts of legal rhetorics)]. M., 2020. 315 s.
13. Shklovskiy, V.B. *O teorii prozy* [On the theory of prose]. M.: Sovetskiy pisatel', 1983. 383 s.
14. Shnyakina, K.V. *Diskursivnaya dinamika obraznykh form v iazyke i tekste (semioticheskiy analiz angliyskikh i russkikh poslovits i metaphor)* [Discourse dynamics of imaginative form in language and text (semiotic analysis of English and Russian proverbs and metaphors)] Dissertatsiia ... kandidata filol. nauk, M., 2010. 163 s.
15. Peirce, Ch. S. Elements of Logic. // Collected papers. Vol. II. Cambridge (Mass): Harv. Univ. Press, 1965. 535 p.

Сведения об авторе:

Иванов Николай Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: теория перевода, семиотика, семантика, теория коммуникации, грамматика португальского языка.

Email: e-nickma@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Nicolay Viktorovitch Ivanov – Doctor in linguistics, Full Professor, Chief of Roman Languages Department, MGIMO University (Moscow, Russia), Spheres of scientific interest: theory of translation, semiotics, semantics, theory of communication, Portuguese grammar.

Email: e-nickma@mail.ru

Conflicts of interest: The author declares absence of conflicts of interest.

* * *

FREQUENCY OF CO-OCCURRENCE OF CHINESE CHARACTERS AS AN INDICATOR OF LEXICALITY (WHEN SELECTING THE VOCABULARY OF CHINESE MILITARY DISCOURSE)

Dmitry S. Korshunov

Military University of Radio Electronics,
126, Sovetsky Prospect, Cherepovets, Vologda region, 162600, Russia.

Abstract. *Teaching a foreign language in a non-linguistic college or university should be professionally oriented, which brings up the question of selecting the relevant vocabulary of a professional discourse under study. Modern text corpora are too general in subject matter and the time span. Therefore, a specially compiled collection of texts can serve the purpose of selecting the vocabulary. In the case of the Chinese language, the task is complicated by the lack of word segmentation in such texts. Taking into account the fact that most words in Chinese are written in two characters, it is assumed that one of the methods applicable in this situation is a comprehensive frequency analysis of text sequences of two characters – character bigrams. The analysis of frequent bigrams has showed that 70% of the most frequent lexical units are representative of the discourse, including 11% of out-of-vocabulary ones. The remaining part of bigrams pertain to syntactic constructions, including structurally incomplete ones, and fragments of longer lexical units. Thus, the high frequency of character co-occurrence can with a rather high probability ($p > 0.7$) be considered as an indicator of lexicality in identifying representative vocabulary in an unsegmented thematic collection of texts in Chinese.*

Key Words: *Chinese military discourse, Chinese language, military news reports, vocabulary selection, lexical units, out-of-vocabulary words, character bigrams, frequency analysis, frequency of co-occurrence*

For citation: Korshunov D.S. 2020. Frequency of Co-Occurrence of Chinese Characters as an Indicator of Lexicality (When Selecting the Vocabulary of Chinese Military Discourse). *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 14–24. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-14-24>

ЧАСТОТА СОВМЕСТНОЙ ВСТРЕЧАЕМОСТИ ИЕРОГЛИФОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЛЕКСИЧНОСТИ (ПРИ ОТБОРЕ ЛЕКСИКИ КИТАЙСКОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА)

Аннотация. Преподавание иностранного языка в неязыковом вузе должно быть профессионально ориентированным, что ставит перед преподавателем задачу отбора лексики, репрезентативной для профессионального дискурса изучаемой специальности и актуальной для его текущего состояния. Современные корпуса текстов являются слишком общими по тематике и охватываемому периоду для такой узкой задачи. Поэтому материалом для отбора лексики должна выступать специально составленная коллекция текстов. В случае с китайским языком задача осложняется отсутствием сегментации таких текстов на слова. С учётом того, что большинство слов китайского языка записываются двумя иероглифами, предполагается, что одним из применимых в этой ситуации методов может быть сплошной частотный анализ текстовых последовательностей из двух иероглифов – иероглифических биграмм. В результате такого анализа среди частотных биграмм получено более 70 % репрезентативных для данного дискурса лексических единиц, в том числе 11 % несловарных. Оставшаяся доля биграмм приходится на синтаксические конструкции, в том числе структурно незавершённые, и фрагменты более длинных лексических единиц. Таким образом, высокая частота совместной встречаемости иероглифов может с достаточно большой вероятностью ($p > 0,7$) рассматриваться как показатель лексичности при выявлении репрезентативной лексики в несегментированной тематической коллекции текстов на китайском языке.

Ключевые слова: китайский военный дискурс, китайский язык, новостные сообщения военной тематики, отбор лексики, лексические единицы, несловарные слова, иероглифические биграммы, частота совместной встречаемости

Для цитирования: Коршунов Д.С. 2020. Частота совместной встречаемости иероглифов как показатель лексичности (при отборе лексики китайского военного дискурса). *Филологические науки в МГИМО*. Том 6. № 4(24). С. 14–24. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-14-24>

1. Введение

1.1 Постановка задачи

Актуальные вопросы лингвистической теории нередко возникают из практических, прикладных задач, требующих осмысления, проверки и переосмысления эмпирических результатов этой проверки.

Одной из традиционных прикладных задач языкознания (в широком смысле этого слова) является преподавание иностранного языка. В подавляющем большинстве вузов иностранный язык не является профильным предметом, однако предполагается, что вся терминологическая система изучаемой в вузе специальности во всём многообразии внутрисистемных отношений, а также сопутствующая ей лексика, которые изучаются в течение 4–5 лет на родном языке, должны быть изучены и на иностранном языке. Правда, бюджет времени на иностранный язык в неязыковом вузе выделяется обычно скромный. Это ставит перед преподавателем задачу оптимизации содержания обучения, подбора наиболее репрезентативного лексико-грамматического материала и ряд других дидактических задач [11; 3].

Настоящая работа исходит из частной прикладной задачи отбора лексики, репрезентативной для профессионального дискурса изучаемого языка, а именно – китайского военного дискурса, в том его сегменте, который представлен в новостных сообщениях военной тематики электронных СМИ КНР на китайском языке. При решении этой задачи возникает вопрос не только и не столько критерия репрезентативности лексических единиц, сколько критерия – или хотя бы ин-

дикатора, показателя – лексичности, то есть на каком основании ту или иную последовательность иероглифов можно считать лексической единицей – словом или словосочетанием. Поскольку репрезентативность лексики обеспечивается прежде всего большим объёмом обрабатываемого материала, предпочтение должно отдаваться таким показателям, которые могут применяться при автоматической обработке письменных текстов. Это, к сожалению, исключает из рассмотрения (на начальном этапе) такие классические характеристики слова как «семантическое единство» и «фонетическая целостность» [1, с. 157].

Уже традиционно одним из ключевых факторов в лингвистических исследованиях является частота употребления тех или иных единиц в представительном массиве текстов. Очевидно, что высокая частота употребления может являться одним из критериев репрезентативности лексики, но может ли высокая частота совместной встречаемости иероглифов в текстах быть показателем лексичности конкретного сочетания иероглифов – это остаётся вопросом. Если да, может, то сто-процентный ли это показатель или лишь указание на вероятность? Если нет, то какие ещё основания, кроме принадлежности к одному слову, могут так часто соединять иероглифы в текстах?

В настоящей работе предпринимается попытка на эмпирическом материале ответить на поставленные вопросы. Поскольку статистической нормой в современном китайском языке является двуморфемное слово, которое записывается двумя иероглифами [2, с. 244], на данном этапе представляется возможным ограничиться изучением сочетаний именно двух иероглифов – иероглифических биграмм.

1.2 Исходные рассуждения

1.2.1. Необходимо оговориться, что используя слово «дискурс», мы имеем в виду довольно узкий лингвистический аспект этого разнообразно трактуемого термина и понимаем под ним совокупность текстов, коммуникативно значимых для конкретной сферы социального (профессионального) взаимодействия людей и актуальных для её текущего состояния. В значительной степени такое понимание профессионального дискурса синонимично понятию подъязыка специальности, но с условием его регулярного «обновления» до актуального состояния¹. Например, номинация 北京军区 бэйцзин цзюньцзюй 'Пекинский военный округ' по-прежнему принадлежит китайскому военному подъязыку, но уже выпала из китайского военного дискурса, так как обозначаемая ею структура с 2016 года утратила актуальность (упразднена) в результате реформы вооружённых сил КНР.

Из такого понимания объекта исследования вытекают ограничения в отношении изучаемого материала. Существующие корпуса китайских текстов (к примеру, восемь перечислено в [16, р. 60–63], ещё один представлен в [13]) оказываются слишком общими с точки зрения тематики и, как правило, ориентированными на слишком широкий временной период с точки зрения актуальности терминологии. Поэтому удовлетворяющим требованиям тематичности и актуальности языковым материалом представляется только специально отобранная коллекция текстов.

1.2.2. Обзор различных взглядов на отбор репрезентативной лексики, необходимой для составления лексических минимумов, представленный в работе [6], предлагает нам три возможных подхода: объективный – с опорой на частотность слов в тексте, субъективный – руководствующийся представлениями составителя о репрезентативности и достаточности, и смешанный. Субъективный подход по определению неидеален в силу своей субъективности, опора на абсолютную частотность может приводить к нарушению целостности семантических полей (к примеру, в частотный список могут попасть не все наименования дней недели или месяцев), поэтому смешанный подход должен предложить разумный баланс между объективными и субъективными основаниями. Именно такой баланс закладывается нами в понятие репрезентативности

¹ Нам близки взгляды Е.И. Шейгал: «Институциональный дискурс оказывается предельно широким понятием, охватывающим как языковую систему (ту её часть, которая специфически ориентирована на обслуживание данного участка коммуникации), так и речевую деятельность (в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов) и текст. Сказанное можно представить в виде формулы: ДИСКУРС = ПОДЪЯЗЫК + ТЕКСТ + КОНТЕКСТ» [10, с. 27].

лексики – объективно вычисляемая частотность и на основе опыта субъективно определяемое соответствие понятийной базе предметной области. В любом случае, исследователем в первую очередь должны быть получены статистические данные на достаточном массиве тематически адекватных текстов.

1.2.3. Как отмечает Е.И. Риехакайнен, «чаще всего объектом статистического изучения оказываются отдельные слова. При работе с такими единицами исследователи сталкиваются с рядом проблем, большинство из которых связано с определением того, что считать словом» [7, с. 9]. Эта вечно актуальная проблема языкознания усугубляется, если предметом нашего интереса является китайский язык. Вот что об этом писали выдающиеся отечественные китаисты В.М. Солнцев и Н.В. Солнцева:

Понятие слова вообще относится к числу трудно определяемых понятий. <...> И многие учёные (кстати, к ним относится крупнейший советский лингвист Л.В. Щерба) вообще сомневаются в возможности дать определение слова, одинаково пригодное для разных языков. <...> Трудность определения слова объясняется тем, что, во-первых, слово – это величина, сильно варьирующая от языка к языку и, во-вторых, это величина, или единица, отнюдь не самым лучшим образом отграниченная от других единиц. В частности, слово не всегда ясно отграничивается от морфемы, единицы меньшей, чем слово, и далеко не всегда существует возможность достаточно чётко провести границу между тем, что называется сложным словом, и тем, что называется сочетанием слов. Этот второй момент – недостаточно чёткая отграниченность слова от единицы меньшей, чем слово, и единицы большей, чем слово, – особенно характерен для изолирующих языков, к которым принадлежит китайский язык» [9, с. 29–30].

Эта проблема подробно описана в отечественном китаеведении. В частности, в классическом труде В.М. Солнцева «Язык как системно-структурное образование» есть целый параграф под названием «Проблема неразличимости сложного слова и словосочетания», в котором автор с опорой на работы китайских лингвистов и исследования своего учителя Н.Н. Короткова приходит к выводу, что применительно к китайскому языку «факт неразличимости при некоторых условиях слова и словосочетания можно считать установленным» [8, с. 167].

Кроме того, во всех языках слова могут образовываться непосредственно в речи, в том числе письменной. Однако «в некоторых языках, например в китайском и других языках китайско-тибетской семьи, а также в типологически близких им языках Юго-Восточной Азии, производимость слов в речи – массовое и широко распространённое явление» [там же, с. 155]. И само такое спонтанное, окказиональное словообразование, и особенно его масштаб в китайском языке создают проблему для статистической обработки текстов.

Ещё одну специфическую трудность в выделении китайских слов в тексте отмечает профессор А.Н. Алексахин: «В китайском языке центральная роль слова затеняется иероглифической письменностью текста, в котором иероглифы располагаются на равном расстоянии друг от друга и слова не отделяются пробелами» [1, с. 139].

Перечисленные проблемы дают возможность современным лингвистам прибегать к достаточно радикальным формулировкам, например: «Лексический уровень в китайском языке – слабый и представлен размытыми, легко соединяющимися в целое и легко разъединяющимися единицами» [5, с. 288]. Нам представляется не вполне оправданной характеристика всего лексического уровня китайского языка как слабого – вряд ли китайская лексика беднее или в чём-либо слабее лексики других языков, но со второй частью цитаты трудно не согласиться. Иероглифы (морфемы) легко соединяются в слова или словосочетания, и зачастую так же легко разъединяются обратно. Поэтому в целях нашего исследования представляется обоснованным выбор для поиска лексических единиц метода сплошного анализа всех иероглифических последовательностей в тексте.

1.2.4. Получение статистических данных невозможно без автоматизации обработки текстов. В этом процессе указанные выше лингвистические проблемы описываются в литературе в виде двух ключевых технических трудностей: 1) разделение текста на слова (word segmentation), проблематичное из-за отсутствия пробелов, и 2) распознавание новых слов и выражений, не зафик-

сированных в словарях, в том числе именованных сущностей (named entities), или неоднословных номинаций. На практике эти две трудности обычно усиливают друг друга [14, p. 6154].

Для человека, владеющего китайским языком, «группирование и членение иероглифического текста на слова происходит на основе знания слов» [1, с. 139]. При автоматической обработке текста его сегментация на слова начинается с сопоставления последовательности иероглифов со словарём. Однако по называвшимся выше причинам трудно ожидать исчерпывающей полноты от любого словаря китайского языка: слова в тексте могут иметь краткую и полную формы (записываться одним или двумя иероглифами), словосочетания могут «смешиваться» со словами. Кроме того, в речи, в том числе письменной, постоянно легко образуются и широко используются новые сочетания лексического уровня, которые словари фиксировать не успевают. При этом китайские лексикографы, похоже, и не ставят перед собой такую задачу – как применительно к русскому языку не ставится задача зафиксировать в словарях все возможные словосочетания. Но если в русском языке речь идёт о комбинациях целых слов с потенциально легко выводимым суммарным значением, то в китайском языке часто приходится иметь дело с морфемной контракцией – словообразованием путём сложения усечённых слов, разновидностью аббревиации (подробнее см. [4, с. 127–165]), что нередко затрудняет интерпретацию получившейся лексической единицы.

При этом, как отмечают работающие в сфере автоматической обработки китайских текстов исследователи, «даже наличие полного словаря не гарантирует правильную интерпретацию последовательностей символов», «практически любое сочетание иероглифов может быть интерпретировано тем или иным образом», и «конкретный смысл иероглиф приобретает только в контексте» [12, с. 138].

Обзор последних работ в этой сфере подтверждает, что проблема полноты словаря актуальна для IT-специалистов любого уровня. Ма Цзи с коллегами из лингвистического подразделения Google констатирует, что «несловарные слова остаются вызовом для нейросетевых моделей» и «являются основным препятствием для достижения высокой точности сегментации»² [18, p. 4902–4906]. Другие исследователи заявляют о прогрессе в этом направлении, однако и у них точность выделения несловарных слов в используемых для оценки разных наборах данных колеблется от 62,7 % до 92,9 % (среднее значение – 83,2 %) [15], что подтверждает наличие проблемы.

1.2.5. Биграмма как последовательность двух иероглифов, строго говоря, не является типичным языковым объектом, она может совпадать со словом, но может и не совпадать. Биграмма (как и любая n-грамма) представляет собой фрагмент реализации в тексте синтагматических отношений, к ней применимо понятие «морфемная синтагма», частным случаем которой может оказаться слово или словосочетание, в том числе терминологическое. Однако очевидно, что в иных частных случаях соседство двух иероглифов может оказаться совершенно ситуативным, случайным. Тем не менее, сам факт неоднократного появления биграммы в тексте придаёт ей определённую языковую значимость. И чем больше количество таких фактов, тем больше значимость даже не совпадающей со словом биграммы и тем очевиднее необходимость адекватной интерпретации её высокой частоты появления в тексте.

В своё время группа китайских учёных специально исследовала роль биграммы и слова в задачах автоматической обработки текстов на китайском языке. Общий вывод был таким – биграммы лучше слов подходят для выполнения этих задач [17, p. 545]. Впрочем, нас интересуют отмеченные исследователями свойства биграмм.

Во-первых, биграммы отличаются от слов тем, что в тексте они накладываются друг на друга, а слова нет. Биграмма может быть «внутрисловной» (intraword bigram), когда, допустим, в слове из трёх иероглифов получаются две накладываются биграммы, каждая из которых с технической точки зрения может с хорошей долей вероятности репрезентировать полное слово. Во-вторых, биграмма может быть «межсловной» (interword bigram), захватывая по иероглифу от смежных

² В оригинале: “Out-of-vocabulary words remain challenging for neural-network models” (p. 4902) и “OOV is a major obstacle to achieving high segmentation accuracy” (p. 4906).

слов, что в некоторых случаях позволяет репрезентировать целое словосочетание. В-третьих, биграммы могут выявлять новые (несловарные) слова, что очень полезно в нашем случае.

Впрочем, возможны и казусы. «Внутрисловная» биграмма иногда может совпасть с совершенно другим словом. Например, в слове 天文学 *тяньвэньсюэ* 'астрономия' вторая биграмма совпадает со словом 文学 *вэньсюэ* 'литература'. Однако чаще – в силу специфики китайского словообразования – вторая биграмма может репрезентировать родовое понятие: например, биграмма 织物 *чжиу* совпадает со словом 'ткань' и является частью слов 棉织物 *мяньчжиу* 'хлопчатобумажные изделия' и 针织物 *чжэньчжиу* 'трикотаж'. Эта интересная особенность объясняет ещё одно наблюдение авторов: каждое слово, содержащее бигramму, имеет меньшую частоту, чем сама биграмма [17, р. 549–550].

Таким образом, в настоящем исследовании объектом выступает совокупность (коллекция) текстов, относящихся к китайскому военному дискурсу, предметом – иероглифические биграммы, их лексические и синтаксические свойства в изучаемых текстах, а основным методом – сплошной частотный анализ таких биграмм.

2. Материалы и методы

Языковым материалом исследования послужили информационные сообщения военного раздела сайта китайской государственной службы новостей «Чжунсинь» (www.chinanews.com/mil), публикующего новости ведущих информационных агентств и изданий Китая («Синьхуа», «Жэньминь жибао», «Цзефанцзюнь бао» и др.) и имеющего доступный онлайн архив новостей. Для текущего исследования методом сплошной выборки были взяты все публикации военного раздела сайта за третий квартал 2018 года, что составило 560 текстовых сообщений общим объёмом 720708 знаков (иероглифов и знаков препинания).

Далее с помощью специальной компьютерной программы подсчитывалась частота совместного употребления последовательностей иероглифов в тексте. Как уже упоминалось, с учётом преимущественно двуморфемной нормы современного китайского слова в рамках текущей работы мы ограничились данными о частотах пар иероглифов – иероглифических биграмм.

Полученные биграммы проверялись на наличие в словаре. Использовалась электронная версия «Нового китайско-русского словаря» под редакцией А.В. Котова («Русский язык-Медиа», 2004), входящая в комплект электронного словаря ABBYY Lingvo x3. Это наиболее новый официальный словарь китайского языка, доступный в электронном виде. Биграммы, соответствие которым в данном словаре не было найдено, определены в настоящей работе как несловарные.

Для всех биграмм помимо абсолютной частоты (фактического количества появлений в коллекции текстов) подсчитывалась частота в пересчёте на миллион употреблений (*ipm*, *instances per million*).

3. Результаты

3.1 Частота совместной встречаемости

В общей сложности получилось 35370 биграмм с частотой употребления не менее двух раз. Из них словарных 6334, соответственно, несловарных – 29036. Словарные биграммы присутствуют во всех частях полученного частотного рейтинга, последняя из них находится на 35360 месте (это слово 齐全 *цицюань* 'полностью').

Практический интерес представляют в первую очередь частотные биграммы. Чётких критериев разделения частот на высокие, средние или низкие не существует. Е.И. Риехакайнен, изучая этот вопрос, приводит примеры различных работ, в которых исследователи на своё усмотрение определяли границу высокой частоты на уровне 60, 80, 84 или 90 употреблений на миллион [7, с. 22–23]. Возьмём нижний из указанных порогов (*ipm* ≥ 60).

Таких биграмм получилось 1161, из них 467 не имеет соответствий в словаре (40 %). Соответственно, 60 % биграмм, выявленных по критерию фактической частоты совместного употребле-

ния иероглифов в коллекции текстов, оказались словарными словами, причём принадлежащими словарю общего назначения.

Первые три десятка самых частых иероглифических сочетаний приведены ниже [таблица 1]. Получившийся список представляется вполне репрезентативным, отражающим лексическое наполнение источника – китайских новостных сообщений военной тематики.

Как видно из таблицы 1, даже среди самых частых сочетаний имеются три слова, не зафиксированных в словаре:

1) 官兵 *гуаньбин* – пример копулятивного способа китайского словообразования, буквально эти иероглифы означают ‘офицеры [и] солдаты’, что вместе составляет собирательное понятие ‘военнослужащие’;

2) 一个 *игэ* – числительное ‘один’ и универсальное счётное слово ($\approx$ ‘штука’), вместе эти иероглифы лексически составляют полноценное слово с количественным значением ‘один’, но функционально часто используются в грамматическом значении, аналогичном неопределённому артиклю;

Таблица 1.

Наиболее частые иероглифические биграммы в новостных сообщениях военной тематики³

№ п/п	Биграмма	Чтение	Перевод	Наличие в словаре ⁴	Частота в коллекции	Частота в ipm
1.	中国	чжунго	Китай	да	2009	2787,5
2.	训练	сюньлянь	тренировка	да	1110	1540,2
3.	部队	будуй	войска, части	да	1061	1472,2
4.	军事	цзюньши	военный	да	970	1345,9
5.	官兵	гуаньбин	военнослужащие	нет	848	1176,6
6.	工作	гунцзо	работа	да	784	1087,8
7.	一个	игэ	один	нет	768	1065,6
8.	他们	тамэнь	они	да	763	1058,7
9.	我们	вомэнь	мы	да	741	1028,2
10.	记者	цзичжэ	корреспондент	да	724	1004,6
11.	美国	мэйго	США	да	711	986,5
12.	任务	жэньу	задача	да	708	982,4
13.	进行	цзиньсин	проводить	да	691	958,8
14.	比赛	бисай	соревнования, игры	да	675	936,6
15.	作战	цзочжань	(вести) боевые действия	да	662	918,5
16.	战斗	чжаньдоу	бой	да	650	901,9
17.	海军	хайцзюнь	военно-морские силы	да	634	879,7
18.	军人	цзюньжэнь	военнослужащий	да	623	864,4
19.	国防	гофан	оборона страны	да	610	846,4
20.	飞行	фэйсин	полёт	да	570	790,9
21.	来源	лайюань	источник	да	566	785,3
22.	军队	цзюньдуй	войска	да	566	785,3
23.	导弹	даодань	управляемая ракета	да	564	782,6
24.	装备	чжуанбэй	вооружение	да	539	747,9
25.	空军	кунцзюнь	военно-воздушные силы	да	532	738,2
26.	参赛	цаньсай	участвующие в играх	нет	523	725,7
27.	国家	гоцзя	государство	да	515	714,6
28.	报道	баодао	доклад; сообщать	да	511	709,0
29.	第一	ди и	первый	да	492	682,7
30.	组织	цзучжи	организация	да	488	677,1

³ Источник – коллекция текстов всех публикаций сайта www.chinanews.com/mil в период с 01.07.2018 по 30.09.2018.

⁴ Новый китайско-русский словарь: около 4100 иероглифов и свыше 26000 слов и лекс. словосочетаний. Котов А. В. (ред.). М.: Русский язык Медиа, 2004. Доступ из электронного словаря ABBYY Lingvo.

3) 参赛 *цаньсай* – пример морфемной контракции, легко образуемого сокращения со значением ‘участвующие в [военных] играх’ от полных форм 参加 *цаньцзя* ‘участвовать’ и 比赛 *бисай* ‘соревнования, игры’.

На наш взгляд, это вполне показательные примеры специфики китайского лексического уровня. Первый и третий наглядно демонстрируют упоминавшуюся выше лёгкость соединения в целое и разделения на части; второй пример показывает, как грамматические значения в условиях бедной китайской морфологии распределяются по другим языковым уровням. Притом что эти три лексические единицы можно с достаточным основанием считать высокочастотными словами, они не зафиксированы в словаре, и это характеризует не столько качество конкретного лексикографического источника, сколько неохватную вариативность лексического уровня китайского языка.

В целом оказалось, что критерий частоты достаточно эффективно выявляет словарные слова: уровень «словарности» в первой десятке составил 80 %, в первой сотне – 76 %, среди биграмм с частотностью свыше 100 употреблений на миллион – 66 % (и 60 % среди биграмм с $\text{ipm} \geq 60$, о чём уже говорилось выше).

Оставшиеся 40 % несловарных биграмм можно разделить на три основные группы: 1) *лексические единицы* (133 биграммы: 11,5 % среди всех частотных, 28,5 % среди несловарных); 2) *синтаксические конструкции* (198 биграмм: 17,1 %; 42,4 %); 3) *синтагматические фрагменты* (136 биграмм: 11,7 %; 29,1 %).

1. Несловарные *лексические единицы*, в свою очередь, подразделяются на следующие категории:

- знаменательные слова или словосочетания, такие как приводившееся выше 官兵 *гуаньбин* ‘военнослужащие’ (16,3 % от несловарных);
- сокращения, полученные в результате морфемной контракции, такие как 参赛 *цаньсай* ‘участвующие в играх’ (6,2 %);
- служебные слова (числительные и различные неличные местоимения), такие как 一个 *игэ* ‘один’ или 这 — *чжэи* ‘этот’ (5,6 %);
- имена собственные: таких (из двух иероглифов) встретилось всего два (0,4 %).

2. Под *синтаксическими конструкциями* здесь подразумеваются различные не имеющие лексической цельности, но синтаксически значимые комбинации грамматических (служебных, дискурсивных) элементов с частотными словообразовательными элементами либо друг с другом:

- собственно синтаксические конструкции 这是 *чжэ ши* ‘это есть’ (аналог английского *this is*), 也是 *е ши* ‘также является’ и т.п. (9 % от несловарных);
- незаконченные сочетания с грамматическими элементами, такими как определительная частица 的 *дэ* (типа 的军 *дэцзюнь* ‘[атрибутив/генитив] + войска’ либо 军的 *цзюньдэ* ‘войска + [атрибутив/генитив]’), показатель места 在 *цзай* (在这 *цзай чжэ* ‘в этом...’), связка 是 *ши* (是 — *ши и* – аналог английского *is a*)⁵ (33,4 % от несловарных).

3. К *синтагматическим фрагментам* мы отнесли различные последовательности иероглифов, не имеющие лексического или грамматического значения, которые принадлежат более длинным лексическим единицам и примерно показывают их долю в частотном списке, не ограниченном сочетаниями только двух иероглифов:

- внутрисловесные биграммы от «обычных» слов: 放军 *фаницзюнь* от 解放军 *цзефаницзюнь* ‘освободительная армия’, 斗机 *доуцзи* от 战斗机 *чжаньдоуцзи* ‘истребитель’ и т.п. (6,9 % от несловарных), а также внутрисловесные биграммы, представляющие фрагменты имён собственных: 俄罗 *эло* от 俄罗斯 *элосы* ‘Россия’, 习近 *си цзинь* от 习近平 *Си Цзиньпин* ‘(ещё 6 %);
- межсловесные биграммы: 国海 *го хай* от 中国海军 *чжунго хайцзюнь* ‘ВМС Китая’, 际军 *цзи цзюнь* от 国际军事 *гоцзи цзюньши* ‘международные военные [игры]’ и т.п. (16,3 %).

⁵ Подобные сочетания, выделяемые на основе высокой частотности, называют в различных работах «лексическими пучками», «кластерами» и отмечают, что они «могут быть структурно незаконченными» [3, с. 75]. Ли Шоуцзи и Го Шулунь относят их к издержкам подхода с опорой на данные о частотности (data-driven approach), названного у нас выше «объективным» [16, р. 57].

В итоге опора на частоту совместной встречаемости пар иероглифов позволяет выявить суммарно 71,2 % частотных лексических единиц (словарных и несловарных), а также обнаружить наиболее распространённые в исследуемом дискурсе синтаксические конструкции и их элементы. Кроме того, внутрисловные и межсловные биграммы тоже указывают нам на конкретные лексические единицы данного дискурса, с их учётом доля частотной лексики в общих результатах повысится до 82,9 %.

Содержательно полученный частотный список представляется вполне репрезентативным. Приведённая в таблице 1 его первая часть, а также остальные не показанные в данной работе пункты этого списка соответствуют основанным на личном опыте субъективным ожиданиям.

Таким образом, выделение наиболее репрезентативной лексики тематического дискурса на основе критерия фактической частоты встречаемости в коллекции текстов можно считать хорошим методом, дающим ожидаемый результат.

Заключение

В настоящей работе рассматривался вопрос возможности выделения китайских лексических единиц, записываемых двумя иероглифами, на основе частоты совместной встречаемости этих иероглифов. Сложность этого вопроса применительно к китайскому языку определяется отсутствием явного разделения текста на слова и трудностью однозначной автоматической идентификации китайского слова. Ограниченность объекта исследования достаточно специфическим профессиональным дискурсом с требованием обязательной актуальности текстов не оставляет возможности обращаться к существующим большим сегментированным корпусам. Поэтому исследование проводилось на материале коллекции текстов.

Сплошной частотный анализ иероглифических биграмм показал себя хорошим методом, позволяющим среди частых результатов выявить 71,2 % лексических единиц, в том числе 60 % словарных единиц и более 11 % новых слов, выражений и сокращений, отличающих лексику предметной области от словаря общего назначения. Помимо них такой метод обнаруживает синтаксические конструкции (17,1 %), в основном структурно незавершённые, и различные синтагматические фрагменты более крупных единиц и конструкций (ещё 11,7 %). Последняя категория приобретёт характер осмысленных лексических единиц при рассмотрении сочетаний более чем двух иероглифов.

Таким образом, высокая частота совместной встречаемости иероглифов может с достаточно большой вероятностью ($p > 0,7$) рассматриваться как показатель лексичности при выявлении репрезентативной лексики в несегментированной тематической коллекции текстов на китайском языке. Однако дальнейший отбор лексики в прикладных целях, отделение её от синтаксических или просто синтагматических сочетаний исследователь должен выполнять «вручную».

© Коршунов Д.С., 2020

Список литературы

1. Алексахин А.Н. Алфавит китайского языка путунхуа. Буква – фонема – звук речи – слог – слово. 4-е изд., испр. и доп. М.: Восточная книга, 2018. 212 с.
2. Алексахин А.Н. Современная политика КНР в отношении иероглифической и буквенной письменности // Вестник МГИМО. 2011. № 3. С. 243–252.
3. Горина О.Г. Использование технологий корпусной лингвистики для развития лексических навыков студентов-регионоведов в профессионально-ориентированном общении на английском языке: дисс. ... канд. пед. наук. М.: МГУ, 2014. 321 с.
4. Кленин И.Д. Лексикология китайского языка / И.Д. Кленин, В.Ф. Щичко. М.: Восточная книга, 2013. 272 с.
5. Курдюмов В.А. Динамический подход к научному изучению китайского языка // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е.Ф. Серебренникова]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 285–291.

6. Муравьев Н.А. Подходы к составлению лексических минимумов в России и за рубежом: проблемы и перспективы / Н.А. Муравьев, М.Ю. Ольшевская // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 78–89.
7. Риехакainen Е.И. Восприятие русской устной речи: контекст + частотность: монография. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2016. 270 с.
8. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1977.
9. Солнцев В.М. Теоретическая грамматика современного китайского языка (проблемы морфологии): курс лекций / В.М. Солнцев, Н.В. Солнцева. М.: Военный институт, 1978.
10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
11. Шемет Г.И. Совершенствование обучения иностранному языку курсантов военных вузов на основе оптимизации лексической компоненты: дисс. ... канд. пед. наук. М.: Военный университет, 2011. 249 с.
12. Юй Чуцяо. Автоматический синтаксический анализ китайских предложений при ограниченном словаре / Юй Чуцяо, И.А. Бессмертный // Программные продукты и системы. 2017. Т. 30. № 1. С. 138–142.
13. Da Jun. 2004. Chinese text computing. [Electronic resource] – URL: <http://lingua.mtsu.edu/chinese-computing> (accessed: 23.03.2020)
14. Deng K. On the unsupervised analysis of domain-specific Chinese texts / K. Deng, P.K. Bol, K.J. Li et al. // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 2016. Vol. 113, No. 22. Pp. 6154–6159.
15. Huang W. Toward Fast and Accurate Neural Chinese Word Segmentation with Multi-Criteria Learning / W. Huang, X. Cheng, K. Chen et al. [Electronic resource] Cornell University > Computer Science > Computation and Language. – URL: <https://arxiv.org/abs/1903.04190> (accessed: 22.03.2020)
16. Li Sh. Collocation Analysis Tools for Chinese Collocation Studies / Sh. Li, Sh. Guo // Journal of Technology and Chinese Language Teaching. Vol. 7, No. 1, 2016. Pp. 56–77.
17. Li J. A Comparison and Semi-Quantitative Analysis of Words and Character-Bigrams as Features in Chinese Text Categorization / J. Li, M. Sun, X. Zhang // Proceedings of the 21st International Conference on Computational Linguistics and 44th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, Sydney, July 2006. Pp. 545–552.
18. Ma J. State-of-the-art Chinese Word Segmentation with Bi-LSTMs / J. Ma, K. Ganchev, D. Weiss // In Proceedings of the 2018 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Brussels, Belgium, October 31 – November 4, 2018. Pp. 4902–4908.

References

1. Aleksakhin, A.N. *Alfavit kitayskogo iazyka putunkhua. Bukva – fonema – zvuk rechi – slog – slovo* [The Chinese language alphabet of Putonghua. Letter – phoneme – speech sound – syllable – word]. 4th ed., rev. and add. M.: Vostochnaia kniga, 2018. 212 p. (In Rus.)
2. Aleksakhin, A.N. Sovremennaiia politika KNR v otnoshenii ieroglificheskoi i bukvennoi pis'mennosti [Modern policy of the PRC in relation to hieroglyphic and alphabetic writing] // *MGIMO Bulletin*, 2011. No. 3. Pp. 243–252. (In Rus.)
3. Gorina, O.G. *Ispol'zovanie tekhnologii korpusnoi lingvistiki dlia razvitiia leksicheskikh navykov studentov-regionovedov v professional'no-orientirovannom obshchenii na angliiskom iazyke* [The use of corpus linguistics technologies for the development of the lexical skills of regional students in professionally oriented communication in English]. PhD thesis. Moscow: Moscow State University, 2014. 332 p. (In Rus.)
4. Klenin, I.D. *Leksikologiya kitaiskogo iazyka* [Lexicology of the Chinese language] / I.D. Klenin, V.F. Shchichko. M.: Vostochnaia kniga, 2013. 272 p. (In Rus.)
5. Kurdyumov, V.A. *Dinamicheskii podkhod k nauchnomu izucheniiu kitaiskogo iazyka* [Dynamic approach to exploring Chinese]. III Gotlibovskie chteniia: Vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona v foke srovennosti: materialy Mezhdunar. nauch. konf. Irkutsk, 10–16 Sent. 2019. FGBOU VO «IGU»; [otv. red. Ie. F. Serebrennikova]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2019. Pp. 285–291. (In Rus.)
6. Murav'ev, N.A. Podkhody k sostavleniiu leksicheskikh minimumov v Rossii i za rubezhom: problemy i perspektivy [Approaches to the composition of lexical minima in Russia and abroad: problems and prospects] / N.A. Murav'ev, M. Iu. Olshevskaia. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, 17 (1). Pp. 78–89. (In Rus.)
7. Riehakainen, E.I. *Vospriiatie russkoi ustnoi rechi: kontekst + chastotnost'* [Perception of Russian spoken language: context + frequency]. Monograph. St. Petersburg: St. Petersburg. State Univ., 2016. 270 p. (In Rus.)
8. Solntsev, V.M. *Iazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie* [Language as a systemic-structural formation]. Ed. 2nd, add. M.: Nauka, 1977. (In Rus.)
9. Solntsev, V.M. *Teoreticheskaia grammatika sovremennogo kitaiskogo iazyka (problemy morfologii)* [Theoretical grammar of modern Chinese (problems of morphology)]. Course of lectures, Moscow: Military Institute, 1978. (In Rus.)
10. Sheigal, E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Doctoral Thesis. Volgograd, 2000. 431 p. (In Rus.)
11. Shemet, G.I. *Sovershenstvovanie obucheniia inostrannomu iazyku kursantov voennykh vuzov na osnove optimizatsii leksicheskoi komponenty* [Improving the teaching of a foreign language to cadets of military colleges based on the optimization of the lexical component]. PhD thesis. Moscow: Military University, 2011. 249 p. (In Rus.)
12. Yu, Chuqiao. *Avtomaticheskii sintaksicheskii analiz kitaiskikh predlozhenii pri ogranichennom slovare* [Automatic syntactic analysis of Chinese sentences with a restricted dictionary] / Yu Chuqiao, I.A. Bessmertnyi // *Programmnye produkty i sistemy*. 2017. 30 (1). Pp. 138–142. (In Rus.)
13. Da, Jun. 2004. *Chinese text computing*. lingua.mtsu.edu/chinese-computing (accessed: 23.03.2020)

14. Deng, K. On the unsupervised analysis of domain-specific Chinese texts / K. Deng, P.K. Bol, K.J. Li et al. // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2016. Vol. 113, No. 22. Pp. 6154–6159.
15. Huang, W. Toward Fast and Accurate Neural Chinese Word Segmentation with Multi-Criteria Learning / W. Huang, X. Cheng, K. Chen et al. [Electronic resource] Cornell University > Computer Science > Computation and Language, arxiv.org/abs/1903.04190 (accessed: 22.03.2020)
16. Li, Sh. Collocation Analysis Tools for Chinese Collocation Studies / Sh. Li, Sh. Guo // *Journal of Technology and Chinese Language Teaching*. Vol. 7, No. 1, 2016. Pp. 56–77.
17. Li, J. A Comparison and Semi-Quantitative Analysis of Words and Character-Bigrams as Features in Chinese Text Categorization / J. Li, M. Sun, X. Zhang // *Proceedings of the 21st International Conference on Computational Linguistics and 44th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, Sydney, July 2006. Pp. 545–552.
18. Ma, J. State-of-the-art Chinese Word Segmentation with Bi-LSTMs / J. Ma, K. Ganchev, D. Weiss // *In Proceedings of the 2018 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Brussels, Belgium, October 31 – November 4, 2018. Pp. 4902–4908.

Сведения об авторе:

Коршунов Дмитрий Сергеевич – кандидат филологических наук, научно-педагогический работник ВУРЭ (Россия, Череповец). Сфера научных и профессиональных интересов: китайский военный дискурс, лексический уровень китайского языка, восприятие иероглифического текста, лингвострановедение, военный перевод.

E-mail: dmitry-korshunov@yandex.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Dmitry S. Korshunov – PhD (philology), scientific and pedagogical employee, MURE (Cherepovets, Russia). Spheres of research and professional interest: Chinese military discourse, Chinese lexical level, character text perception, country study and military translation.

E-mail: dmitry-korshunov@yandex.ru.

Conflicts of interest: The author declares absence of conflicts of interest.

* * *

CULTURE-BOUND WORDS AS A METHOD OF SPEECH STRATEGIES IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE

Aleksandra P. Kryachkova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The article is devoted to the study of culture-bound words as a method of verbal strategies of political discourse, aimed at both maintaining a positive image and verbal attacks against opponents and competing political parties. The relevance of research is due to insufficient knowledge of the lexical units with a national-cultural component from the standpoint of political linguistics. The material for the study included the speeches of the ruling parties' leaders in Germany: Angela Merkel (Christian Democratic Union) and Horst Seehofer (Christian Social Union) in the context of the "Political Ash Wednesday" 2017. Politicians' statements containing culture-bound words were selected by continuous sampling method. The analysis revealed that the speakers deliberately used culture-bound words in order to implement their communicative intentions. Such units illustrate non-linguistic reality; they are directly related to the values of society and influence the recipient in communication. Using the statements of A. Merkel and H. Seehofer, the author identified five speech strategies (self-presentation and discredit strategies, information-interpretation, manipulative and agitation strategies), and also established their relationship with the use of culture-bound words.*

Key Words: *political discourse, public speaking, image, speech strategies, culture-bound words, means of language*

For citation: Kryachkova A.P. 2020. Culture-bound Words as a Method of Speech Strategies in German Political Discourse. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 25–35. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-25-35>

КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА КАК ПРИЁМ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ¹

А.П. Крячкова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

¹ Статья подготовлена в рамках гранта X Конкурса молодых ученых МГИМО № КМУ-10/09

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию культурно-маркированной лексики как приёма речевых стратегий политического дискурса, направленных как на поддержание позитивного имиджа, так и на совершение вербальных атак в адрес оппонентов и конкурирующих политических партий. Актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью роли лексических единиц с национально-культурным компонентом с позиций политической лингвистики. Материалом для исследования послужили выступления лидеров правящих партий ФРГ: Ангелы Меркель (Христианско-демократический союз) и Хорста Зеехофера (Христианско-социальный союз) в рамках “политической пепельной среды” 2017 года. Высказывания политиков, содержащие культурно-маркированную лексику, были отобраны методом сплошной выборки. В ходе проведённого анализа было выявлено сознательное использование ораторами культурно-маркированной лексики с целью реализации своих коммуникативных намерений. Такие лексические единицы иллюстрируют внеязыковую реальность, напрямую связаны с ценностными ориентирами общества и оказывают влияние на массового адресата в ходе коммуникации. На примере выступлений А. Меркель и Х. Зеехофера автор выявил пять речевых стратегий (стратегии самопрезентации и дискредитации, информационно-интерпретационная, манипулятивная и агитационная стратегии), а также установил их взаимосвязь с употреблением культурно-маркированной лексики.

Ключевые слова: политический дискурс, публичные выступления, имидж, речевые стратегии, культурно-маркированная лексика, языковые средства

Для цитирования: Крячкова А.П. 2020. Культурно-маркированная лексика как приём речевых стратегий в политическом дискурсе германии. *Филологические науки в МГИМО*. Том 6. № 4(24). С. 25–35. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-25-35>

Культурно-маркированная лексика (далее – КМЛ) представляет собой совокупность языковых единиц, обозначающих понятия, характерные для отдельного народа, отражающие его историю и особенности культуры. Данная лексика связана с культурным самосознанием общества, поскольку передаёт образ мышления представителей народа [12, с. 14]. Исследование КМЛ всегда привлекало внимание учёных. Так, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров классифицировали этот пласт по уровням и выделяли: безэквивалентную, фоновую и коннотативно-маркированную лексику [2]. Реалии на материале английского языка изучал Г.Д. Томахин, его классификация включает географические, общественно-политические и этнографические реалии [13]. Способность языковых единиц отражать культурный компонент анализировали И.Е. Аверьянова, В.И. Карасик, Д.Г. Мальцева, Ю.К. Караулов, Г.Д. Томахин, Н.Е. Меркиш, А.В. Кунин и др. Однако все предпринимаемые ранее исследования, как правило, описывали КМЛ в рамках одной лингвистической теории и не учитывали специфику различных профессиональных дискурсов.

Представляется актуальным рассмотреть употребление КМЛ с позиций политической коммуникации и политической лингвистики. Политическая коммуникация как вид институционального дискурса представляет собой вербальную коммуникацию, в которой интерактанты наделяются социальными ролями в зависимости от их участия в политической жизни, а предметом общения становится политическая жизнь общества [4].

Борьба за власть является основной задачей политического дискурса и определяет его основную функцию – воздействие на массового адресата посредством убеждения [8]. Таким образом, успешность реализации поставленных целей в процессе выступления политического деятеля напрямую зависит от выбора лингвистических средств. По мнению А.П. Чудинова, к особенностям политического языка относятся смысловая неопределённость, иррациональность высказываний, театральность и дистанцированность [15]. Е.И. Шейгал отмечает, что в речевых актах политиков преобладают также оценочные и манипулятивные суждения, содержащие в себе ценностные концепты [16]. Поскольку темой политического обсуждения может стать любая сфера деятельности (экономика, образование, защита окружающей среды и др.), политический дискурс характеризуется многообразием и часто включает в себя понятия, изначально не связанные с политической сферой.

В связи с этим, изучение КМЛ в рамках политической лингвистики позволяет глубже понять происходящие политические процессы и проанализировать цели и задачи речевых действий политических акторов. Особый интерес представляет фоновая лексика, для которой характерен культурный компонент или лексический фон [2]. Культурный компонент значения содержится в семантике слов, «совпадающих на поверхности в своих лексических значениях, но резко отличающихся значениями культурными» [3, с. 55].

Цель данной статьи заключалась в рассмотрении КМЛ как приёма речевых стратегий в речи партийно-политических деятелей, в определении влияния подобных единиц на формирование собственного политического имиджа и имиджа конкурентов.

Для достижения поставленной цели использовались методы компонентного и контекстуального анализа, а также описательно-аналитический метод с включением приёмов интерпретации и систематизации анализируемого корпуса примеров.

В качестве материала исследования были выбраны речи лидеров правящего блока ХДС/ХСС: выступление Ангелы Меркель² (ХДС) и Хорста Зеехофера³ (ХСС) 1 марта 2017 г. в рамках “политической пепельной среды” (politischer Aschermittwoch). В немецком политическом дискурсе так называют традиционные собрания различных партий, проводимые в последний день весеннего карнавала (Aschermittwoch). Видеозапись выступлений размещена на сайте youtube.com, объём звучания речи А. Меркель составляет 24 мин. 24 сек., речи Х. Зеехофера – 58 мин. 95 сек. Речи политиков были прослушаны и записаны в форме печатного текста, общий объём скриптов – 1,2 а.л.

Выбор данных временных рамок обусловлен внеязыковым фактором: в сентябре 2017 года проходили выборы в бундестаг, что является значимым политическим событием для германского общества, в преддверии этих выборов каждая партия старается оказать максимально возможное влияние на решение избирателей, преимущественно вербальными средствами.

Публичное выступление и речевые стратегии

В современной лингвистике существует множество жанровых классификаций политического текста. Е.И. Шейгал выделяет возможность определения отдельного жанра по следующим параметрам: степень прототипности, событийная локализация, социокультурная специфика, субъектно-адресные отношения и уровень институциональности [16].

В данной статье мы опираемся на классификацию Е.Ю. Алешиной, основанной на целеполагающей характеристике политического текста:

- информационный жанр (инаугурационные речи, послания конгрессу, выступления в парламенте и др.);
- убеждающий жанр (речь на съезде/собрании, предвыборные выступления и др.);
- призывный жанр (предвыборная речь, публичное выступление, заявление и др.);
- жанр – оправдание/покаяние (публичная речь покаяния, речь-оправдание).

Выделенные жанры часто носят смешанный характер, поскольку в ходе выступления политический деятель может реализовывать несколько интенций [1, с. 45]. В соответствии с данной классификацией анализируемые в данной статье публичные выступления в равной степени относятся к убеждающему и призывному жанрам.

Мероприятия “политической пепельной среды” имеют в Германии важное культурное и политическое значение. В ходе выступлений политики затрагивают важные для общества темы и критикуют действия конкурирующих партий с целью снизить их влияние на массового адресата. Таким образом, в рамках публичных выступлений ораторы реализуют две основные интенции борьбы за власть: поддержание собственного имиджа и нарушение имиджа оппонентов. Для дис-

² Angela Merkel beim 22. Politischen Aschermittwoch der CDU Mecklenburg-Vorpommern https://www.youtube.com/watch?v=fjjHuOtCD_Q

³ Politischer Aschermittwoch: Rede von Horst Seehofer am 01.03.2017 <https://www.youtube.com/watch?v=VAsBGbAvCPE>

кредитации конкурирующей партии оратор может прибегать к обвинительным и оскорбляющим речевым действиям, в то время как для сохранения имиджа в глазах потенциального электората могут быть использованы речевые действия самовосхваления или самозащиты.

Успешность реализации интенций адресанта зависит от выбранной им речевой стратегии и тактики. О.С. Иссерс определяет речевую стратегию как совокупность речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, а речевую тактику – как конкретные коммуникативные действия, способствующие реализации стратегии [5].

На данный момент не существует единой классификации стратегий и относящихся к ним тактик, однако большинство лингвистов выделяют следующие речевые стратегии: стратегия дискредитации, манипулятивные стратегии, стратегия самозащиты, самопрезентации, агитационная стратегия (Т. Дейк ван, О.С. Иссерс, О.Н. Паршина, В.И. Карасик и др.).

Ж.В. Зигманн подчёркивает, что постоянное развитие политического дискурса и необходимость быстрой реакции на происходящие изменения в политической жизни общества обуславливает выбор речевых стратегий и одновременность их использования в ходе коммуникации [4].

Реализация речевых стратегий в выступлениях консервативных политиков

Выступления политиков в рамках “политической пепельной среды” направлены на укрепление собственных позиций и создание позитивного имиджа в глазах потенциальных избирателей. Положительный имидж партии и отдельного политического деятеля должен соответствовать ожиданиям социальной среды, поэтому ораторы апеллируют к близким и понятным для общества ценностям [9]. Данный коммуникативный приём позволяет политикам сформировать позитивный эмоциональный настрой, необходимый для отождествления с массовым адресатом. Рассмотрим примеры реализации различных речевых стратегий в выступлениях А. Меркель и Х. Зеехофера.

Стратегия самопрезентации служит для создания положительного образа адресанта и актуализации доверия аудитории. Среди наиболее употребляемых тактик можно выделить тактику создания «своего круга» и тактику отождествления. Распространённым приёмом для реализации стратегии самопрезентации в анализируемых текстах стало употребление эргонимов (наименования делового объединения людей, например, названия партии) для дальнейшего применения тактики отождествления со значимыми ценностными ориентирами или положительными событиями:

A. Merkel: Wir, die Freunde und Mitglieder der Christlich Demokratischen Union, haben gemeinsam mit der CSU in den letzten Jahren gezeigt, dass wir bereit sind, Verantwortung zu tragen, <...>. – Мы, друзья и члены Христианско-демократического союза, вместе с ХСС в последние годы показали, что мы готовы нести ответственность, <...>.

A. Merkel: <...> wenn es die Christlich Demokratische Union nicht gäbe, dann würden wir diese Gesetze nicht haben, und deshalb braucht es CDU, damit unsere Sicherheitsbehörden klar, und effektiv, und wirksam arbeiten können. – ...если бы не было Христианско-демократического союза, тогда у нас не было бы этих законов, и поэтому ХДС необходим, чтобы наши органы государственной безопасности могли работать прозрачно, эффективно и действенно.

В приведённых высказываниях А. Меркель соотносит название партии с такими ценностными ориентирами, как ответственность, принятие актуальных законов и безопасность, которую реализуют органы государственной безопасности (*Sicherheitsbehörden*).

В приведённом ниже высказывании Х. Зеехофер использует антропоним *Angela Merkel*, связывая правление канцлера с благополучием Германии на данный момент. Для большего перлокутивного эффекта он употребляет лексическое повторение *ging es nicht so*:

12 Jahre CDU/CSU in Berlin unter Führung von Angela Merkel, und Deutschland ging es nicht so gut wie heute, liebe Freunde. Deutschland ging es nicht so. – 12 лет ХДС/ХСС в Берлине находится под правлением Ангелы Меркель и ещё никогда прежде жизнь в Германии не была такой хорошей как сегодня, дорогие друзья.

Употребление антропонимов может также служить приёмом опоры на авторитетное мнение в рамках реализации тактики выделения «своего круга». За счёт данного приёма политический деятель придаёт своему высказыванию большую убедительность в глазах общественности. Так, Х. Зеehoфер приводит цитату известного германского государственного деятеля и лидера ХСС (1961-1988 гг.) Франца Йозефа Штрауса:

*Und ich wandle ein Wort von **Franz Josef Strauß** ab, „notfalls sind wir in Bayern die letzten Preußen, wenn es darum geht, Recht und Ordnung im unserem Land zu gewährleisten“. – Я изменяю одно слово Франца Йозефа Штрауса «в случае необходимости мы в Баварии последние пруссаки, если речь идёт о гарантии сохранения права и порядка в нашей стране».*

Приведённое выше высказывание направлено на единение с аудиторией для создания позитивного образа баварцев, которые поддерживают такие классические ценности Германии, как порядок и справедливость.

Использование геортонимов (наименование праздников, политических, исторических и военных событий) в речи политических деятелей также характерно для реализации тактики выделения «своего круга»:

*H. Seehofer: **Helmut Kohl** ist der Kanzler der Deutschen Einheit, der diesen Wink der Geschichte ergriffen hat und die deutsche Einigung vollendet hat. Vergesst es nie. – Гельмут Коль – канцлер единства Германии, который распознал знак истории и реализовал объединение Германии.*

Объединение Германии в 1990 году стало значимым историческим событием и является важным ценностным ориентиром для германского общества.

В следующем высказывании Х. Зеehoфер использует тактику отождествления со стабильностью и процветанием ФРГ:

Und das deutsche Jobwunder der letzten Jahre! Wir sind doch eine Insel der Stabilität. Wir sind ein Stabilitätsanker der ganzen Welt, die Bundesrepublik Deutschland. – А рекордное увеличение рабочих мест в последние годы! Мы – остров стабильности. Мы являемся якорем стабильности для всего мира и для всей Германии.

Понятие *das deutsche Jobwunder* относится к фоновой лексике, включает в себя рост ВВП и снижение безработицы, и, как следствие, увеличение рабочих мест, начиная с 2005 года⁴ Х. Зеehoфер прибегает к приёму лексического повторения местоимения *wir* с целью реализации концепта «свой круг». Кроме того, в данном высказывании оратор использует метафоры *eine Insel der Stabilität, ein Stabilitätsanker der ganzen Welt* для создания красочных образов и воздействия на массового адресата.

Речь Х. Зеehoфера часто носит лозунговый характер, для которого характерны краткие предложения, употребления лексических повторов, метафор или эллипсиса. За счёт этого подобные высказывания легко запоминаются и привлекают внимание массового адресата [15]:

***Bayern muss Bayern bleiben.** – Бавария должна оставаться Баварией.*

*Und dieses Ziel heißt: **Bayern zuerst.** Da lass ich von niemandem abbringen. – И этой целью является: Бавария – в первую очередь. И я никому не позволю это изменить.*

*Liebe Freunde, **das alles ist Bayern. Bayern** ist einzigartig, **Bayern** ist ein Paradies, <...>. – Дорогие друзья, это всё Бавария. Бавария – единственная в своём роде. Бавария – это рай, <...>.*

Для создания позитивного образа Германии и Баварии говорящий прибегает к лексическому повтору топонима *Bayern* и его отождествлению с лексикой с позитивной коннотацией *einzigartig, Paradies*, а также использует обращение к аудитории *liebe Freunde*, способствующее созданию доверительной атмосферы в ходе выступления.

Информационно-интерпретационная стратегия служит для информирования населения о значимых политических, социальных или экономических событиях и достижениях. Данная стратегия может иметь вспомогательную функцию для реализации самопрезентации или дискредитации оппонента в зависимости от интенций говорящего. В рамках данной стратегии поли-

⁴ <https://www.statista.com/statistics/227005/unemployment-rate-in-germany/>

тические деятели часто употребляют фоновую лексику, корректное восприятие которой требует определённых экстралингвистических знаний со стороны адресата. К тактикам в рамках данной стратегии можно отнести тактику акцентирования положительной информации, тактику разъяснения, тактику признания существования проблемы, тактику указания на пути решения проблемы, тактику привлечения внимания к проблеме.

В приведённом ниже примере А. Меркель использует тактику акцентирования положительной информации для доказательства успешности проводимой политики:

Und diese Politik zeigt doch Erfolge. 50.000 neue Arbeitsplätze, Sozialversicherungspflichte seit 2005. – И эта политика показывает результаты. 50.000 новых рабочих мест, обязательное социальное страхование наёмного работника с 2005 года.

Одной из обсуждаемых тем в рамках “политической пепельной среды” 2017 года стала проблема обеспечения населения рабочими местами. Понятие «обязательное страхование наёмного работника ФРГ» (*Sozialversicherungspflicht*) включает в себя пенсионное страхование, страхование по безработице и страхование на случай болезни и является примером употребления фоновой лексики.

Наиболее острой проблемой, согласно опросу населения⁵, в 2017 году была проблема миграции и интеграции беженцев и мигрантов. Эту тему в своём выступлении поднял Х. Зеehoфер:

Liebe Freunde, wer bei uns leben will wegen Schutzbedarf und sich integrieren will, muss die deutsche Sprache lernen, muss sich an Recht und Ordnung halten, muss auch unsere Alltagskultur akzeptieren und akzeptieren, dass wir Bayern ein christliches Land sind, liebe Freunde! – Дорогие друзья, кто хочет жить у нас, нуждаясь в защите, и желает интегрироваться, должен учить немецкий язык, должен придерживаться законов и порядков, должен принимать нашу бытовую культуру и также должен принимать, что Бавария – христианская земля, дорогие друзья!

В приведённом высказывании оратор использует тактику указания на пути решения проблемы, подчёркивая необходимость интеграции мигрантов и признания особенностей культуры и религии Германии. Лексическая единица *Alltagskultur* относится, на наш взгляд, к фоновой лексике, повседневная культура в России и Германии имеют, безусловно, существенные отличия.

Одной из тем, затронутых политическими деятелями в своих выступлениях, стал вопрос будущего Германии. В этой связи в своей речи А. Меркель обозначила следующие важные пункты: пакет реформ «Агенда 2025» (*Agenda 2025*), цифровизация (*die Digitalisierung*), образование (*die Bildung*). Все эти понятия относятся к социально-политическим реалиям: *Agenda 2025* относим к документонимам, а понятия *die Digitalisierung* и *die Bildung* – к фоновой лексике:

Deutschland 2025. Das muss unsere Agenda sein. Wie sieht dann Mecklenburg-Vorpommern aus? Was wollen wir mit der Digitalisierung machen? Wie muss die Bildung für unsere Kinder aussehen? – Германия 2025. Это должно стать темой нашего пакета реформ. Как будет выглядеть земля Мекленбург-Передняя Померания? Что мы собираемся делать с цифровизацией? Как должно выглядеть образование для наших детей?

В своём высказывании А. Меркель использует тактику привлечения внимания к проблеме с помощью употребления риторических вопросов.

В рамках обсуждения будущего Германии Х. Зеehoфер также затрагивает тему пакета реформ «Агенда 2025» и цифровизации. Кроме того, политик подчёркивает важность сохранения рабочих мест для населения Германии с помощью тактики акцентирования положительной информации и тактики разъяснения:

Und deshalb werden wir in dieser Agenda 2025 auch alles tun, dass wir für die nächsten Jahre Jobs sichern. Und in einem ganz wichtigen Bereich der Digitalisierung aller Lebensbereiche heißt unser Motto Bits, Bytes, Bayern. Das sind unsere Anliegen, wir wollen da in die Weltspitze, liebe Freunde. Bits, Bytes, Bayern. – И поэтому при создании «Агенда 2025» мы будем делать всё, чтобы сохранить рабочие места в последующие годы. В крайне важной области цифровизации всех сфер жизни нашим де-

⁵ <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/2739/umfrage/ansicht-zu-den-wichtigsten-problemen-deutschlands/>

визом является «Bits, Bytes, Bayern» (биты, байты, Бавария). Таковы наши цели, и мы хотим достигнуть здесь мировых рекордов, дорогие друзья.

В своей речи политик прибегает к лексическому повторению лозунга *Bits, Bytes, Bayern*, который связан с процессом перехода на цифровой формат всех сфер жизни в Баварии.

Главной целью **стратегии дискредитации** является подрыв доверия массового адресата к конкурирующей партии и её представителям, а также снижение влияния оппонентов в обществе. С помощью данной стратегии адресант стремится демонтировать позитивный образ оппонента и умалить его достижения в глазах потенциальных избирателей. Стратегия дискредитации реализуется с помощью тактики обвинения, а также тактики оскорбления и издёвки. Употребление ценностных концептов с целью дискредитации оппонента реализуется за счёт противопоставления действий конкурирующей партии ценностям общества.

Одной из значимых ценностей германского общества, тесно связанной с проблемой миграции, является толерантность. В концепт «толерантность», по утверждению С.С. Тахтаровой, входят два основных признака: наличие культурных различий и умение принимать их в других представителях общества [11]. К тактике обвинения в неследовании ценностным ориентирам прибегает, например, Х. Зеehoфер:

Für uns gibt es null Toleranz für Ausländerhass, für Antisemitismus und Hassparolen. Und mit rechtsradikalen dummen Fragen haben wir schon gar nichts gemeinsam. – У нас нет терпимости в отношении ненависти к иностранцам, антисемитизма и разжигания ненависти. И с этими ультраправыми глупыми вопросами у нас совершенно нет ничего общего.

Политик употребляет концепт *null Toleranz* в отношении проявления ненависти к иностранцам и антисемитизма и связывает данные понятия с вопросами от представителей правых партий. Лексические единицы *Ausländerhass*, *Antisemitismus*, *Hassparolen* относятся к фоновой лексике, поскольку имеют отношение к историческим событиям в Германии в период 1939-1945 гг. Данное высказывание включает в себя также приём дистанцирования, который реализуется за счёт инверсии для акцентуации внимания аудитории и усилительной частицы *gar* в словосочетании *gar nichts gemeinsam*.

А. Меркель употребляет тактику обвинения с целью указания на неспособность членов СДПГ к сотрудничеству:

Die Sozialdemokraten haben bis heute noch nicht die Kraft, sich zu dem zu bekennen, was auch dazu mitgeholfen hat, dass wir das heute erreichen konnten, nämlich zu der Agenda 2010. – Социал-демократы до сих пор недостаточно сильны, чтобы признать свою ответственность, и это также помогло нам достигнуть принятия реформ «Агенты 2010».

Для реализации негативной оценки несогласия СДПГ с пакетом реформ «Агенты 2010» оратор употребляет эргоним *die Sozialdemokraten* и документоним *Agenda 2010*.

Одним из характерных приёмов стратегии дискредитации, при использовании тактики оскорбления и издёвки, является приём навешивания ярлыков, который может реализовываться за счёт антропонимов:

H. Seehofer: Aber, wenn er mit dieser Politik fortführt, werden wir ihm diese Mogelpackungen nicht mehr durchgehen lassen. Denn heißt Martin Schulz künftig nicht mehr Martin Schulz, sondern Martin der Schummler. – Но, если он продолжит данную политическую линию, мы больше не допустим повторения его красивых слов. Поскольку тогда в будущем его будут звать не Мартин Шульц, а Мартин Шулер.

Этот приём является эффективным способом воздействия на адресата за счёт использования лексики с эмоционально-экспрессивной окраской с отрицательной оценкой. В данном высказывании политик уличает своего противника во лжи, называя его «лжецом» (*der Schummler*), проводя некую аналогию с его фамилией (*Schulz*).

Манипулятивная стратегия, как и стратегия дискредитации, направлена на очернение положительного образа оппонента и конкурирующей партии. Отличительной чертой манипуляции является скрытое побуждение адресата к желаемым действиям, в то время как дискредитация считается проявлением речевой агрессии, нацеленной на оскорбление [10].

К способам реализации коммуникативной стратегии манипуляции лингвисты причисляют псевдоаргументацию, имитацию авторитетности и силы [6], приёмы демагогии, тактики гиперболизации, компрометации, утрирования, ложного обобщения, инсинуации [9] и др.

В своих высказываниях, направленных против партии «Союз 90/Зелёные», Х. Зеehoфер прибегает к тактике ложных обвинений (инсинуаций):

*Ich kann euch nur sagen: das Verhalten **der Grünen** ist der Gipfel der Schäbigkeit und **die Grünen** sind das wahre Sicherheitsrisiko für unser Land.* – Я могу сказать вам только одно: поведение «Зелёных» – это вершина подлости, а партия «Зелёные» представляет настоящую угрозу безопасности для нашей страны.

*Ich wiederhole, **die Grünen** sind ein Sicherheitsrisiko für unser Land und solange sie so denken, kommt für **die CSU die Grünen** als **Koalitionspartner** nicht in Frage, mit denen wollen wir nicht.* – Я повторяю, «Зелёные» – это угроза безопасности для нашей страны, и пока они обладают таким образом мышления, партия «Зелёные» не может быть коалиционным партнёром для ХСС, мы этого не хотим.

В обоих высказываниях политик использует перформатив в начале предложений (*ich kann euch sagen, ich wiederhole*), лексические повторения слова с негативной коннотацией *Sicherheitsrisiko*, фразеологизм *der Gipfel der Schäbigkeit*, а также притяжательные и личные местоимения *unser, wir*. Все перечисленные языковые средства служат для создания яркого негативного образа конкурирующей партии и реализации концепта «свои-чужие».

Агитационная стратегия так же, как и информационно-интерпретативная, может использоваться для усиления воздействия от речевых стратегий самопрезентации или дискредитации. К тактикам указанной стратегии можно отнести тактику призыва и тактику обещания.

В приведённом ниже высказывании Х. Зеehoфер прибегает к тактике призыва, реализуя концепт «свои-чужие» для противопоставления граждан (*das Bürgerliche*) и коалиции СДПГ, «Левых» и «Зелёных»:

*Das Bürgerliche muss jetzt aufstehen und kämpfen gegen **Rot-Rot-Grün**.* – Граждане должны встать и бороться против коалиции СДПГ, «Левых» и «Зелёных».

Для обозначения данной коалиции политик прибегает к метафорическому образу, обозначая партии по их цвету. Подобное обозначение партий является типичным для политического дискурса Германии. Так, после выборов 2017 года, одним из возможных форматов коалиции была «Коалиция Ямайка» (*Jamaika Koalition*), названная так по совпадению цветовой символики ХДС/ХСС (*schwarz*), «Союз 90/Зелёные» (*grün*) и СвДП (*gelb*) и цветов государственного флага Ямайки (чёрный, зелёный, жёлтый).

В следующем примере политик призывает массового адресата гордиться достижениями правящего блока, используя форму повелительного наклонения (*seid stolz*) и перформатив (*deshalb bitte ich*):

*H. Seehofer: Liebe Freunde, das ist doch alles mit **CDU/CSU** verbunden. Und deshalb bitte ich alle Anhänger, alle Freunde: seid stolz auf eure Union, was sie für **Deutschland** erreicht hat.* – Дорогие друзья, всё это связано с ХДС/ХСС. И поэтому я прошу всех приверженцев наших взглядов, всех друзей: гордитесь вашей партией и тем, что она сделала для Германии.

Для создания позитивного образа блока ХДС/ХСС выступающий использует приём гиперболизации с помощью лексемы *alles*, указывая тем самым, что все достижения связаны с сотрудничеством этих двух партий. В данном высказывании употребляется топоним *Deutschland* в контексте тех позитивных действий, которые привели Германию к успеху. Создание атмосферы сближения с массовым адресатом достигается за счёт обращений *liebe Freunde, alle Anhänger, alle Freunde*.

Тактика обещания служит для создания позитивного образа политического деятеля и гарантии положительных перспектив в будущем. Как правило, данная тактика реализуется с помощью форм будущего времени:

*H. Seehofer: Ich gebe in Passau diese Garantie, dass das was ich euch heute gesagt habe, **von der CSU** solange verfolgt wird, bis es auch in der Realität Praxis ist, **meine Damen und Herren**.* – В Пассау я даю

гарантию, что всё сказанное сегодня будет контролироваться со стороны ХСС до тех пор, пока не станет практикой в реальности.

Х. Зеехофер связывает название ХСС и правящего блока ХДС/ХСС с осуществлением данных ранее обещаний, а также с будущим Германии в целом. В своей речи политик использует перформатив *ich gebe diese Garantie*, а также гендерно-маркированную лексику (*meine Damen und Herren, liebe Freunde*) с целью привлечения внимания адресата.

Выводы

В ходе анализа публичных выступлений лидеров блока ХДС/ХСС А. Меркель и Х. Зеехофера были определены основные акценты предвыборной кампании 2017 года: миграция и толерантность, безопасность и криминогенная обстановка, будущее Германии, образование, работа и социальная сфера.

При этом А. Меркель в своей речи не касалась темы миграции и толерантности, делая упор на проблемы образования, новые реформы и будущее Германии. Х. Зеехофер в своём выступлении обратил внимание на достижения блока ХДС/ХСС, а также на проблемы безработицы и интеграции мигрантов.

Проведённый анализ на материале двух выступлений подтверждает утверждение Т.С. Комиссаровой, что речь германских политиков отличается выраженной оценочностью суждений, метафоричностью и вербальной агрессивностью [7].

Для реализации своих коммуникативных намерений политики прибегали к различным речевым стратегиям. Так, для выступления А. Меркель характерно употребление стратегии самопрезентации, стратегии дискредитации и информативно-интерпретационной стратегии. Х. Зеехофер, помимо перечисленных выше стратегий, прибегал также к манипулятивной и агитационной стратегии. Речь Х. Зеехофера часто носила лозунговый характер, для его выступления характерно употребление обращений к массовому адресату *liebe Freunde* с целью включения аудитории в «свой круг».

Реализация речевых стратегий осуществлялась при помощи разноуровневых языковых средств. Среди лексических средств было выявлено употребление фразеологизмов, ярлыков, лексических усилителей. Монологическая речь ораторов отличается распространённым синтаксисом, однако встречаются также краткие нераспространённые предложения, носящие лозунговый характер. Среди стилистических средств можно выделить употребление метафор и сарказма.

Помимо упомянутых языковых средств, политические деятели активно использовали КМЛ. Так, для реализации стратегий самопрезентации и дискредитации А. Меркель и Х. Зеехофер употребляли эргонимы, антропонимы, документонимы, геортонимы, топонимы. В данном исследовании мы опирались на классификацию М.А. Чигашевой, М.А. Елизарьевой и Т.С. Лариной [14]. Геортонимы и топонимы часто употребляются в рамках лингвокультурного концепта «свой круг». В рамках стратегии самовосхваления эргонимы и антропонимы могут использоваться для реализации тактики отождествления партии с позитивными изменениями, а также для привлечения внимания общественности к достижениям партии и её представителей, в то время как при использовании стратегии дискредитации эргонимы и антропонимы могут служить для реализации речевых действий обвинения и приёма навешивания ярлыков в рамках тактики оскорбления и издёвки. Также за счёт лексики, относящейся к наименованиям культурно-исторических событий или географическим наименованиям, политические деятели придают своим высказываниям лозунговый характер.

Особое значение в выступлениях политиков имеет фоновая лексика, для понимания которой адресату необходимы экстралингвистические знания. КМЛ встречается во многих высказываниях политиков и напрямую связана с ценностными ориентирами и языковой картиной мира германского общества.

Таким образом, употребление КМЛ можно считать довольно успешным приёмом реализации различных речевых стратегий, к которому прибегают партийные лидеры в ходе публичных выступлений, что способствует формированию собственного позитивного политического имиджа и нивелирует достижения оппонентов в глазах потенциального избирателя за счёт создания нужного эмоционального настроения у массового адресата.

© Крячкова А.П., 2020

Список литературы

1. Алешина Е.Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации: монография. М.: Прометей, 2015. С.45
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1990. 246 с.
3. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: КАРО. 2005. 55 с.
4. Зигманн Ж.В. Структура современного политического дискурса: речевые жанры и речевые стратегии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. Омск: ОГУ, 1999. 285 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Монография. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Комисарова Т.С. Механизмы речевого воздействия и их реализация в политическом дискурсе: на материале речей Г. Шрёдера: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. 250 с.
8. Паршин П.Б. Лингвистические методы концептуальной реконструкции // Системные исследования: Ежегодник: 1986. М.: Наука, 1987. 403 с.
9. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 325с.
10. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация: Сб. науч. тр. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. С. 196-212.
11. Тахтарова С.С. Концепт *Toleranz* в немецкой лингвокультуре // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 1 (014). С. 64-71.
12. Телия В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии //Филология и культура: материалы II Международной конференции, 12-14 мая 1999 г.: в 3 частях / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. Часть 3. С. 14-15.
13. Томахин Г.Д. Реалии американизмы. Пособие по страноведению. М.: Высшая школа. 1988. 240 с.
14. Чигашева М.А. Национально-культурная специфика политического языка лидеров блока ХДС/ХСС. /М.А. Чигашева, М.А. Елизарьева, Т.С. Ларина/ Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 152-165.
15. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003. 248 с.
16. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324с.

References

1. Aleshina, E.Yu. *Publichnyy politicheskii diskurs konfliktnoi situatsii: monografiia* [The public political discourse of the conflict: monograph.]. M.: Prometei, 2015. p. 45.
2. Vereshchagin, E.M., Kostomarov, V.G. *Iazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo iazyka kak inostrannogo* [Language and culture: Linguistic and regional studies in the teaching of Russian as a foreign language.]. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Rus. yaz. 1990. 246 p.
3. Elizarova, G.V. *Kul'tura i obuchenie inostrannym iazykam* [Culture and teaching foreign languages]. SPb.: KARO. 2005. p. 55.
4. Sigmann, ZH.V. *Struktura sovremennogo politicheskogo diskursa: rechevye zhanry i rechevye strategii*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The structure of modern political discourse: speech genres and speech strategies]. M., 2003. 24p.
5. Issers, O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi: monografiia* [Communicative strategies and tactics of Russian speech: monograph.]. Omsk: OGU, 1999. 285 p.
6. Karasik, V.I. *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. Monografiia [Language circle: personality, concepts, discourse. Monograph]. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
7. Komisarova, T.S. *Mekhanizmy rechevogo vozdeistviia i ikh realizatsiia v politicheskom diskurse: na materiale rechei G. Shryodera* [The mechanisms of speech influence and their implementation in political discourse: on the material of speeches by G. Schroeder]: diss...kand. filol. nauk. Orel, 2008. 250p.
8. Parshin, P.B. *Lingvisticheskie metody kontseptual'noi rekonstruktsii // Sistemye issledovaniia* [Linguistic methods of conceptual reconstruction // System Studies]. Ezhegodnik: 1986. M.: Nauka, 1987. 403 p.
9. Parshina, O.N. *Strategii i taktiki rechevogo povedeniia sovremennoi politicheskoi elity Rossii*: diss. ... d-ra filol. nauk [Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia]. Saratov, 2005. 325 p.
10. Sedov, K.F. *Agressiia kak vid rechevogo vozdeistviia // Priamaia i nepriamaia kommunikatsiia* [Aggression as a form of speech exposure // Direct and indirect communication]: Sb. nauch. tr. Saratov: Izd-vo GosUNC «Kolledzh», 2003. pp. 196-212.

11. Takhtarova, S.S. Kontsept Toleranz v nemetskoj lingvokul'ture // *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [The Toleranz Concept in German Linguistic Culture // Questions of Cognitive Linguistics]. 2008. № 1 (014). pp. 64-71.
12. Teliya, V.N. Osnovnye postulaty lingvokul'turologii // *Filologiya i kul'tura: materialy II Mezhdunarodnoi konferentsii*, 12-14 maia 1999 g.: v 3 chastyakh / otv. red. N.N. Boldyrev [Basic postulates of linguoculturology // Philology and Culture: Materials of the II International Conference, May 12-14, 1999: in 3 parts]. Tambov: Izd-vo TGU, 1999. CHast' 3. pp. 14-15.
13. Tomakhin, G.D. *Realii amerikanizmy. Posobie po stranovedeniiu* [The realities of Americanisms. The allowance for regional geography.]. M.: Vysshaia shkola. 1988. 240 p.
14. Chigasheva, M.A. et al. *Natsional'no-kul'turnaia spetsifika politicheskogo iazyka liderov bloka HDS/HSS* [National-Cultural Specificity of the Political Language of the CDU/CSU-Leaders]. / M.A. Chigasheva, M.A. Elizar'eva, T.S. Larina. Polis. Politicheskie issledovaniia. 2020. № 4. pp. 152-165.
15. Chudinov, A.P. *Metaforicheskaia mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii*: Monografiia [Metaphorical Mosaic in Contemporary Political Communication: Monograph] / Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2003. 248 p.
16. Sheigal, E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. M.: Gnozis, 2004. 324 p.

Сведения об авторе:

Крячкова Александра Павловна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвопрагматика, политическая лингвистика, дискурс-анализ.

E-mail: kryachkova.ap@yandex.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Aleksandra P. Kryachkova – PhD, Lecturer of the German Language Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: linguo-pragmatics, discourse analysis, political linguistics.

E-mail: kryachkova.ap@yandex.ru

Conflicts of interest: The author declares absence of conflicts of interest.

* * *

COGNITIVE PECULIARITIES OF PERCEIVING AND DISTINGUISHING DIFFERENT MEANINGS OF THE MODAL VERB WOULD

Olga V. Larina, Irina V. Kryuchkova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract. *The article deals with the problem of functional peculiarities of the modal verb “would” in narrative texts. The analysed corpus comprises those meanings of “would” that render temporal aspects of the semantics of the following simple infinitive. The various meanings of modal constructions are considered in terms of the relative frequency of their usage in written texts as well as of their dependence on the broader lexical and pragmatic context. The present article also studies cognitive nuances of creating and perceiving “would + simple infinitive” phrases including their referential characteristics. At the end of the paper we attempt to build a cognitive model of the narrative discourse functioning of “would”-constructions, which takes into account the addressor’s presuppositions at the input and the implications at the output as inferred by the addressee.*

Key Words: *modal constructions, semantics, inference, temporal location, reference, presupposition, implication, cognitive model*

For citation: Larina O.V., Kryuchkova I.V. 2020. Cognitive Peculiarities of Perceiving and Distinguishing Different Meanings of the Modal Verb *Would*. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 36–44. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-36-44>

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ МОДАЛЬНОГО ГЛАГОЛА WOULD

О.В. Ларина, И.В. Крючкова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Аннотация. *Предлагаемая статья рассматривает особенности функционирования модальных конструкций с глаголом would в текстах нарративного характера. В состав анализируемого корпуса вошли те значения would, которые отражают темпоральные особенности действия последующего простого инфинитива. Приводится анализ относительной частотности упо-*

ребления таких конструкций в художественном тексте, исследуется взаимосвязь различных оттенков их значения с лексическим и прагматическим контекстом, выявляются когнитивные аспекты порождения и восприятия сочетаний *would + simple infinitive* в том числе и с учётом их темпорально-референциальных характеристик. В конце работы предпринимается попытка построения когнитивной модели, отражающей процесс создания адресантом высказывания, содержащего *would*, и последующего восприятия этого сообщения адресатом с учётом заложенных «на входе» пресуппозиций и выводимых из них импликаций.

Ключевые слова: модальные конструкции, семантика, инференция, темпоральная локализация, референция, пресуппозиция, импликация, когнитивная модель

Для цитирования: Ларина О.В., Крючкова И.В. 2020. Когнитивные особенности восприятия и дифференциации значений модального глагола *Would*. *Филологические науки в МГИМО*. Том 6. № 4(24). С. 36–44. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-36-44>

Взаимоотношения между единицами языка как системы знаков, существующие на разных уровнях, до сих пор находятся в центре внимания исследователей. Традиционно парадигматические связи наиболее подробно рассматриваются в рамках лексикологии. Существует много работ как отечественных, так и зарубежных лингвистов, рассматривающих проблемы лексической синонимии, омонимии и полисемии. Ю.Д. Апресян, И.В. Арнольд, В.А. Звегинцев, Э. Кошеру, Ч. Моррис, М.В. Никитин, В.К. Приходько, Н.А. Слюсарева, Н.И. Супрун, Л. Теньер, У. Эко – вот далеко не полный список известных исследователей, в разное время занимавшихся вопросами парадигматических отношений в языке. В настоящее время в рамках когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики в частности интерес к структурным взаимосвязям в языке вновь выходит на первый план. В связи с этим проблема синонимии, полисемии и омонимии грамматических, а также *разноуровневых* конструкций в свете когнитивно-прагматических особенностей их функционирования представляется весьма актуальной.

Мы уже обращались к явлению грамматической/разноуровневой синонимии в рамках когнитивно-прагматического подхода на примере функционирования имплицитных средств темпоральной локализации действия в англоязычном дискурсе [4]. Когнитивным основанием этого вида синонимии служит единство пропозициональной структуры, которая выступает в качестве семантического инварианта для ряда функциональных синонимов.

Проблема выбора одного из элементов синонимического ряда имеет когнитивно-прагматический характер, то есть при выборе того или иного синонима адресант сообщения по сути создаёт когнитивно-функциональную модель, соответствующую его коммуникативному намерению, и затем выбирает оптимальный способ её реализации с целью выполнения данной прагматической задачи.

В предлагаемой статье мы бы хотели сосредоточить своё внимание на ещё менее изученной с когнитивной точки зрения области, а именно на явлении грамматической полисемии и когнитивно-прагматических особенностях восприятия, дифференциации и выбора адресатом одного из ряда смыслов грамматических единиц. Если в случае синонимии выбор осуществляется говорящим и идёт от содержания к форме, то в случае грамматической полисемии основные когнитивные усилия прилагаются адресатом сообщения и направлены от формы к содержанию. Например, как будет продемонстрировано ниже, для адекватного намерению адресанта восприятия и разграничения разнообразных смыслов модального глагола *would* «на выходе» читателю/слушателю в обязательном порядке необходимо анализировать и учитывать широкий лингвистический и экстралингвистический контекст общения.

Проблема грамматической полисемии усугубляется тем, что учёные до сих пор не пришли к единому критерию разграничения понятий «полисемия» и «омонимия».

Нам представляется убедительным мнение ряда лингвистов о том, что омонимия возникает лишь тогда, когда между одинаково звучащими словами исторически никогда не существо-

вало семантических связей. Данной точки зрения придерживались, в частности, В.И. Абаев, И.Е. Аничков, К.П. Авдеев и В.Н. Сидоров, а также некоторые зарубежные лингвисты (J. H. Jagger, M. Studdert-Kennedy).

В настоящей работе мы предпримем попытку описать и систематизировать особенности восприятия адресатом времени действия модальных сочетаний с *would*, а также их референциальных особенностей. Большинство современных толковых словарей английского языка рассматривают модальный глагол *would* как многозначное слово (не набор омонимичных форм). В различных словарях приводится от десяти (Macmillan) до 22 (!) (Collins) различных значений данного глагола. Из всего разнообразия смыслов в сферу наших интересов попадают лишь те, которые имеют значение темпоральности, то есть по сути являются формой прошедшего времени соответствующего значения глагола *will* и лишены сослагательной модальности, а именно:

1. *would* для обозначения будущего с точки зрения прошлого (W1).
 - a) ожидание, намерение, обещание с точки зрения прошлого (W1a):
Sue promised that she would help.¹
 - b) предсказание о том, что должно произойти в будущем с точки зрения прошлого (W1b):
Here she met the man who would one day become her husband.
2. *would* для обозначения часто повторяющегося действия в прошлом (W2):
The Campbells would sometimes invite us over for the weekend.
3. *would* (в отрицательном предложении) как отказ от выполнения действия в прошлом (W3):
I asked her to help me, but she wouldn't.
4. *would* как готовность выполнить действие в прошлом (W4):
During the war people would gladly do extra duties [9].

Источником для корпуса примеров, на основании которых проводился анализ особенностей восприятия конструкций с модальным глаголом *would*, послужило произведение Дж. Ирвинга "A Prayer for Owen Meany", в котором описываются трагические события детства рассказчика и то, какое влияние они оказали на его дальнейшую судьбу. Рассказчик возвращается к ним на склоне лет, в ретроспективе, уже имея полное представление о мотивах и результатах действий главных героев; он способен видеть и анализировать причинно-следственные связи. Таким образом, роман интересен для данного исследования именно нелинейностью излагаемых в нём событий, многообразием временных планов, и, соответственно, представленных в нём структур с глаголом *would* и их значений.

Нами были проанализированы более 300 микроконтекстов использования глагола *would*. В сферу задач исследования входило:

- 1) установить сравнительную частоту использования различных значений конструкций с модальным глаголом *would*;
- 2) определить основные структурно-семантические особенности данных конструкций, служащие основанием для выбора того или иного значения при интерпретации сообщения адресатом;
- 3) разработать возможную когнитивную модель инференции и дифференциации различных значений модальных конструкций с *would*, учитывающую интенцию автора и прагматические особенности контекста, а также референциальный аспект высказывания.

1. Относительная частотность функционирования дифференцированных значений модальных конструкций с *would*

В ходе исследования методом сплошной выборки был подобран корпус примеров (микроконтекстов), содержащих конструкции с модальным глаголом *would*. При выборе примеров для кор-

¹ Мы вслед за рядом исследователей придерживаемся того мнения, что глагол *will/would* не является вспомогательным в строгом понимании, а всегда обладает в большей или меньшей степени выраженным оттенком модальности [1; 3].

пуса мы ориентировались на приведённый выше список значений. Для анализа были выбраны контексты употребления *would*, максимально отвлечённые от созначения сослагательности. В дальнейшем, при составлении экспериментальной когнитивной модели, мы примем во внимание коннотации гипотетичности/ проблематичности как элемент модальной пресуппозиции, но не будем их подробно анализировать, поскольку, как нам кажется, сослагательная модальность и её влияние на восприятие адресатом темпоральных и референциальных особенностей сообщения заслуживает отдельного анализа в рамках самостоятельного исследования.

Рассмотрение корпуса примеров привело на данном этапе исследования к следующим результатам.

Подавляющее большинство проанализированных конструкций реализуют значение W1. При этом на долю подзначения W1a приходится около 50% всего корпуса:

e.g. In Rector Wiggin's case, I imagined he was seeing the weather from the point of view of an ex-pilot-that he was simply observing that it would be a shitty day to fly [8].

Оттенок значения W1b представлен в 20% случаев:

e.g. There would be no growing old together for Dan Needham and my mother, whose appointment with the ball that Owen hit was only a year away [8].

Значение модального глагола *would* воспринимается как повторяющееся действие (W2) в 13% примеров:

e.g. My grandmother sat in her usual thronelike chair in the same room; she and Alfred would occasionally exchange glances and shake their heads [8];

как отказ от выполнения действия (W3) и готовность совершить действие (W4) в 10% и 7% соответственно:

e.g. My grandmother glowered, but she would not raise her hands; she made herself listen, although I could tell it was painful for "her to hear it" [8];

e.g. Owen would always admit it-when the room's occupant remained a mystery to him. «THIS GUY IS A REAL MYSTERY...» [8].

Подобное распределение частотности значений в основном соответствует порядку их расположения в словарях, что, вероятно, связано с частотой их употребления в языке. Такая статистика объясняется, по-видимому, также художественными и стилистическими особенностями текста, в котором косвенная речь как попытка рассказчика изложить и интерпретировать слова и поступки главных героев выходит на первый план (W1a) наряду с «пророческими» комментариями повествователя о том, чему суждено произойти в будущем (W1b).

2. Структурно-семантические особенности конструкций с *would* и дифференциация смыслов

С точки зрения структурных особенностей, представленных в корпусе примеров, служащих для интерпретанта некими сигналами к инференции определённых значений, можно выделить следующее.

Как продемонстрировал анализ примеров, высказывание воспринимается как содержащее значение «ожидания, намерения, обещания с точки зрения прошлого» (W1a) при наличии в непосредственно предшествующем контексте глаголов (reporting verbs) или других маркеров «оповещения»:

e.g. She **told** me that if I didn't mind living with an old woman, I was certainly welcome to have my room back – that it *would always be* my room, that no one else *would ever have* any claim to it [8];

e.g. If Dan and Grandmother and I were alone in Gravesend, and if the Eastmans were alone in Sawyer Depot, my grandmother **argued** that we *would all miss* each other; then, she reasoned, we wouldn't miss my mother so much [8].

В подобных контекстах проблема адекватной намерению автора инференции связана ещё и с грамматической омонимичностью конструкций с придаточными условия первого типа (1st Conditional) и второго типа (2nd Conditional) в контекстах прошедшего времени при согласо-

нии времён. В таких случаях, вероятно, гипотетическая модальность уходит на второй план и не препятствует верной интерпретации высказывания.

Оттенок значения W1b также реализуется в основном в контекстах с косвенной речью, которая вводится зачастую такими глаголами как *foresee*, *predict*, *know* и т.д., и синонимичными выражениями, содержащими такие слова как, например, *premonition*, *feeling*, *omen* и т.д.:

e.g. Later, I thought that Owen must have known the dummy was important; he must have **foreseen** that even that unwanted dress *would have a use*, that it had a purpose [8];

e.g. What possible good could a base on balls have done us? Harry should have been swinging away. He was an otherwise harmless creature, although he *would cause* his mother no little grief. ... Harry *would never be* Gravesend Academy material [8].

В приведённом выше примере нет слов-маркеров, тем не менее «пророческий» характер данного предположения становится очевидным при знакомстве с последующим текстом, из которого читатель узнаёт, что Гарри вопреки воле своей матери отправляется во Вьетнам, где и встречает свою негероическую смерть: "His mother tried to get Harry out of the service, claiming she was a widow who needed his support; but – in the first place – she had a job, and in the second place, Harry wanted to go in the Navy. He was embarrassed by his mother's lack of patriotic zeal; it may have been the only time he argued with anyone, but he won the argument – he got to go to Vietnam, where he was killed by one of the poisonous snakes of that region" [8]. Таким образом с учётом дальнейшего контекста и в ретроспективе реализуется оттенок значения *would* «суждено/не суждено».

Что касается значения W2, то адресат распознаёт его в тексте благодаря отсутствию глагола говорения, а также лексическому характеру основного глагола, входящего в состав данного модального сочетания (глагол здесь может выражать только действие, но не состояние). При этом обязательно должен учитываться и окружающий контекст:

e.g. She kept pinning her hair up on top of her head, because of the heat, but wild strands of it *would fall down* on her face and neck until, exasperated, she *would let* it all down again [8].

Значение «отказа от выполнения действия» (W3) также статистически значимо в анализируемом произведении. Стоит отметить, что принятое нами название данной функции глагола *would* несколько условно, так как семантически эта функция реализуется в предложениях как с подлежащим, выраженным одушевлёнными, так и неодушевлёнными существительными:

e.g. Owen *would not throw* a handful of dirt; I also saw that he would not take his hands from his ears. He would not open his eyes, either, and his father had to walk him out of the cemetery [8];

e.g. «Because the dressmaker's dummy *wouldn't fit* in the cab – because it couldn't bend – Owen stood on the flatbed with his arm around the hips of the red dress as the truck pulled away [8].

Как следует из приведённых выше примеров, единственным формальным маркером значения W3 выступает отрицательная форма модального глагола *would*. Инференции именно этого смысла способствует также контекст и семантическое окружение подобных конструкций, в частности, отсутствие глаголов-сигналов косвенной речи. В отличие от следующего примера, в котором присутствие глагола *argue* помогает сделать семантический вывод о времени модального сочетания *wouldn't miss* (W1a):

e.g. ... My grandmother **argued** that we would all miss each other; then, she reasoned, we *wouldn't miss* my mother so much [8].

Наибольшую сложность для анализа, на наш взгляд, представляют собой конструкции, реализующие значение W4. В таких случаях, очевидно, адресат опирается в основном на интонацию говорящего при устной форме сообщения или на контекст в письменной. В анализируемом произведении читатель по предыдущему контексту знает, что Оуэн совершает действие *join* с неохотой, что позволяет ему определить значение глагола *would* именно как W4 (готовность совершить действие):

e.g. And whenever Owen *would join* Dan for a verse of 'God Rest You Merry, Gentlemen,» or – worse – 'It Came Upon the Midnight Clear,» the old stone stairwells of Dan's dorm resounded with a dirgeful music... [8].

Когнитивные особенности восприятия и верификации высказываний, содержащих модальный глагол *would*

Для анализа нами были выбраны только конструкции, содержащие модальный глагол *would* в сочетании с простой формой инфинитива (то есть ни перфектные, ни длительные формы сопутствующего инфинитива на данном этапе нами не рассматриваются). Модальные конструкции с простым инфинитивом, с одной стороны, лишены дополнительных значений аспектуальности и таксиса. С другой стороны, с точки зрения выражаемых ими темпоральных отношений они дают гораздо больший простор для интерпретации (могут выражать и одновременность, и следование, и рекуррентность).

Темпоральный аспект значения любого глагольного сочетания тесно связан с положениями теории референции времён глагола, предложенной Хансом Райхенбахом [10]. Согласно этой теории, высказывание и его интерпретация зависит не только от времени порождения высказывания ST (Speech Time) и времени самого события, выраженного соответствующим глаголом ET (Event Time), но и от некой точки на темпорально-дейктической оси RT (Reference Time), по отношению к которой действие воспринимается как одновременное, предшествующее или следующее по времени. В процессе порождения высказывания точки ST и RT могут находиться в разных взаимоотношениях. Так, например, высказывания, содержащие простые времена (*simple present/past/future*), характеризуются совпадением момента речи и времени референции, в то время как в случае с *past perfect* RT будет предшествовать ST, а в случае с *future perfect* следовать за ним. Восприятие времени высказывания, в свою очередь, зависит от временной позиции адресата, которая может совпадать или не совпадать с ST. Использование модальных сочетаний с *would* ещё больше усложняют эти взаимоотношения, поскольку в процессе инференции о времени высказывания читатель/слушатель должен помимо всего прочего учитывать широкий прагматический контекст высказывания. Именно контекст обуславливает последующий вывод адресата о том, принадлежит ли время действия конструкции *would+simple infinitive* к актуальному для него (адресата) настоящему или будущему или же к его прошлому, вопреки значению следования по отношению к заложенному адресантом RT.

Э. Бенвенист [2] предлагает следующий вариант решения данной проблемы: при референциальном анализе повествования понятие момента речи не должно учитываться, так как нет субъекта речи как такового. В связи с этим при рассмотрении текста художественных произведений (как и в нашем случае) следует ориентироваться только лишь на понятие момента референции RT. Тем не менее, возникает вопрос: воспринимает ли автор произведения и впоследствии читатель одинаково данную точку отсчёта? По мнению Е.В. Падучевой [5; 6], время *past simple* в нарративе должно с референциальной точки зрения восприниматься так же, как *present simple* в условиях речевого общения, то есть, совпадая с RT, оно воспринимается как одновременное («настоящее») по отношению ко времени всего повествования в целом. Эта референциальная особенность наиболее очевидна при рассмотрении временных переходов в косвенной речи. Такая особенность нарративного режима ведёт, на наш взгляд, к некому парадоксу восприятия письменного текста: принимая «правила игры» и логику повествования и осознавая его хронологические особенности в плане одновременности/предшествования/следования событий, адресат, тем не менее, воспринимает и момент референции текста, и все связанные с ним события как принадлежащие сфере прошлого.

Изложенные выше результаты анализа контекстов использования различных значений глагола *would* позволяют предложить когнитивную модель их порождения и восприятия с учётом различных модальных оттенков, прагматических особенностей контекста (как непосредственного прагмасемантического окружения глагольной конструкции, так и макроконтекста всего литературного произведения), а также референциальных особенностей восприятия таких конструкций с возможностью дальнейшей верификации значений «будущее в прошедшем» (W1a и W1b).

Текущий этап исследования, а также выявленные особенности функционирования конструкций с глаголом *would*, внёс следующие модификации основной когнитивной модели порождения и восприятия речи, предложенной М. Бирвишем [7]:

$F(s) = \langle P, S, LF (would+S.Inf.), C(pr (RT \rightarrow ET(Pr (conc.)/Fut.(post.)+ modus)) \rangle \rightarrow \langle P', S', LF' (would+S.Inf.), C'(I(1(RT\ past \rightarrow ET\ past)) + (mod.)) + verif.$

В данной модели мы предприняли попытку отразить когнитивные особенности порождения и восприятия нарративов, содержащих конструкцию *would+simple infinitive*.

При получении речевого сигнала (s) адресат интерпретирует его на разных уровнях с учётом заложенной автором уровневой структуры, где P – фонетическое оформление высказывания, S – его синтаксические особенности, а LF (logical formula) – семантика высказывания. Актуальное значение высказывания реализуется в контексте C, который учитывает как лингвистическое обрамление высказывания, так и прагматические условия его создания. Широкий контекст подразумевает зависимость от ряда переменных – пресуппозиций высказывания pr, которые отражают языковые и фоновые знания говорящего, а также его прагматическое намерение. К контексту высказывания с точки зрения отправителя языкового сообщения относятся также референциальные особенности высказывания, обусловленные нарративным характером текста. Как уже отмечалось выше, автор художественного текста в режиме повествования ориентируется на RT как на точку отсчёта, а излагаемые события соотносятся с ней. В случае конструкций *would+simple infinitive* действие инфинитива (ET) выражает либо одновременность (concurrency) RT, в условном «настоящем» рассказа, либо следование (posteriority) за RT как его условное «будущее» ($RT \rightarrow ET(Pr (conc.)/Fut.(post.))$).

Контекст высказывания предполагает зависимость от разнообразных лингвистических и экстралингвистических факторов, или пресуппозиций (pr) – переменных, отражающих а) общие фоновые знания адресанта и адресата (как лингвистические, так и экстралингвистические), б) прагматические условия создания высказывания и в) модус. Таким образом, в целях данного исследования к предложенной нами ранее классификации пресуппозиций (лингвистическая, прагматическая, экзистенциальная, филологическая) мы добавляем ещё одну модальную пресуппозицию, то есть принятие во внимание оценки автором излагаемых в тексте событий, а также их реальности/гипотетичности. Мы не идентифицируем модальную пресуппозицию с прагматической, поскольку прагматическая пресуппозиция отражает учёт знания обоими собеседниками ситуации общения, модальная же сигнализирует особенности выбранного автором способа передачи своего отношения к этой ситуации.

Лингвистическая и прагматическая пресуппозиции в случае с использованием конструкций *would+simple infinitive* отражают структурно-семантические особенности их функционирования и способствуют адекватной намерению автора дифференциации смыслов W1, W2, W3, W4 (см. выше).

Вывод, который осуществляет реципиент сообщения о темпоральных особенностях конструкций *would+simple infinitive*, таким образом, также связан с восприятием одновременно нескольких уровней сообщения: ($P', S', LF' (would+S.Inf.)$), которые приобретают своё уникальное, заложенное автором значение, при верной интерпретации широкого лингво-прагматического контекста сообщения C'. С учётом контекста C' выводятся импликации I – результат инференции заложенных автором пресуппозиций. Набор импликации «на выходе» модифицируется с учётом особенностей восприятия адресатом референциальных характеристик конструкции *would+simple infinitive* ($I(RT\ past \rightarrow ET\ past)$). Также на этапе семантического вывода читатель/слушатель интерпретирует заложенную автором в виде пресуппозиции модальность (mod.). Завершающим этапом инференции о темпорально-референциальных особенностях анализируемых конструкций является верификация (verif.) (случилось/не случилось) по прочтении произведения предположений/пророчеств адресанта о будущем (значения W1a,b).

Таким образом, на основании проведённого анализа модальных конструкций *would + simple infinitive* в текстах нарративного формата можно сделать следующие предварительные выводы об особенностях их порождения и восприятия:

1) Анализ относительной частотности употребления основных значений, реализуемых сочетанием *would + simple infinitive*, показал, что чаще всего (в половине случаев) в тексте встречается

значение W1a – отнесение действия к будущему в контексте прошедшего с оттенком интра-субъективной (ожидание, намерение, обещание) модальности. Значения же W1b, характеризующееся экстра-субъективной модальностью (предсказание о будущем), W2 (часто повторяющееся действие в прошлом), W3 (отказ от выполнения действия) и W4 (готовность выполнить действие) встречаются в тексте анализируемого произведения уже гораздо реже: в 20%, 13%, 10% и 7% случаев соответственно;

2) Относительная частотность функционирования различных значений анализируемых конструкций на нашем материале в целом отражает иерархию значений *would* в большинстве словарей и, видимо, связана с их употреблением в языке в целом;

3) Существует определённая закономерность в лексико-семантическом окружении (контексте) сочетаний *would* + *simple infinitive*, что, вероятно, наряду с прагматическим контекстом рассматриваемых конструкций служит для адресата сигналом (пресуппозицией) к адекватной намерению автора сообщения инференции одного из значений *would*;

4) Верная инференция временных аспектов значения *would* + *simple infinitive* зависит также от заложенной автором сообщения точки отсчёта RT, определяющей время действия ЕТ и закладываемой автором сообщения на уровне прагматической структуры высказывания. При построении когнитивной модели порождения и восприятия подобных конструкций мы учитываем оба эти понятия и определяем их как прагматическую пресуппозицию высказывания. Особенности восприятия адресатом темпорально-референциальных аспектов значения *would* в художественных текстах связаны с опосредованным характером коммуникации (письменное, а не живое общение). Также с письменным модусом общения связана возможность верифицировать значения W1a,b по прочтении текста. Эта возможность заложена в нашей модели на уровне восприятия адресатом широкого прагматического контекста;

5) Предложенная нами когнитивная модель также отдельно учитывает модальную пресуппозицию как отражение отношения субъекта высказывания к ситуации общения, а также соответствующую ей импликацию на выходе.

В целом проведённое исследование выявило ряд когнитивно-прагматических аспектов проблемы восприятия и дифференциации отдельных смыслов модальных сочетаний. Нами было установлено, что выбор верного контекстуального значения модального глагола *would* зависит от анализа и адекватной намерению автора интерпретации адресатом как широкого лингвистического, так и экстралингвистического контекста высказывания. Правильный семантический вывод о темпоральных особенностях таких конструкций обусловлен сложной системой взаимосвязей их референциальных характеристик. Можно осторожно предположить, что разработанная нами когнитивная модель порождения и восприятия высказываний с модальным компонентом может быть экстраполирована и на другие модальные глаголы. При этом сослагательный аспект модальности требует отдельного внимательного рассмотрения.

© Ларина О.В., Крючкова И.В., 2020

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка / Л. С. Бархударов. М.: Высш. шк., 1975. 156 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. / Э. Бенвенист. Москва, 1974. 448с.
3. Кошечая И. Г. Сравнительная типология английского и русского языков / И. Г. Кошечая, Ю. А. Дубовский. Минск, 1980. 270 с.
4. Ларина О.В. Функционирование имплицитных средств темпоральной локализации действия в англоязычном дискурсе: диссертация ... кандидата филологических наук / О. В. Ларина. Москва, 2009. 232с.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. / Е.В. Падучева. М.: Наука, 1985. 288с.
6. Падучева Е.В. Семантика нарратива. / Е.В. Падучева. М.: Наука, 1996. 464с.
7. Bierwisch M. How on-line is language processing? // The process of language understanding. / G.B. Flores D'Arcais & R.J. Jarvella (Eds.). N.Y.: John Wiley, 1983. P. 113-168.
8. Irving J. A prayer for Owen Meany. 1989. URL: https://royallib.com/book/Irving_John/a_prayer_for_owen_meany_a_novel.html (Accessed 24 June 2020).

9. Macmillan Dictionary. Free English dictionary and thesaurus. URL: www.macmillandictionary.com (Accessed 24 June 2020).
10. Reichenbach H. Elements of Symbolic Logics. / H. Reichenbach. N.Y.: Dover, the Macmillan Co., 1947. 300p.

References

1. Barkhudarov, L.S. *Ocherki po morfologii sovremennogo angliyskogo iazyka* [Essays on the Modern English Morphology]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1975. 156 p.
2. Benvenist, E. *Obshchaia lingvistika* [General linguistics]. Moscow, 1974. 448s.
3. Koshevaia, I. G. Dubovskii, Ju. A. *Sravnitel'naia tipologiya angliyskogo i russkogo iazykov* [Comparative Typology of the English and Russian languages]. Minsk. 1980. 270 p.
4. Larina, O. V. *Funktsionirovanie implitsitnykh sredstv temporal'noi lokalizatsii deistviia v angloiazыchnom disкурse*: Dis. ... kand. filol. nauk. [Functioning of Implicit Means of Temporal Location in English Discourse. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Moscow. 2009. 232 p.
5. Paducheva, E.V. *Semantika narrativa* [Narrative Semantics]. Moscow, Nauka. 1996. 464p.
6. Paducheva, E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu*. [Utterance and its Correlation with Reality]. Moscow. Nauka. 1985. 288 p.
7. Bierwisch, M. *How on-line is language processing? In The process of language understanding*. G.B. Flores D'Arcais & R.J. Jarvella (Eds.). N.Y.: John Wiley. 1983. P. 113-168.
8. Irving, J. *A prayer for Owen Meany*. 1989. royallib.com/book/Irving_John/a_prayer_for_owen_mearly_a_novel.html (Accessed 24 June 2020).
9. Macmillan Dictionary. Free English dictionary and thesaurus, www.macmillandictionary.com (Accessed 24 June 2020).
10. Reichenbach, H. *Elements of Symbolic Logics*. N.Y., Dover, the Macmillan Co. 1947. 300 p.

Сведения об авторах:

Ларина Ольга Всеволодовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 8. Сфера научных интересов: грамматика английского языка, когнитивная лингвистика, грамматическая синонимия.

E-mail: olga21.06larina@gmail.com

Крючкова Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 8. Сфера научных интересов: контрастивная лингвистика, лексикология, английское словообразование.

E-mail: kiok2002@mail.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

About the authors:

Olga V. Larina – PhD, Assistant Professor at Department of the English Language №8, MGIMO. Spheres of interest: English grammar, cognitive linguistics, grammar synonymy.

E-mail: olga21.06larina@gmail.com

Irina V. Kryuchkova – PhD, Assistant Professor at Department of the English Language №8, MGIMO. Spheres of interest: contrastive linguistics, lexicology, English word-building.

E-mail: kiok2002@mail.ru

Conflicts of interest: The authors declare absences of conflicts of interest.

* * *

LANGUAGE AND STYLE OF INTERNATIONAL AGREEMENTS OF WESSEX

Sergey V. Mukhin, Darya A. Efremova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract. *The article is concerned with a complex study of the specific features of international agreements in the aspect of functional stylistics and text linguistics. The linguistic evidence has been collected in the Old English texts of international agreements made in the late 9th century by the Wessex kings Alfred the Great, Eadward and the chief of Danes Guthrum as testified by the late 11th – early 12th century manuscript. The present article is intended to make some scientific contribution by trying to solve a number of functional style problems of a specific text type in diachrony, i. e. to consider linguostylistic features of international documents in the historical aspect. It has been found out that lexical, grammar, structural-syntactic and compositional features of the text type in question emerged at the early stage of its existence and are still functional now. The research also proceeds to various language levels, in particular the textual one, to reveal and describe the specific features of Old English international treaties which are no longer inherent in modern formal papers of the same type. As a result of analyzing the linguistic evidence, a conclusion is made that there has been effected some linguostylistic change in the course of formation of the given text type, which, however, can hardly be described as drastic.*

Key Words: *linguostylistic features, text type, terminology, Wessex, functional stylistics, text linguistics, history of English, Old English*

For citation: Mukhin S.V., Efremova D.A. 2020. Language and Style of International Agreements of Wessex. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 45–55. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-45-55>

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЙ УЭССЕКСА

С.В. Мухин, Д.А. Ефремова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Аннотация. *Статья посвящена комплексному изучению особенностей международных соглашений с точки зрения функциональной стилистики и лингвистики текста. Материалом для исследования стали древнеанглийские тексты международных договоров, заключённых в конце IX в. королями Уэссекса Альфредом Великим, Эдуардом и правителем данов Гутрумом по ману-*

скрипту конца XI – начала XII вв. Научная новизна статьи заключается в попытке решить функционально-стилистические проблемы отдельно взятого типа текста в диахронном аспекте, то есть рассмотреть лингвостилистические черты международных документов в историческом аспекте. В ходе исследования было установлено, что большинство лексико-грамматических, структурно-синтаксических и композиционных особенностей изучаемого типа текста появились на раннем этапе его развития и сохранились до наших дней. В статье также выделяются и описываются на всех уровнях языка, прежде всего текстовом, специфические черты древнеанглийских международных договоров, не характерные для современных официально-деловых документов того же типа. Оставляя за скобками лексико-грамматические изменения в английском языке в целом, можно утверждать, что базовые параметры международных договоров в ходе своего формирования и развития как типа текста претерпели определённые лингвостилистические изменения, которые, однако, не являются кардинальными.

Ключевые слова: лингвостилистические черты, тип текста, терминология, Уэссекс, функциональная стилистика, лингвистика текста, история английского языка, древнеанглийский язык

Для цитирования: Мухин С.В., Ефремова Д.А. 2020. Лингвостилистические черты международных соглашений уэссекса. *Филологические науки в МГИМО*. Том 6. № 4(24). С. 45–55. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-45-55>

1. Введение

Вопрос о становлении функциональных стилей довольно актуален в современной лингвистической науке, поскольку его решение даёт важную информацию о том, по какому пути в своём развитии идут подсистемы языка, и позволяет предположить, какие изменения могут произойти в них в будущем. Проблема возникновения и эволюции официально-делового стиля интересовала функциональную стилистику ещё с 70-х годов XX в. [16; 8], однако исторические изменения типовых черт разновидностей текстов официально-делового стиля, в частности текстов международных документов, достаточного изучения не получили. Настоящее исследование ставит своей целью выявить лингвостилистические черты текстов международных соглашений древнеанглийского периода, сопоставить их с особенностями современных текстов этого типа для того, чтобы выяснить, какие из них сформировались уже на раннем этапе развития изучаемой разновидности текстов, а какие являются приобретением более поздних периодов.

Для достижения обозначенной цели анализируются тексты памятников древнеанглийской письменности: 1) договор между королём Уэссекса Альфредом Великим (*Ælfred se 3reata*, ок. 849 – 899 / 901 гг.) и королём даном Гутрумом (*Ziðrum*, в крещении Ательстан (*Æþelstan*), ? – 890 гг.); 2) краткое уложение законов, принятых договаривающимися сторонами совместно на территории Уэссекса и в области датского права после установления мира между скандинавами и англосаксами [30]. Приводимые примеры взяты из манускрипта конца XI – начала XII вв. *Corpus Christi College Cambridge Manuscript 383* [23], представляющего собой раннюю версию рассматриваемых текстов, поскольку её язык носит архаичный характер [22].

В настоящем исследовании применялись как специфические стилистические методы (метод стилистической интерпретации текстов, семантико-стилистический анализ), так и универсальные методы языкознания (лингвистическое наблюдение и описание, сопоставительный метод и др.). В ходе исследования решается ряд практических задач: 1) изучение теоретической литературы для выделения лингвостилистических черт современных международных соглашений; 2) выявление лингвостилистической специфики древнеанглийских международных договоров; 3) определение того, какие из черт современных международных соглашений сложились уже в древнеанглийский период.

2. Лингвостилистические черты современных международных договоров.

Поскольку рассматриваемые тексты представляют собой международный договор и свод международных законов, то анализ теоретических источников проводился с привлечением лингвистических исследований международно-правовых и юридических документов. В результате изучения работ по вопросу лингвостилистической специфики современных международных соглашений удалось выделить следующие черты данного типа текста:

- стандартизация композиции [25; 7];
- стереотипность лексико-грамматического оформления [11; 17; 26];
- однородность синтаксических структур (синтаксический параллелизм преимущественно условно-уступительных периодов) [9; 12; 21];
- сложность синтаксических конструкций [3; 20; 28];
- стремление к языковой экономии [13; 18];
- связность на основе лексических повторов, вводных и союзных слов [13; 19];
- тенденция к безличным способам выражения [2; 4, 6].

3. Лингвостилистическая специфика текста международных договоров Уэссекса.

Анализ текста рассматриваемых соглашений показывает, что многие лингвостилистические черты современных международных договоров обнаруживаются в текстах изучаемых документов: 1) стереотипность лексико-грамматического оформления: терминологичность, клишированность лексики; негативность; 2) стандартизация членения и композиции; 3) однородность синтаксических структур: синтаксический параллелизм условных периодов; 4) связность на основе лексических повторов, вводных и союзных слов; 5) тенденция к деперсонализированным способам изложения; 6) сложность синтаксических конструкций; 7) стремление к языковой экономии.

Рассмотрим последовательно конкретные лингвостилистические черты исследуемых текстов.

3.1.1. Стереотипность лексико-грамматического оформления: использование специальной терминологии

Терминологичность текста рассматриваемых соглашений является их наиболее ярко выраженной характеристикой, которая способствует стандартизации и спецификации текста документов. В целом, термины могут быть сгруппированы в зависимости от обслуживаемых ими сфер деятельности и лексической семантики самих единиц¹:

– собственно дипломатические термины и лексика, употребляемая в международной практике: *frið* (мир, мирный договор), *wita* (советник), *ðeod* (народ), *landzetaere* (граница), *here* (власть, суверенитет), *wedd* (гарантия), *swutulunz* (демонстрация намерений) и др.;

– общеправовые и процессуальные термины: *laza* (закон), *aþ* (клятва, присяга), *beteon* (предъявлять обвинение), *ladian* (оправдывать), *spraec* (судебное дело), *zyldan* (выплачивать штраф, компенсацию и т.п.), *zewyrdan* (причинять ущерб), *zetyman* (поручитель), *dom* (указ, предписание), *zerædnis* (установление, уложение, закон), *zod* (совершенствование, поправка), *steor* (наказание) и др.;

– названия правонарушений, преступных действий и преступников: *ofslean* (убивать), *mansliht* (убийство), *zestalian* (красть), *zefeohtan* (драсться, причинять побои), *forswerian* (лжесвидетельствовать, совершать клятвенное преступление), *deapscyld* (уголовное преступление), *utlah* (находящийся вне закона, преступник), *forwyrht* (преступник), *limlæweo* (преступник, по приговору подвергшийся увечью) и др.;

– общественно-политическая и экономическая лексика: *zinzra* (подданный, вассал), *ceorl* (свободный человек низшего сословия), *zafolland* (выделенная в пользование земля, земельный надел),

¹ Зд. и далее древнеанглийская орфография даётся в соответствии с отечественной учебно-исследовательской и издательской традицией – Авт.

ðeow (раб, рабыня), bize (торговля, обмен), woruldlic (светский, секулярный), teoþinȝ (десятина), cyþinȝ (сделка), feoh (имущество) и др.

3.1.2. Стереотипность лексико-грамматического оформления: тенденция к клишированию

Одной из характерных черт древнеанглийских юридических документов, в том числе международных, является широкое употребление штампов, клишированных выражений и оборотов с фразеоматически связанными значениями [10]. Использование подобных единиц служит целям формализации установлений закона и облегчению коммуникации в сфере дипломатических отношений. Обнаруженные в рассматриваемых текстах клише и штампы носят, в основном, адвербиальный или адъективный характер: *oft & unseldan* (часто и постоянно), *seolfe* (таковой, вышеупомянутый), *wordes oððe weorces* (словом или делом), *ze for zeborene ze for unzzeborene* (отныне и впредь, букв.: за рождённых и нерождённых), *mid rihte* (по праву) и др., в то время как фразеоматические единицы являются глагольными словосочетаниями: *zerædnis zeceosan* (принимать соглашение), *aðas swarian* (приносить клятвы), *zerædnis zeswæðan* (провозглашать договор), *ladian durran* (искать оправдания, заявлять о невиновности), *deafe zefylan* (забить насмерть) и др.

Все перечисленные единицы характеризуются воспроизводимостью в дипломатическом тексте, некоторой степенью семантической мотивированности и стёртой экспрессивностью. Единственным исключением среди обнаруженных связанных словосочетаний выступает образная единица с переосмысленным значением компонентов *clæne bæc habban* (быть в безопасности, иметь гарантию) – букв.: иметь чистую спину, употребляемая в следующем контексте:

Zif ðonne zebyrize, þæt for neode heora hwylc wið ure bize habban wille oððe we wið heora mid yrfe & mid æhtum, ðæt is to ðafianne on ða wisan, þæt man zislas sylle friðe to wedde & to swutulunze, þæt man wite, þæt man clæne bæc hæbbe.

Если так случится, что кто-либо из них для своих нужд пожелает торговать с нами или мы с ними скотом и товаром, то это следует разрешать при условии, чтобы предоставлялись заложники как гарантия мира и свидетельство, чтобы было понятно, что не замышляется вероломство.²

В этом примере, наряду с использующимися здесь же фразеоматизмами, единица *clæne bæc habban* не добавляет эмотивности тексту, а служит, скорее, для наиболее полной и ёмкой передачи установлений документа.

3.1.3. Стереотипность лексико-грамматического оформления: использование негативности

В условиях отсутствовавшего в Раннем Средневековье деления на отрасли права не существовало также и чёткого разграничения используемых методов регулирования. В рассматриваемых документах явно просматривается тенденция к применению императивно-запретительного метода, в настоящее время в основном присущего уголовному праву. Можно утверждать, что лексико-грамматическим средством вербализации запрета в тексте рассматриваемых документов выступает негативность, причём для древнеанглийского периода преобладающей нормой было полинегативное отрицание. Рассмотрим конкретные примеры:

& ne ðeowe ne freo ne moton in ðone here faran butan leafe, ne heora nan ðe ma to us.

ни рабы, **ни** свободные **не** должны переходить под власть данов без разрешения, и от них **никто не** может к нам.

В приведённом примере полинегативный тип отрицания обеспечивается основной отрицательной частицей древнеанглийского периода *ne* и отрицательным местоимением *nan* (никто, ни один).

ne dyde man næfre on Sunnandæzes freolse ænizne forwyrhtne

пусть **не** казнят **никогда** в воскресный праздник преступника.

² Зд. и далее перевод наш. – Авт.

В данном примере отрицательное наречие *pæfre* (никогда) помимо структурно-семантической функции обеспечения полинегативности выполняет также функцию эмпазы.

3.2. Стандартизация композиции и членения текста

В текстах рассматриваемых международных документов можно семантически выделить следующие композиционные единицы: преамбула и основная часть (содержание договора). Преамбула в договоре Альфреда и Гутрума выглядит следующим образом:

And þis is seo zerædnis eac, þe Ælfred cunz & 3iðrum cunz & eft Eadward cunz (& 3iðrum cunz) zecuran & zecwædon, þa þa Enzle & Dene to friþe & to freondscipe fullice fenzon.

И это также законы (уложение), которые король Альфред и король Гутрум, а затем король Эдуард и король Гутрум издали и провозгласили, когда англосаксы и даны мир и дружбу всецело приняли.

Приведённый пример полностью удовлетворяет определению преамбулы как вводной части международного договора, содержащей перечень договаривающихся сторон и лиц, их званий и должностей и указание мотивов, послуживших основанием для заключения договора [5].

В отличие от современных международных соглашений, в анализируемых текстах нет заключения, которое обычно содержит информацию об условиях вступления договора в силу, сроках действия, условиях и порядке расторжения и призвано бороться с тайной дипломатией. Очевидно, что такой практики в IX в. ещё не существовало, поэтому и отсутствует данная композиционная часть документа.

Письменная традиция Древней Англии также не знала деления текста на абзацы. Абзац как средство рубрикации, изначально обозначаемый знаком алинеи, а затем красной строкой, появился в Европе только в эпоху Высокого Средневековья. Соответственно, текст исследуемых договоров в оригинале написан единым массивом без какого-либо деления на главы и абзацы (см. рис. 1).

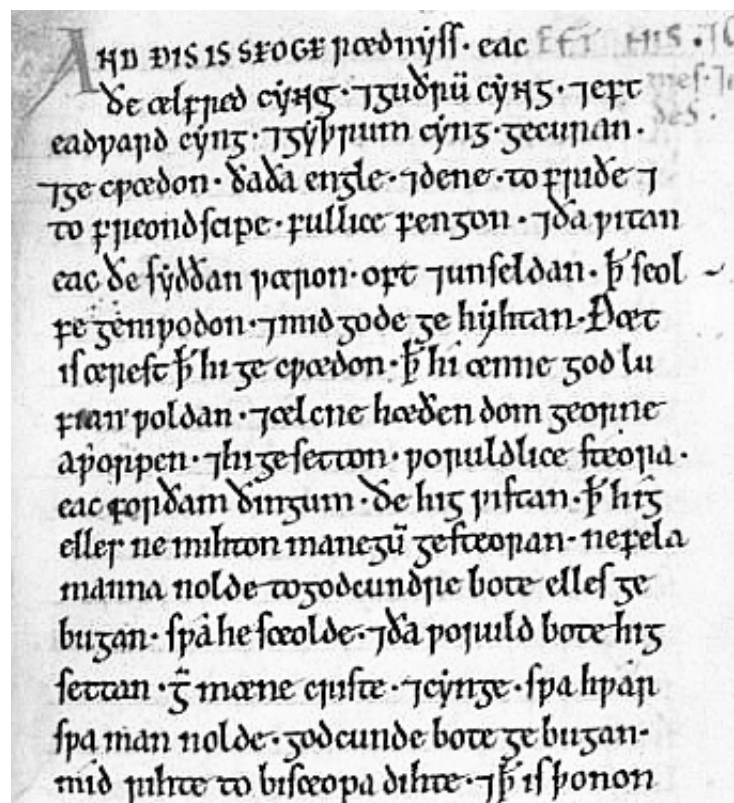

Рис. 1. Часть страницы из рукописи *Corpus Christi College Cambridge Manuscript 383, folium 13r* с преамбулой и двумя первыми пунктами договора между королём Эдуардом и королём Гутрумом.

Тем не менее, нельзя сказать, что категория членения текста совсем нехарактерна для международных договоров Уэссекса. Рубрикация исследуемых текстов осуществлялась особыми, главным образом лексическими, средствами. Так, можно отметить, что последовательные пункты договора могли выделяться посредством союза *zif* (если), вводящего условные придаточные. Употребление данного союза достаточно точно совпадает с современными средствами рубрикации, то есть красной строкой, параграфами, нумерацией. Каждый случай употребления условного предложения маркирует соответствующий параграф договора. Так рубрицирование соглашения Эдуарда и Гутрума выглядит в современной адаптации:

§ 1. *Zif hwa Romfeoh forhealde...* (Если кто не выплатит динарий Святого Петра ...);

§ 2. *Zif hwa leohtzseot ne zelæste...* (Если кто не предоставит свечную подать ...);

§ 3. *Zif hwa sulhælmýssan ne sylle...* (Если кто не выплатит подать с плуга ...);

§ 4. *Zif hwa ænizra zodcundra zeriht forwyrne...* (Если кто откажется от уплаты любых церковных налогов ...)³ и т.д.

3.3 Однородность синтаксических структур:

синтаксический параллелизм условных периодов с сослагательным наклонением

Типичным синтаксическим признаком текста древнеанглийского юридического документа, в том числе международного соглашения, надо признать широкое использование условных периодов, что обусловлено логикой изложения правовых норм, описывающих условия, при которых должны наступить определённые законом последствия. Наиболее частотными лексико-грамматическими маркерами таких синтаксических конструкций являются союз *zif* (если) и синонимичные ему союзы, вводящие условные придаточные предложения, и глагольные формы сослагательного наклонения в главных и придаточных предложениях. Рассмотрим пример:

↪ *zif hwa Cristendom wyrde oððe hæfendom weorþize wordes oððe weorces, zylde swa wer swa wite swa lahslitte, be þam þe syo dæd sy.*

И если кто **оскорбит** христианство или **вознесёт** язычество словом или делом, то **пусть заплатит** вергельд⁴ или штраф или лахслит⁵ по тому, каков **есть** проступок.

В данном сложноподчинённом предложении союз *zif* вводит условное придаточное. Поскольку действия, называемые глаголами в придаточном предложении, не рассматриваются как свершившийся или совершающийся факт, то в соответствии с общей грамматической нормой древнеанглийского языка, глаголы *wyrdan* (ранить, портить, причинять вред) и *weorþian* (ценить) принимают формы презенса сослагательного наклонения: *wyrde* и *weorþize*. То же справедливо в отношении второго придаточного условия: *þe syo dæd sy*, где реализована форма презенса сослагательного наклонения глагола *beon* (быть). В главном предложении форма презенса сослагательного наклонения глагола *zylðan* (выплачивать, возмещать) выражает оптативный характер действия, что, наряду с обозначением нереальности, было одной из двух главных функций сослагательного наклонения [15].

Условные предложения лежат в основе синтаксического параллелизма характерного для древнеанглийских международных договоров (см. примеры выше). Параллельность условных периодов обеспечивает единообразие построения текстов древнеанглийских международных документов и структурное постоянство состава информации.

³ Перечисляются различные виды церковных налогов: *romfeoh* – папская подать, *leohtzseot* – подать на освещение, *sulh-ælmesse* – подать с каждого плуга [24], а также *zodcund zeriht* – букв. «должное Господу» как гипероним, означающий всю совокупность церковных пошлин.

⁴ *Werseld* – денежная компенсация, которую виновный выплачивал родственникам убитого им свободного человека [29]. У древнегерманских народов вергельд постепенно заменил кровную месть.

⁵ *Lahslitte* – существительное скандинавского происхождения, означавшее вид штрафа, назначавшегося в зависимости от общественного положения виновного [28].

3.4 Связность на основе лексических повторов, вводных и союзных слов

Строгость логического построения является характерной чертой официально-деловых документов [25], в том числе и международно-правовых, поэтому все виды связности как когезия, так и когерентность играют в этих текстах большую роль.

Для обеспечения горизонтальной связности в древнеанглийских международных договорах используются идеографические синонимы или лексические повторы:

*ne fela manna nolde to **zodcunde bote** elles zebuzan, swa hy sceolden & þa **woruldbote** hiȝ zesetton zetaene Criste & cynze, swa hwar swa man nolde **zodcunde bote** zebuzan mid rihte to bisceopa dihte.*

многие не захотели бы выплачивать церковные **налоги**, поэтому они установили мирские **штрафные выплаты** Христу (церкви) и королю везде, где бы ни отказывались уплачивать законные церковные **подати**, определяемые епископами.

Вертикальная связность текстов древнеанглийских международных договоров обеспечивается порядковыми числительными при перечислении пунктов договоров:

Ærest ymb ure landzetaera... (Во-первых, о наших границах...).

Ðæt is þonon ærest, þæt hiȝ zeswædon (Во-вторых (букв. «после первого»), они заявили...)

Употребление этой части речи способствует не только лучшему восприятию логики и последовательности информационных потоков в тексте, но и внутренней структуры текста, которая при отсутствии деления на абзацы никак иначе не маркируется.

3.5 Тенденция к деперсонализированным способам изложения:

использование структур с неопределённо-личным местоимением *man / mon*

Правовая норма предполагает абстрагирование от конкретных ситуаций. В тексте официальных документов это выражается в деперсонализации лексики и синтаксиса. В то время как одним из типичных признаков современного официально-делового стиля является употребление пассивного залога, особенностью древнеанглийского языка было частотное использование неопределённо-личного типа предложений с тем, чтобы придать отвлечённый характер тексту. Наиболее распространены были предложения с подлежащим, выраженным неопределённо-личным местоимением *man / mon*:

*ealle we swædon on ðam dæge ðe **mon** ða aȝas swor*

Все мы провозгласили в день, когда были принесены клятвы

Всего в сравнительно небольшом по объёму тексте рассматриваемых соглашений (около 1100 слов) зафиксировано 19 случаев употребления местоимения *man / mon*. В это число входят только те случаи, в которых данная форма употребляется как прономинализованное средство выражения неопределённости агенса:

*zif deapscyldiȝ **man** scriftspræce zyrne, ne him **man** næfre ne wyrne*

если осуждённый на смерть **человек** желает исповедаться, ему никогда нельзя отказывать

В данном примере прономинальное неопределённо-личное значение выражается формой *man* только во втором случае, где она служит целям абстрагирования правовой нормы от конкретной ситуации. В первом же случае форма *man* определяется прилагательным *deapscyldiȝ* (осуждённый на смерть) и выступает как полноценное существительное с лексическим значением *человек*.

3.6. Сложность синтаксических конструкций

Одним из важных признаков текста официальных документов является синтаксическая сложность, выражающаяся, как правило, в частотном употреблении сложных предложений. В тексте изучаемых соглашений из 49 предложений различной, но в основном высокой степени распространённости только 12 являются простыми.

В рассматриваемых соглашениях сложные предложения демонстрируют преобладание подчинительных отношений. Наиболее характерным надо признать использование сложноподчинённых предложений с условными придаточными:

*Zif man zehadodne oððe ælðeodizne þurh eniȝ ðinȝ forræde æt feo oððe æt feore, þonne sceal him cynȝ beon – oððan eorl ðær on lande – & bisceop ðere þeode for mæȝ & for mundboran, **buton he elles oðerne hæbbe.***

Если кто как-либо покусится на собственность или жизнь человека в священном сани или чужеземца, то должен король или олдермен той земли и епископ той епархии действовать как сородичи и защитники пострадавшего, если у того нет иных.

В данном случае в составе сложноподчинённого предложения использованы два условных придаточных с союзами *zif* и *buton*. Сложные синтаксические структуры придают текстам международных договоров формальный характер.

Несколько реже встречаются придаточные предложения дополнения и уступки, а также придаточные относительные:

se ðe þæt abrece, zylde lahslit mid Denum, wite mid Enzlum

тот, кто это нарушит, пусть заплатит лахслим у данов и фиксированный штраф у англо-саксов

3.7. Стремление к языковой экономии

Языковая экономия – основополагающий принцип функционирования языка, который основывается на стремлении достичь наибольшего результата наименьшим количеством средств и реализуется на всех уровнях языка и во всех стилях. Официально-деловой стиль, к которому относятся рассматриваемые нами тексты международных договоров, здесь не является исключением. Уже первые исследования принципа языковой экономии показали, что он обнаруживался уже на ранних этапах развития языка [14]. Как отмечается, основными средствами достижения языковой экономии среди прочих являются сложные слова, аббревиатуры, сокращения, эллиптические конструкции, неполные предложения [1]. Несмотря на то, что аббревиатуры и сокращения появляются ещё в Древнем Риме, в древнеанглийских международных документах они не встречаются, что, скорее всего, связано со стремлением достичь максимальной ясности текста и избежать неточностей в его толковании. На лексическом уровне принцип языковой экономии реализуется прежде всего за счёт морфологически сложных слов (дефисы далее показывают раздел морфем): *hand-zrið* (безопасность), *a-zylde* (без компенсации), *land-ze-mær-e* (границы), *ze-stæl-an* (вмещать), *deaf-scyld-iz* (приговорённый к смерти) и др.

На синтаксическом уровне языковая экономия достигается путём употребления простых неполных предложений, используемых как названия разделов: *Be ordele & aþum* (О судебных пытках и клятвах); *Be zetutum* (О поручителях), *Be siblerum* (О кровосмесительном прелюбодеянии). Эти синтаксические единицы выполняют основные функции заголовков – обобщение и компрессия информации.

3. Выводы

Исследование показало, что основные лингвостилистические черты международных договоров – это стереотипность лексико-грамматического оформления, стандартизация членения и композиции, синтаксический параллелизм условных периодов, связность на основе лексических повторов, вводных слов, тенденция к деперсонализированным способам изложения, сложность синтаксических конструкций, стремление к языковой экономии сложились ещё в древнеанглийский период. Особенности первых международных соглашений по сравнению с современными являются: отсутствие заключения в композиционной структуре, синтаксический параллелизм условных периодов как основа членения текста, широкое применение неопределённо-личных структур с местоимением *man* / *mon*, отсутствие аббревиатур как средства языковой экономии, образный характер отдельных клишированных единиц. Таким образом, на основе сохранившегося материала безотносительно к развитию лексико-грамматической структуры английского языка можно предположить, что международные договоры как тип текста в ходе своего исторического становления и развития претерпели некоторые лингвостилистические изменения, которые, однако, нельзя признать радикальными.

© Мухин С.В., Ефремова Д.А., 2020

Список литературы

1. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.: Едиториал УРСС: УРСС, 2004. 103 с.
2. Алонцева О. А. Лингвистические основы обучения студентов-юристов составлению официально-деловых документов // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2008. № 2. С. 76–81.
3. Баландина Л. А. Язык дипломатии: традиции и современность / Л.А. Баландина, Г.Ф. Кураченкова // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы Международной научно-практической Интернет-конференции. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 2011. С. 6–16.
4. Борисова Л.А. Основные требования к тексту закона и их соблюдение при переводе // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 66–71.
5. Дипломатический словарь / Гл. ред. А. Я. Вышинский и С. А. Лозовский. В 2-х т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1948. 1851 с.
6. Кафтя А. И. Сравнительный анализ конституционного и дипломатического дискурсов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 1 (67): в 2-х ч. Ч. 1. С. 126–128.
7. Ковалев Л.Н. Военно-политический договор как тип текста: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 208 с.
8. Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. М.: Просвещение, 1978. 384 с.
9. Крюкова Е.А. Язык и стиль законодательных актов: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 139 с.
10. Кунин А. В. Большой Англо-русский фразеологический словарь. М.: Живой язык, 1998. 942 с.
11. Логунова К. А. Структурные особенности дипломатических документов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2. Ч. 2. С. 129–132.
12. Лященко Б. И. Синтаксико-стилистическая структура текстов советских дипломатических документов (на материале политических договоров и коммюнике): Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1978. 188 с.
13. Максимов С. Е. Прагматические и структурно-семантические особенности текста международного договора (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984. 199 с.
14. Мартине А. Механизмы фонетических изменений: проблемы диахронической фонологии. М.: КомКнига, 2006. 261 с.
15. Мухин С. В. История английского языка. *Englisce Spræc Stær. Historie of the Englishe Tonge. History of the English Language* / С.В. Мухин, Е.Б. Морозова. М.: ЛЕНАНД, 2020. 264 с.
16. Носик С. Г. Становление и развитие официально-делового стиля в английском языке (на материале древнеанглийского языка): Автореф. дис. канд. филол. наук. Киев, 1975. 24 с.
17. Ошурмахмадова С. Ш. Особенности лексики дипломатического делопроизводства // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 475–476.
18. Пиглоткин А. С. Язык закона. М.: Юридическая литература, 1990. 192 с.
19. Руберт И. Б. Становление и развитие английских регулятивных текстов (структурные, семантические, прагматические аспекты): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1996. 46 с.
20. Рябова И. П. Лингвоструктурные особенности договора в российском, американском и британском праве: сопоставительно-переводческий аспект / И.П. Рябова, А.Н. Кожевникова // Многоязычие в образовательном пространстве. 2018. № 10. С. 140–148.
21. Сейфулина Н. А. Textoобразующая функция сложно-подчинённых предложений в тексте законов // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. № 60. С. 128–133.
22. Attenborough F. L. *The Laws of the Earliest English Kings*. Cambridge, 1922. 256 p.
23. Cambridge, Corpus Christi College, MS 383: *Anglo-Saxon Laws* [Электронный ресурс]. URL: <https://parker.stanford.edu/parker/catalog/mv340ty8592> (дата обращения: 05.04.2020).
24. Chaney W. A. *The Cult of Kingship in Anglo-Saxon England. The Transition from Paganism to Christianity*. Manchester, 1970. 276 p.
25. Galperin I. R. *English Stylistics*. Moscow: URSS, 2017. 332 p.
26. Goodrich P. *Legal Discourse: Studies in Linguistics, Rhetoric and Legal Analysis*. N.Y.: St. Martin's Press, 1987. 266 p.
27. Murici M. *The Language of the Law – Some Characteristics* // *International Journal of English Language, Literature and Translation Studies*. India, 2017. Vol.4. Issue 1. P. 66–69.
28. Stenton F. M. *Anglo-Saxon England*. Oxford University Press, 2001. 812 p.
29. Wergild. Dictionary.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dictionary.com/browse/weregild> (дата обращения: 10.04.2020).
30. Manuscript A: *The Parker Chronicle. The Anglo-Saxon Chronicle: An Electronic Edition (Vol. 1). Literary edition* [Электронный ресурс]. URL: <http://asc.jebbo.co.uk/a/a-L.html> (дата обращения: 13.04.2020).

References

1. Admoni, V. G. *Osnovy teorii grammatiki* [Essentials of Grammar Theory]. M.: Editorial URSS: URSS, 2004. 103 p.
2. Alontseva, O. A. *Lingvisticheskie osnovy obucheniia studentov-iuristov sostavleniiu ofitsial'no-delovykh dokumentov* [Linguistic Essentials of Teaching Law Students to Make Official Documents] // *Vestnik RUDN. Ser. Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsial'nost'*. 2008. № 2. P. 76–81.
3. Balandina, L. A., Kurachenkova G. F. *Iazyk diplomatii: traditsii i sovremennost'* [Diplomacy Language: Traditions Today] // *Iazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeistviia: materialy Mezhdunarondnoi nauchno-prakticheskoi Internet-konferentsii*. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2011. P. 6–16.
4. Borisova, L. A. *Osnovnye trebovaniia k tekstu zakona i ikh sobliudenie pri perevode* [Main Requirements of Legal Text: What is to Observe in Translation] // *Vestnik VGU, ser: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*. 2008. №1. P. 66–71.

5. *Diplomatičeskii slovar'* [Dictionary of Diplomacy] / Gl. red. A. Ia. Vyshinskii i S. A. Lozovskii. V 2-kh t. M.: Gos. izd-vo polit. lit., 1948. 1851 p.
6. Kaftia, A. I. Sravnitel'ny analiz konstitutsionnogo i diplomatičeskogo diskursov [Comparative Analysis of Constitutional and Diplomatic Discourses] // *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2017. № 1 (67): in 2 parts. Part I. P. 126–128.
7. Kovalev, L.N. *Voenno-političeskii dogovor kak tip teksta* [War and Politics Treaty as a Text Type]: Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2000. 208 p.
8. Kovalevskaja, E. G. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka* [History of Literary Russian]. M.: Prosveshchenie, 1978. 384 p.
9. Kriukova, E.A. *Iazyk i stil' zakonodatel'nykh aktov* [Language and Style of Legislation]: Dis. ... kand. iurid. nauk. M., 2003. 139 p.
10. Kunin, A.V. *Bol'shoi Anglo-russkii frazeologičeskii slovar'* [English-Russian Phraseological Dictionary]. M.: Zhivoi iazyk, 1998. 942 p.
11. Logunova, K. A. Strukturnye osobennosti diplomatičeskikh dokumentov [Structural features of Diplomatic Papers] // *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2015. № 2. Ch. 2. P. 129–132.
12. Liashchenko, B. I. *Sintaksiko-stilističeskaja struktura tekstov sovetskikh diplomatičeskikh dokumentov (na materiale političeskikh dogovorov i kommuniķe)* [Syntax and Style of the Structure of Soviet Diplomatic Papers (Exemplified by Political Treaties and Communiqués)]: Dis. ... kand. filol. nauk. Kiev, 1978. 188 p.
13. Maksimov, S. E. *Pragmatičeskie i strukturno-semantičeskie osobennosti teksta mezhdunarodnogo dogovora (na materiale angliiskogo iazyka)* [Pragmatic and Structural-Semantic features of International Agreements]: Dis. ... kand. filol. nauk. Kiev, 1984. 199 p.
14. Martine, A. *Mekhanizmy fonetičeskikh izmenenii: problemy diakhroničeskoj fonologii* [Mechanisms of Phonetic Change: Problems of Diachronic Phonology]. M.: KomKniga, 2006. 261 p.
15. Mukhin, S. V., Morozova E. B. *Istoriia angliiskogo iazyka. Engliscre Spræce Stær. Historie of the Englishe Tonge. History of the English Language*. M.: LENAND, 2020. 264 p.
16. Nosik, S. G. *Stanovlenie i razvitie ofitsial'no-delovogo stilija v angliiskom iazyke (na materiale drevneangliiskogo iazyka)* [Rise and Evolution of Official Style in English (Exemplified by Old English Linguistic Evidence)]: Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Kiev, 1975. 24 p.
17. Oshurmahmadova, S. Sh. *Osobennosti leksiki diplomatičeskogo deloproizvodstva* [Peculiarities of the Vocabulary of Diplomatic Documentation] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. 2019. # 1 (74). P. 475–476.
18. Piglotkin, A. S. *Iazyk zakona* [Language of Law]. M.: Iuridičeskaja literatura, 1990. 192 p.
19. Rubert, I. B. *Stanovlenie i razvitie angliiskikh regulativnykh tekstov (strukturnye, semantičeskie, pragmatičeskie aspekty)* [Rise and Evolution of English Regulatory Texts (Structure, Semantics, Pragmatics)]: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 1996. 46 p.
20. Riabkova, I. P., Kozhevnikova A. N. *Lingvostrukturnye osobennosti dogovora v rossiiskom, amerikanskom i britanskom prave: sopostavitel'no-perevodčeskii aspekt* [Linguostructural Features of Treaties in Russian, American and British Legislation: Comparative and Translation Aspects] // *Mnogoiazyčhie v obrazovatel'nom prostranstve*. 2018. № 10. P. 140–148.
21. Seifulina, N. A. *Tekstoobrazuiushchaia funktsiia složno-podchinennykh predlozhenii v tekste zakonov* [Complex Sentences in Legislation in Text Making] // *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. № 60. P. 128–133.
22. Attenborough, F. L. *The Laws of the Earliest English Kings*. Cambridge, 1922. 256 p.
23. Cambridge, Corpus Christi College, MS 383: *Anglo-Saxon Laws* [Online], parker.stanford.edu/parker/catalog/mv340ty8592 (accessed: 05 April 2020).
24. Chaney, W. A. *The Cult of Kingship in Anglo-Saxon England. The Transition from Paganism to Christianity*. Manchester, 1970. 276 p.
25. Galperin, I. R. *English Stylistics*. Moscow: URSS, 2017. 332 p.
26. Goodrich, P. *Legal Discourse: Studies in linguistics, rhetoric and legal Analysis*. N.Y.: St. Martin's Press, 1987. 266 p.
27. Murici, M. The Language of the Law – Some Characteristics // *International Journal of English Language, Literature and Translation Studies*. India, 2017. Vol.4. Issue 1. P. 66–69.
28. Stenton, F. M. *Anglo-Saxon England*. Oxford University Press, 2001. 812 p.
29. Wergild. Dictionary.com [Online], www.dictionary.com/browse/weregild (accessed: 10 April 2020).
30. Manuscript A: *The Parker Chronicle. The Anglo-Saxon Chronicle: An Electronic Edition* (Vol. 1). Literary edition [Online], asc.jebbo.co.uk/a/a-L.html (accessed: 13 April 2020).

Сведения об авторах:

Мухин Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: языковые контакты в области фразеологии, германистика, история английского языка.
E-mail: s.muhin@inno.mgimo.ru

Ефремова Дарья Андреевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: стилистика текста, биографический жанр, история английского языка.
E-mail: efremovadarya@yandex.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

About the authors:

Sergey V. Mukhin – PhD, Assistant Professor of English Language Department №1, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: linguistic contacts in phraseology, Germanic studies, history of English.

E-mail: s.muhin@inno.mgimo.ru

Ефремова Дарья Андреевна – PhD, Lecturer of English Language Department №1, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: text stylistics, biographic genre, history of English.

E-mail: efremovadarya@yandex.ru

Conflicts of interest: The authors declare absences of conflicts of interest.

* * *

EVALUATION FACTORS IN SEMANTIC MECHANISMS OF MANIPULATION (IN ITALIAN)

Olga A. Pogoretskaya

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The aim of the article is to analyze the manipulative potential of the modern Italian-speaking media space in terms of creating a negative image of Russia as an international player. The sources of language material for the analysis are two authoritative Italian publications – Internazionale newspaper and Formiche.net Internet portal – characterized by the exclusively analytical content of articles and expert comments in the field of international relations and geopolitics, the authors of which are able to significantly influence the readership. The methodological apparatus includes a descriptive method and a method of semantic and syntactic analysis of linguistic units with a manipulative potential. From a pragmatic point of view, examples of evaluation predicates used by the Italian mass media to inform the reader about the actions of the Russian Federation are given. The article may be of interest to linguistic researchers dealing with romance studies, political linguistics, as well as to political scientists interested in Russian-Italian relations.*

Key Words: *linguistic manipulation, agenda-setting theory, image of Russia, Italian media space*

For citation: Pogoretskaya O.A. 2020. Evaluation Factors in Semantic Mechanisms of Manipulation (in Italian). *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 56–64. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-56-64>

ФАКТОР ОЦЕНКИ В СЕМАНТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ МАНИПУЛЯЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА)

О.А. Погорецкая

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. *В исследовании ставится цель проанализировать манипулятивный потенциал современного италияязычного медианпространства в отношении создания негативного образа России как международного игрока. В качестве источников языкового материала для анализа выбраны два авторитетных итальянских издания – газета Internazionale и интернет-портал Formiche.net – характеризующиеся исключительно аналитическим содержанием статей и экс-*

пертных комментариев в области международных отношений и геополитики, авторы которых способны в значительной мере повлиять на читательскую аудиторию. Методологический аппарат включает в себя описательный метод и метод семантического и синтаксического анализа языковых единиц, обладающих манипулятивным потенциалом. С позиций прагматики приводятся примеры оценочных номинаций, используемых итальянскими СМИ при информировании читателя о действиях Российской Федерации. Статья может представлять интерес для лингвистов-исследователей, занимающихся проблемами романистики, политической лингвистики, а также политологов, интересующихся российско-итальянскими отношениями.

Ключевые слова: речевая манипуляция, теория установления повестки дня, оценка, скрытая оценочность, образ России, италяязычное медиапространство

Для цитирования: Погорецкая О.А. 2020. Фактор оценки в семантических механизмах манипуляции (на материале итальянского языка). *Филологические науки в МГИМО*. Том 6. № 4(24). С. 56–64. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-56-64>

Сегодня невозможно представить повседневную жизнь социально активного человека без большого объёма знаний об окружающем мире и без медиапространства, которое открывает доступ к этому знанию. Потребность человека в информации разного рода является следствием растущей зависимости от общества и стремления осмыслить происходящее, приспособиться к нему.

Особенно актуально необходимость следить за политическими событиями звучит в Итальянской Республике, где общество сильно политизировано, и очень трудно найти человека, не соприкасающегося с миром политики в определённой степени.

Однако зачастую участие итальянцев в политической жизни страны сводится к тому, что их внимание фокусируется на политической жизни своего региона, в то время как интерес к политическим изменениям на уровне государства снижается. Это объясняется отчасти феноменом итальянской реалии под названием ‘campanilismo’ (местечковость, «патриотизм своей колокольни», привязанность к месту рождения, общественно-политический кругозор, ограниченный проблемами своего региона), отчасти необходимостью прилагать большие усилия для неповерхностного понимания политической обстановки в стране.

Стоит учитывать особую политическую обстановку, сложившуюся в Итальянской республике за последние десятилетия. Происходит быстрая смена правительств, перераспределение влияния политических партий, формирование новых коалиций, что бесспорно ведёт к острой политической и социальной полемике, представляющей крайне интересный материал для изучения манипулятивных стратегий в речи политических деятелей.

Среди экстралингвистических факторов, воздействующих на поведение электората, представляется возможным выделить, прежде всего, невысокий уровень знаний избирателей о политической культуре и ограниченное количество источников достоверной информации. С одной стороны, существует открытый доступ к огромному количеству информационных баз: ANSA (основное информационно-печатное агентство Италии), Mediaset (крупнейшая итальянская частная медиа- и телекоммуникационная компания), Rai (крупнейшая итальянская общественная телерадиокомпания), Asianews (агентство ПИМЕ – Папский институт иностранных миссий); с другой стороны, большинство этих источников субъективны, а выбор избирателя всё чаще сводится к поверхностному чтению заголовков газетных статей или постов в социальных сетях. Последние становятся зачастую основным источником информации не только из-за технически удобного доступа, но из-за того, что сами политики и журналисты всё чаще переносят свою деятельность в медиапространство. К примеру, Маттео Сальвини, один из ярких представителей итальянской политической сцены, стал активнее пользоваться социальными сетями в период взлёта своей карьеры и во многом пытается заручиться доверием избирателей, создавая в Инстаграме образ “своего”, публикуя свои фотографии из повседневной жизни и сопровождая их прямыми обраще-

ниями к итальянцам (эмпатийное апеллирование к пользователям соцсетей – “*vi abbraccio*” (обнимаю вас), “*con tutto il mio affetto*” (со всей любовью), оценочные обращения – “*cari amici*” (дорогие друзья), а также постами о своих политических действиях, что представляется сильной формой воздействия на избирателя с помощью визуальных и вербальных средств [11].

Разумеется, взаимодействие в медиапространстве не сместилось полностью в пространство социальных сетей, официальные источники министерств и ведомств, правительственных организаций, авторитетных печатных и электронных изданий продолжают играть важную роль в формировании у избирателя того или иного понимания политической обстановки.

Важно отметить не только качество содержания представленного материала, но и форму и количество его подачи, то, что журналисты Маккомбс и Шоу из Университета Северной Каролины назвали «определением повестки дня» (“agenda setting”) [7]. Они являются авторами термина, хотя само понятие сформулировал и описал У. Липпман ещё в начале двадцатого века. В работе «Общественное мнение» автор называет средства массовой информации «связующей нитью», которая объединяет происходящие в мире события и людей, однако делает это опосредуя сами события, создавая альтернативные возможности их восприятия читателями [6].

Американский исследователь, историк науки Бернард Коэн очень точно определил суть теории, он утверждал, что “прессе преимущественно не удаётся сказать людям, что думать, но она с большим успехом говорит им, о чём думать” [5, с. 13]. Дальнейшее развитие теории определения повестки дня (agenda-setting theory) привело к расширению терминологии и выявлению феномена общественного определения повестки дня (public agenda setting). Андреина Манделли подчёркивает важность исследования механизмов этого явления, так как новостные СМИ способны установить не только общественную повестку политических ситуаций, но и оказать влияние на повестку общественных ценностей, на мнение избирателей [7], что может привести к кардинальному изменению расстановки политических сил.

Французскому дипломату Ш.-М.Талейрану, который занимал пост министра иностранных дел Франции при трёх режимах в период с конца XVIII века до начала XIX века, известному своим мастерством политической интриги, приписывается афоризм, который как нельзя лучше характеризует оценочный характер речи: “Речь дана человеку для того, чтобы скрывать свои мысли”. Каждое событие, имеющее определённое денотативное значение, может быть описано разными способами, с помощью слов с разной коннотацией. Именно через различную номинацию выражаются и внушаются противоположные оценки [3].

Особенно “результативными” в формировании “выгодного”, эмоционально окрашенного представления о той или иной стране в глазах аудитории оказываются различные речевые манипулятивные приёмы, к которым прибегают итальянские политики и журналисты при информировании населения о внешнеполитической обстановке и её оценке.

В рамках политического дискурса манипулятивные стратегии используются, чтобы повлиять не только на восприятие информации целевой аудиторией, но и на поведение электората; как указывает Е.И. Шейгал, одной из основных функций интенциональной базы политического дискурса является «создание «языковой реальности» поля политики и её интерпретация» [4, с. 9], а также «манипуляция сознанием и контроль за действиями политиков и электората» [там же].

Манипуляция как способ управления деятельностью сознания это прежде всего дискурсивное явление. Манипуляция направлена на скрытое управление мыслительными процессами человека: адресат получает «закодированное» определённым образом сообщение, которое на смысловом уровне расшифровывается необходимым для “манипулятора” способом. Медиапространство создаёт условия для возникновения у адресата требуемых ассоциативных связей, которые оказывают обуславливающее влияние (положительное или отрицательное, стимулирующее или ингибирующее) на мыслительные процессы, определяя по смыслу интерпретацию речевого знака в заданном контексте.

Любое знание вербализуется и кодируется в речевом знаке. Манипулятивный механизм реализуется на базе интерпретационного отношения между семантикой знака (слова, высказывания) и смысла, в котором важнейшую интерпретационную роль играет оценка. “Манипулятор”,

предъявляя знак адресату, скрывает, переводит в план содержательной импликации оценку, которую он планирует “навязать” адресату. Манипулятивная оценка – не та, которая явно предъявляется адресату с тем, чтобы вызвать его ответную реакцию. Манипулятивная оценка как будто не требует ответной реакции адресата, её можно “не заметить”, “пропустить” как нечто несущественное. Однако, по принципу известного афоризма, “молчание адресата”, то есть отсутствие его реакции на имплицуруемую оценку, автоматически воспринимается как “знак согласия”.

Логика манипулятивных оценочных импликаций может быть достаточно протяжённой, как в масштабе текста, так и в межтекстовом пространстве дискурса. Используя смысловую манипуляцию, манипулятор, тем не менее, действует не случайным образом, но преследует какую-то цель. Наступает момент, когда скрытая оценка (скрываемое адресантом отношение к описываемой реальности) переводится из импликации в план явного выражения, после чего адресат, уже “привыкший” и “смирившийся” с такого рода импликациями, вынужден соглашаться (полностью или частично) с подобной оценкой. Имплицуемая манипулятивная оценка становится общепризнанной и понимаемой как объективная характеристика объекта, становится общим правилом смыслового понимания данного объекта. Смысл начинает всё больше управлять семантикой знака.

“В информации, передаваемой средствами языка, всегда заключено определённое отношение языковой личности к единицам/формам/структурам языка, которые эта личность актуализирует с разной степенью осознанности и целенаправленности в своей речевой деятельности” [3, с. 8]. Итальянские СМИ не являются исключением. Особый интерес в качестве источника примеров дискурсивного манипулирования представляет газета *Internazionale* [9]. Это авторитетное периодическое издание, специализирующееся на внешней политике, было названо жюри старейшей и одной из важнейших в Италии премий в области журналистики *il Premiolo* “компетентным транслятором самого лучшего из зарубежных СМИ для итальянской публики” [10].

В своей работе по семантическому и композиционному анализу способов выражения оценки в италияязычном медиапространстве мы руководствуемся пониманием оценки, предикативной по своей природе, которое формулирует Н.Д. Арутюновой: «то, что (...) имеет отношение к действительным свойствам объектов, их соответствию или несоответствию норме (существующей и идеальной), восприятию объектов, вызываемым ими ощущениям (приятному и неприятному), к активному психологическому началу человека (его желаниям, стремлениям, воле, долгу, обязанностям), к решению и выбору из ряда альтернатив, к жизненной программе человека и идеалам человечества, к прескриптивной функции речи, реализующейся в определённых типах речевых актов (таких как одобрение, осуждение, поощрение, рекомендация, совет, инструкция, приказание, убеждение, разубеждение, призыв, запрет, рекламирование и др.)» [1, с. 59]. В развитие этого понятия в рамках исследования манипулятивных тактик и стратегий в масштабе текста и в масштабе дискурса можно ввести понятие “скрытой оценочности”. Скрытую оценочность может передавать любая номинация, которая не эксплицирует оценку, но реализует скрытую ассоциативно оценочную связь, то есть положительная или отрицательная оценка выводится из номинации логически. Скрытая оценочность – это не высказанная, а имплицуемая оценка.

С этих позиций нам прежде всего следует разделить оценочные номинации по критерию коммуникативной направленности на предмет скрытой и явной оценки.

Мы считаем, что по критерию коммуникативной направленности можно выделять регулятивную оценку, то есть то выражение, где оценка не вуалируется говорящим, а напротив, высказывается открыто, ярко, подчёркивая его позицию по тому или иному вопросу; говорящий как бы противопоставляет себя адресату (идёт “в атаку”, “испытывает” адресата на предмет согласия или несогласия со своей оценкой). Следствием такой оценки может послужить как начало полемики, дискуссии, борьбы мнений, так и, напротив, прекращение диалога ввиду неприятия оппонентом предложенного именованного как неприемлемого или оскорбительного.

Примером такой оценочности может служить описание результатов референдума о присоединении Крыма к России в 2014 году в итальянской прессе как “**annessione** della Crimea alla Russia” (аннексия Крыма). Употребление слова “аннексия” вместо “присоединение” (*adesione*)

встречается в большинстве италоязычных изданий и ярко отражает позицию редакции по данному вопросу: авторитетный словарь под редакцией Сабатини – Колетти (il Sabatini Coletti) определяет слово “*annessione*” как “*Appropriazione politica e istituzionale di un territorio da parte di uno stato*” / “политическое или институциональное присвоение какой-либо территории другим государством” и даёт пример употребления “*annessione dei territori conquistati*” / аннексия *завоёванных* территорий/, в котором подчёркивается негативная оценочная коннотация, сопутствующая семантике этого слова.

Принципиально отличной от регулятивной оценки является оценка манипулятивная, целью которой является направить мысли адресата в нужное автору такого манипулятивно окрашенного высказывания русло, но сделать это скрытно, “исподтишка”, так, чтобы адресат не заметил, что им пытаются управлять. Примером такой манипулятивной оценки может служить оценочная номинация “Zar”, уже прочно закрепившаяся в италоязычном медиaprостранстве как синоним к президенту России В. Путину. “*Lo zar Putin*” – президент России выступает в роли «царя» этой крупнейшей и могущественной «державы», причём слово «царь» часто встречается с заглавной буквы, что, во-первых, привлекает ещё большее внимание, а во-вторых, подчёркивает статус денотата с графической точки зрения. С одной стороны, слово «царь» возвеличивает человека, может показаться лестным, подчёркивающим высокий статус говорящего, уважительное отношение к нему как к представителю легитимной власти; с другой стороны, эта же оценочная номинация может рассматриваться как инвектива, как намёк на чрезмерную “авторитарность”, “самодержавие”. Стоит также подчеркнуть функционирование оценочной номинации «царь» как дискурсивной метафоры, когнитивный потенциал которой позволяет реализовывать манипулятивные механизмы воздействия.

По результатам анализа статей, касающихся в той или иной степени России и опубликованных в период с 2018 по 2020 гг., можно сделать вывод о том, что применительно к Российской Федерации в италоязычном медиадискурсе встречается как регулятивная, так и манипулятивная оценка.

Россия представляется сильным и могущественным игроком на международной арене, о чём свидетельствует наличие большого количества оценочных номинаций, подчёркивающих влияние и авторитет Российской Федерации и уже ставших общеупотребительными, например, “*potenza di primo piano*”. Определение России как «державы» (“*potenza*”) усиливается определением «передовой, крупнейшей, на первом плане» (“*di primo piano*”). Параллельно, однако, создаётся образ России как агрессивного игрока, который злоупотребляет силой как внутри страны, так и во внешнеполитическом курсе.

По способу выразительного употребления выделяются непосредственный, дескриптивный, и косвенный, имплицативный, модусы речевой оценки, используемые для характеристики и описания действий Российской Федерации:

– **дескриптивные**, то есть содержащие описательный элемент: *lo scandalo sulle presunte infiltrazioni russe nella vita politica americana* (скандал, связанный с предполагаемым вмешательством России в политическую жизнь американцев) – уточняя, что вмешательство России в выборы в США является «предполагаемым», автор снимает с себя ответственность за голословное обвинение России, однако намекает, что Россия способна на такое вмешательство; *il leader russo e un leader dotato di grande fiuto politico* (российский лидер обладает очень сильным политическим чутьём) – российский президент характеризуется как сильный, обладающий большой властью сразу за счёт трёх элементов, содержащих оценочную коннотацию – «*dotato*», «*fiuto*», «*grande*», причём манипулятивный потенциал последнего элемента усиливается за счёт препозиции прилагательного “*grande*” к существительному, благодаря чему это прилагательное приобретает значение «великий, выдающийся»; *strategia ibrida di intimidazione militare e guerra mediatica* (гибридная стратегия военного запугивания и медийной войны) – внутриполитическая линия российского правительства описывается при помощи обращения к речевым реализациям концепта «вражда», «борьба» (лексемы «*strategia*», «*intimidazione*», «*militare*», «*guerra*»); *Putin è capace di muoversi da protagonista sulla scena internazionale* (Путин способен выступать в роли главного героя на международной арене);

– **имплицитивные**, то есть косвенно характеризующие способ выразительного предъявления оценки, которые подчёркивают в когнитивном плане позицию адресанта. На первый план выдвигается модус апелляции говорящего к адресату, выражаемый через оценочный предикат, способный передавать модальность: *non c'è da sorprendersi che la quarantena non sia vista come un'azione coordinata di cittadini responsabili* (**неудивительно**, что карантин не был воспринят как необходимость согласованных действий со стороны ответственных граждан) – модальное выражение «*non c'è da sorprendersi che*» подчёркивает отсутствие у автора сомнений в безответственности россиян; *presto vedremo come l'epidemia e le sue conseguenze distruttive sulla sanità nazionale e sull'economia saranno sfruttate* (**скоро мы увидим**, как губительные последствия эпидемии будут эксплуатировать) – глагол в изъявительном наклонении, в сочетании с оценочным суждением «presto» указывает на уверенность в том, что губительных для населения и экономики страны последствий не избежать, но они будут использоваться в корыстных целях.

Коснёмся скрытых семантических механизмов явной оценки. Любая оценка выполняет интерпретативную функцию, несёт интерпретативную нагрузку и в этом своём статусе характеризуется относительностью, впрочем, относительность – это субъективно-различительный признак оценки (в плане её субъективного «авторства», в чём говорящий противопоставляет свою оценку потенциальной оценке адресата; всякая оценка – это его авторская «находка»). Однако, с другой стороны, всякая оценка претендует на объективную истинность, подаёт себя как некий смысловой абсолют; в этом проявляется то, что можно назвать «*истинностным авторитаризмом*» оценки. Говорящий навязывает адресату свою оценку как некую абсолютную истину. Этой проблемы касается Н.В. Иванов: «Найдя истину, субъект тут же присваивает её себе, выдвигая себя вперёд как автора найденной истины. Напротив, сказав нечто эмоциональное, обнажающее его чувства или внезапное волнение, субъект прячется за объект, прикрывается внешней причиной, выставляя её как подлинное основание смысла» [2, с. 57].

Однако именно в «истинностным авторитаризме» оценки более всего обнаруживается её неистинность, то есть её интерпретационная либо чрезмерность, либо недостаточность (что мы видим, например, в различного рода эвфемизмах и дисфемизмах). Адекватность оценки реальному объекту или ситуации – вещь трудно доказуемая. Однако именно этим фактором, то есть смысловой дистанцией между семантикой предметного описания и оценкой более всего пользуются манипуляторы, которые с лёгкостью затушёвывают или, наоборот, раздувают негативное, преследуя свои цели.

Рассмотрим несколько примеров лексем, относящихся к описанию внутренней политики РФ: *il discorso marziale di Putin* / **воинственная** речь Путина – для описания обращения президента России использовано экспрессивное определение «*marziale*», подчёркивающее «воинственную» позицию выступающего. Однако речь Путина не содержала никаких угроз. В его речи была лишь жёсткая оценка действий Запада. Именно это вызвало крайнее недовольство западных политиков. Данная оценка – характерный дисфемизм по отношению к России. *In vista non c'è alcuna apertura liberale* / не предвидится **никаких** либеральных взглядов – утверждение об отсутствии либерализма в России усиливается отрицательным местоимением «*alcuna*», указывая на то, что либерализации взглядов в России, по мнению автора высказывания, не предвидится; *tentativi maldestri di controllo sociale a Mosca* / **грубые попытки** социального контроля в Москве – прилагательное «*maldestro*» усиливает инвективу – звучит косвенное осуждение российского правительства за ведение жёсткой социальной политики.

Приведём примеры других дисфемизмов, используемых в итальянской прессе в отношении России.

Похожая оценочная линия, основанная на концептах «война», «борьба», «власть», выстраивается у большинства авторов (Pierre Haski; Gabriele Crescente; Andrea Gullotta, Gwynne Dyer, Annalisa Camilli) касательно действий и позиции России в различных регионах мира: развитие отношений России с Ираком называется – *la Russia prova a prendersi l'Iraq* / Россия пытается **прибрать себе** Ирак; развитие отношений с Венесуэлой – *lo zampino russo nel settore energetico del Venezuela* / **вмешательство** со стороны России в энергетику Венесуэлы – выбор автора высказы-

вания в пользу возвратной формы глагола 'prendere' и разговорной лексики 'zampino' снижает стилистический регистр высказывания и инсинуирует несоответствие общепринятым нормам дипломатического поведения.

Трудно представить себе "голую" оценку. Оценка не может появиться в речи, в тексте без того, чтобы что-то её обосновывало с фактической стороны. Предметно-семантическое обоснование, явно выраженное или имплицитное, – необходимый спутник и "изнанка" всякой оценки. Если оценка не соответствует фактам, нечистоплотный журналист выдумывает эти факты. Ему требуется риторическое обоснование оценки. Характерен следующий пример: *L'aviazione russa sta bombardando scuole e ospedali commettendo palesamente crimini di guerra* – российская авиация бомбит школы и больницы, открыто совершая военные преступления (официально ни одного случая такого не было, но обвинения предъявляются). Далее следует: *bisogna prendere le misure volte a scoraggiare l'aggressione russa* / необходимо принять меры по сдерживанию российской агрессии. Журналист выдумывает факты, чтобы как можно ярче предъявить негативные оценочные суждения «*crimini di guerra*» и «*aggressione*».

В условиях постоянного информационного шума и переизбытка информации следует отметить также особую роль семантического и синтаксического оформления заголовков как средства речевой манипуляции. К примеру, в статье "*Russia, Cina e investimenti. In tre giorni, tutte le sfide per Nato e Difesa europea*" [8] в заголовок вынесены "главные" проблемы для стран-членов НАТО в преддверии встречи министров обороны ЕС – "Россия, Китай, инвестиции"; перечисляется всего три проблемных для НАТО и европейской безопасности вектора: Россия – на первом месте, с точки зрения синтаксического построения заголовка, немедленно обращает на себя внимание читателя, поскольку стоит в препозиции. Россия определяется как одна из основных угроз безопасности Европы, что настраивает читателя на восприятие России как "проблемы", решение которой избавит граждан ЕС от необходимости беспокоиться о собственной безопасности. Подобное перечисление может рассматриваться как попытка искажения объективной информации с помощью речевых манипулятивных приёмов, в этом случае на синтаксическом уровне. В этом заголовке устанавливается ассоциативная связь лексем «*sfida*» и «Россия». Ещё не прочитав статью, читатель сталкивается с довольно агрессивной оценкой на синтаксическом уровне, имеющей мощный манипулятивный потенциал. Эта оценка получает дальнейшее усиление. В одном из подзаголовков в указанной выше статье находим словосочетание "*le minacce russe...*" (российская угроза). Автору статьи представляется, что касательно внешней политики, основное внимание в постковидной реальности приковано к «угрозе» со стороны России – «...*Al primo posto resta la sfida russa*» (на первом месте остаётся вызов со стороны России). Приводится цитата генсекретаря НАТО Йенса Столтенберга (Jens Stoltenberg), который объяснил, что на повестке дня – угроза безопасности Европы со стороны постоянно растущего ядерного арсенала России. (In agenda ci sono le implicazioni sulla sicurezza "*della crescita dell'arsenale nucleare missilistico*" di Mosca, ha spiegato in conferenza stampa Jens Stoltenberg, segretario generale della Nato). Для создания у читателя уверенности в наличии "российского угрозы" приводится ещё одна цитата: "Россия продолжает наращивать ядерный потенциал", что служит своего рода "оправданием" такого серьёзного обвинения в адрес Российской Федерации, ведь на самом деле Россия находится в рамках договора СНВ. "*La Russia ha continuato a modernizzare le proprie capacità missilistiche, comprese quelle ipersoniche*" – поэтому в ходе встречи запланирована разработка «нового пакета мер политических и военных по повышению сдерживания России» («Per questo, si prevede da vertice un nuovo pacchetto di politiche e misure militari volte a innalzare la deterrenza»). «*Deterrenza*» – характерный давний западный эвфемизм, который свою агрессивную политику по отношению к России именует «сдерживанием».

При лексико-грамматическом и синтаксическом анализе популярных новостных итальянских СМИ Internazionale.it и Formiche.net было отмечено, что итальянский медиадискурс изобилует оценочными суждениями при освещении новостей из России. Особенно яркой представляется оценка для создания образа России-агрессора при описании внешнеполитического курса Российской Федерации, что становится возможным за счёт всё более утончённой конкурентной борьбы за потребителя информационных услуг в контексте современного медиaprостранства.

Между оценкой и семантикой предметного описания нельзя постулировать абсолютную логическую выводимость оценочно смысловой характеристики из семантики предметного описания. Оценка нередко оказывается неадекватной объекту описания, что мы наблюдаем в различных манипулятивных стратегиях в прессе. Манипулятор навязывает такого рода оценку аудитории, оценка становится основанием фактических искажений, придумывания несуществующих фактов. Ложная манипулятивная оценка должна быть оправдана перед аудиторией, и это оправдание осуществляется в форме поиска и предъявления ложных фактов, событий. Ложные оценочные инвективы и инсинуации нередко характерны для западной и, в частности, итальянской прессы при описании событий, относящихся к России.

© Погорецкая О.А., 2020

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 344 с.
2. Иванов Н.В. О началах феноменологической парадигмы в языкознании. // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Вып. №5. Т.1. «Язык. Коммуникация. Перевод». Материалы XIV Межд. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. Москва. ВУ (26 июня 2020 г.). М.: Изд. «Наука», 2020. С. 53-63.
3. Чернявская Е.В. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2006. 136 с.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Гнозис, 2004. 328 с.
5. Cohen B. *The Press and Foreign Policy*. Princeton, 1963. 288 p. 5.
6. Lippmann W. *Public Opinion*. New York: Harcourt, Brace & Co., 1922. 242p.
7. McCombs M., Shaw D.L., Weaver D. *Communication and Democracy: Exploring the Intellectual Frontiers in Agenda-Setting Theory*. Routledge, New York and London, 1997. Chapter 14 - Setting the Agenda for Cross-National Research: Bringing Values Into the Concept - Holli A. Semetko and Andreina Mandelli. 288 p.
8. Информационный портал Formiche.net (Италия) - 05.05.2018, 07.09.2019, 03.03.2020.
9. Издание Internazionale (Италия) - 20.07.2018, 17.12.2019, 05.02.2020.
10. Официальный сайт журналистской премии Il Premiolo (Италия) - 10.09.2020.
11. Официальный инстаграм-профиль Маттео Сальвини - 15.04.2020.

References

1. Arutiunova, N.D. *Tipy iazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of language values. Evaluation. Event. Fact] Moscow: Nauka, 1988. 344 c.
2. Ivanov, N.V. O nachalakh fenomenologicheskoi paradigmy v iazykoznanii [On the Beginning of a Phenomenological Paradigm in Linguistics] // *Voенно-gumanitarny almanakh. Seriya Lingvistika. Vyp. 5 Tom 1. "Iazyk. Kommunikatsiia. Perevod."* [Military Humanities Almanac. Series «Linguistics». Issue No. 5. T.1. «Language. Communication. Translation». Materials of the XIV International scientific conference on topical problems of the theory of language and communication]. Moscow. VU (June 26, 2020). Moscow: «Science» Publishing House, 2020. C. 53-63.
3. Chernyavskaya, E.V. *Diskurs vlasti i vlast diskursa: Problemy rechevogo vozdeystviia* [Power Discourse and Discourse Power: Problems of Speech Impact]. Moscow: Flint, 2006. 136 c.
4. Sheygal, E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Gnosis, 2004. 328 c.
5. Cohen, B. *The Press and Foreign Policy*. Princeton, 1963. 288 p. 5.
6. Lippmann, W. *Public Opinion*. New York: Harcourt, Brace & Co., 1922. 242 p.
7. McCombs, M. *Communication and Democracy: Exploring the Intellectual Frontiers in Agenda-Setting Theory*. (McCombs, M., Shaw, D.L., Weaver, D) Routledge, New York and London, Chapter 14 - Setting the Agenda for Cross-National Research: Bringing Values Into the Concept - Holli A. Semetko and Andreina Mandelli. 1997. 288 p.
8. Information portal Formiche.net (Italy) – 05.05.2018, 07.09.2019, 03.03.2020.
9. The edition of Internazionale (Italy) – 20.07.2018, 17.12.2019, 05.02.2020.
10. The official website of the Il Premiolo journalistic prize (Italy) – 10.09.2020.
11. Matteo Salvini's official installation profile – 15.04.2020.

Сведения об авторе:

Погорецкая Ольга Андреевна — преподаватель кафедры романских языков им. Т.З. Черданцевой МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: политическая лингвистика, речевое манипулирование, внешняя политика Италии.

E-mail: o.pogoretskaya@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Olga Pogoretskaya – Professor of Department of Romance Languages, MGIMO University (Moscow, Russia).
Spheres of research and professional interest: political linguistics, verbal manipulation, Italy's foreign policy.
E-mail: o.pogoretskaya@inno.mgimo.ru

Conflicts of interest: The author declares absence of conflicts of interest.

* * *

AXIOLOGICAL ASPECT OF CONFRONTATIONAL COMMUNICATIVE STRATEGIES IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

Yaroslav Y. Khlopotunov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
125, Prospect Lenina, Tula, 300026, Russia

Dmitry S. Khrumchenko

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The aim of this paper is to analyze how the axiological aspect of confrontational communicative strategies is realized in American political discourse. The problem of intensified conventional and destructive elements in American political speech requires thorough linguistic investigation as political discourse is becoming more subjective and negative. The evaluation category allows discourse participants to construct some hierarchy of objects based on the “good vs. bad” predicates. The author analyzes different types of evaluations and their realizations in confrontational strategies, e.g. instrumental, technical, conductive, utilitarian, medical, hedonic evaluations. The paper puts special focus on construction of evaluation act, which includes the subject of speech, the object of speech and the predicate. The subject of speech is expressed through personal pronouns, appeals to authority or majority. The object of speech can be specified directly (using, for example, proper nouns, familiar constructions and verbal labels) or indirectly (using deixis). The predicate is expressed through nouns, adjectives, modal and emotional verbs and infinitives. The negative evaluation comprises such typical means as modified personal pronouns, contextual metaphors, pun, indexical phrases etc., which are used for confrontational speech tactics of mockery, discrediting, exposing, prosecution, negative analysis and vulnerability.*

Key Words: *axiological aspect, communicative tactic, functional linguistics, political discourse, evaluation, confrontational strategy, speech elements, pragmalinguistics*

For citation: Khlopotunov Y.Y., Khrumchenko D.S. 2020. Axiological Aspect of Confrontational Communicative Strategies in American Political Discourse. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 65–74. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-65-74>

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ КОНФРОНТАЦИОННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Я.Ю. Хлопотунов

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
300026, Тула, проспект Ленина, 125

Д.С. Храмченко

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, проспект Вернадского, 76

Аннотация. Целью настоящей статьи является изучение реализации аксиологического аспекта в конфронтационных коммуникативных стратегиях американского политического дискурса. Актуальность исследования обусловлена интенсификацией конвенционально-деструктивных элементов в американской политической риторике, следствием чего является преобладание в политической речи субъективно-отрицательной модальности. В свою очередь, категория оценки позволяет коммуникантам выстроить некую предметную иерархию через признак «хорошо/плохо». Автор анализирует различные виды оценок, к которым можно отнести инструментальные оценки, технические оценки, оценки благоприятствования, утилитарные оценки, медицинские оценки, гедонистические оценки, и особенности их реализации в конфронтационных стратегиях. В настоящей статье рассмотрена структура оценочного акта, включающая в себя субъект высказывания, объект высказывания и оценочное основание (предикат). Субъект высказывания чаще всего выражается с помощью личных местоимений, обращений к авторитету или большинству. Объект высказывания может указываться напрямую (например, с помощью имён собственных, фамильярных конструкций, словесных ярлыков) или косвенно (с помощью дейктических конструкций). Оценочное основание выражается через составные именные и глагольные конструкции. Отрицательная оценка включает в себя ряд речевых средств (видоизменённые имена собственные, контекстные метафоры, речевой каламбур, индексальные фразы и др.), с помощью которых реализуются такие речевые тактики конфронтации, как издёвка, дискредитация, обличение, обвинение, отрицательный анализ, уязвление.

Ключевые слова: аксиологический аспект, коммуникативная тактика, функциональная лингвистика, политический дискурс, оценка, конфронтационная стратегия, речевые средства, прагмалингвистика

Для цитирования: Хлопотунов Я.Ю., Храмченко Д.С. 2020. Аксиологический аспект реализации конфронтационных коммуникативных стратегий в американском политическом дискурсе. *Филологические науки в МГИМО*. Том 6. № 4(24). С. 65–74. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-65-74>

1. ВВЕДЕНИЕ

Американский политический дискурс является национально-институциональным подвигом политического дискурса и может быть охарактеризован с помощью таких лингвистических и экстралингвистических признаков, как диалогичность, ситуативность, декларативность, агональность, персуазивность, утверждающий и побуждающий характер [9; 3; 5]. Сегодня мы можем наблюдать трансформацию американской политической риторики, которая выражается в преобладании деструктивных элементов, постепенном разрушении конвенциональных норм и установке коммуникантов на конфликт [7]. Это связано прежде всего с внешними по отношению к дискурсу факторами: столкновением разных политических, социально-гендерных, религиозных, расово-этнических взглядов жителей страны. На обострение ситуации работает и избрание на должность президента США Дональда Трампа, чьё речевое поведение отличается особой экстравагантностью, экспрессивностью и несвойственной для американского дискурса нетолерантностью.

Под коммуникативной стратегией можно понимать определённую совокупность речевых действий (тактик), используемых субъектом речи для реализации некоторых интенциональных действий (целей) в зависимости от сложившихся коммуникативных ситуаций [4]. Выбор стратегии обусловлен коммуникативными намерениями адресанта (имплицитно или эксплицитно выраженными в речи), его ориентацией на определённое взаимодействие с адресатами [8]. Конфронтационные стратегии коррелируют с авторитарной моделью вербальной интеракции, установками коммуниканта на лидерство, его эгоцентризмом, желанием построить вокруг себя иерархию социальных отношений.

В конфликтной ситуации одной из задач коммуниканта является выражение с помощью языковых средств собственного негативного отношения к происходящему. Модальность в политическом дискурсе реализуется через такую лингвистическую категорию, как оценка. Под ней следует понимать семантический элемент языковой единицы различного уровня, способный участвовать в построении данной единицы как в качестве макрокомпонента (указывать на свойства и признаки предмета), так и микрокомпонента (семы) [6]. Соответственно, оценка может заключаться как в ядерной семе (например, в качественных прилагательных – *good, bad, evil* и т.п.), так и в периферийной (например, в отрицательных номинациях – *clown, maniac, dictator*).

Аксиологический (оценочный) аспект высказывания подразумевает дифференциацию окружающей действительности с точки зрения его ценностного характера. По мнению Е. М. Вольф, «оценка может даваться по самым разным признакам («истинность/неистинность», «важность/неважность» и т. п.), однако основная сфера значений, которые обычно относятся к оценочным, связана с признаком “хорошо/плохо”. Именно этот вид оценки предполагает высказывания о ценностях. В логических теориях оценок под аксиологическим (оценочным) оператором понимается оператор “хорошо/плохо” [2]. Таким образом, аксиологический аспект позволяет выстроить дихотомическую модель действительности, в которой классы предметов будут делиться по принципу субъективной модальности (хорошие/плохие, свои/чужие, правильные/неправильные и т.п.).

Целью исследования является изучение аксиологического аспекта в конфронтационных коммуникативных стратегиях американского политического дискурса на основе функционально-прагматического подхода. В соответствии с поставленной целью в статье решаются следующие задачи:

- на материале политических речей американских деятелей выделяются главные способы выражения негативной оценки в американском политическом дискурсе;
- выделяются основные виды оценок и особенности их реализации в американской политической риторике;
- подробно рассматривается структура оценочного акта в конфронтационных коммуникативных стратегиях.

2. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье рассматриваются функционально-прагматические особенности формирования отрицательной оценки в конфронтационных коммуникативных стратегиях американского политического дискурса. Анализ языковых способов реализации аксиологического компонента в институциональном дискурсе позволяет выявить интенциональные и морально-ценностные установки коммуниканта, а также уточнить ряд коммуникативных средств, являющихся важным инструментарием конфликтных речевых тактик.

Эмпирическим материалом исследования являются выступления известных американских политиков, а также их сообщения в социальных сетях. В результате функционально-прагматического анализа были установлены основные лингвистические/риторические способы формирования отрицательной оценки в американском политическом дискурсе.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основываясь на концепции Г. Х. фон Вригта, Н. Д. Арутюнова выделяет 6 видов оценок в речевых актах: 1) инструментальные оценки; 2) технические оценки (оценки мастерства); 3) оценки благоприятствования; 4) утилитарные оценки; 5) медицинские оценки; 6) гедонистические оценки [1].

Инструментальные и технические оценки подчёркивают функциональное значение объектов и основаны на оппозиции «хороший/плохой». В ситуации конфликта адресант использует данные виды оценки, чтобы подчеркнуть некомпетентность своего оппонента, бесполезность его действий и решений:

(1) *Our president must embody respect and adhere to the values that are at the core of this country. The most important being truth. This president is **not able to do that**. He is **morally unfit to be president**.* (James Comey, ABC News, 15.04.2018.) /Наш президент должен вызывать уважение и придерживаться ценностей, составляющих основу нашей страны. Особенно важно, чтобы он был честным. Этот президент не способен на такое. Он морально не готов быть президентом (здесь и далее перевод наш)/.

(2) *It's my great honor to announce that we have successfully completed negotiations on a brand new deal to terminate and replace NAFTA. I have long contended that NAFTA was perhaps **the worst trade deal ever made**.* (Donald J. Trump, CNN, 01.10.2018.)/ Это большая честь для меня сообщить, что мы успешно завершили переговоры по совершенно новой сделке, которая должна ликвидировать и заменить НАФТА. Я достаточно давно утверждаю, что НАФТА, вероятно, худшее торговое соглашение в нашей истории./

Оценки благоприятствования и утилитарные оценки основаны на антонимии «полезное-бесполезное (вредное)» и используются в ситуации конфликта для того, чтобы подчеркнуть степень вреда, причинённого действиями оппонента адресанта:

(1) *I think you will only see more of these attacks on our institutions, on our norms, on the rule of law that **could do lasting damage**.* (Hillary Clinton, CNN, 18.09.2018.)/ Я думаю, вы станете свидетелями усиления подобных атак на наши институты, на наши нормы, на принцип главенства закона, и эти нападки могут нанести серьёзный ущерб./

(2) *"The best thing she could do is disappear," said one former Clinton fundraiser and surrogate who played an active role at the convention. "She's **doing harm to all of us** because of her own selfishness. Honestly, I wish she'd just shut the f-- up and go away."* (Jonathan Easley, The Hill, 07.09.2017.)/ «Лучшее из того, что она могла бы сделать, – это исчезнуть», – сказал один из бывших спонсоров Клинтон, сыгравший важную роль на съезде партии. – «Она нанесла огромный вред всем нам из-за своего эгоизма. Честно, я желаю, чтобы она заткнулась и свалила»./

(3) *We need a campaign, an election coming up which does not have two candidates who are really very, very strongly disliked. I don't want to see the American people voting **for the lesser of two evils**.* (Bernie Sanders, This Week With George Stephanopoulos, 22.05.2016.)/ Нам нужна такая кампания, чтобы на грядущих выборах люди не выбирали бы из тех двух кандидатов, которые им очень сильно не нравятся. Я не хочу видеть, как американцы выбирают меньшее из двух зол./

Медицинская оценка характеризует физические органы и психические способности объекта высказывания:

(1) *You're not "presidential" at all, period. You're **mentally unwell**. You engage in **bizarre, irrational, self-defeating behavior**, which prompts criticism of you, which triggers **more bizarre, irrational, self-defeating behavior**. You would have been fired from any other job by now.* (George Conway, Twitter, 09.06.2019.)/ Вы ведёте себя совсем не по-президентски, и точка. Вы психически нездоровы. Вы ведёте себя странно, иррационально, саморазрушительно, за что вас и критикуют, и эта критика заставляет вас вести себя ещё более странно, иррационально, саморазрушительно. С любой другой работы вас давно бы уже уволили./

(2) *Is Donald Trump **mentally fit** to be president of the United States? It's an understandable question, and it's also beside the point.* (The Editorial Board of The New York Times, 10.01.2018.) /Здоров ли До-

нальд Трамп психически, чтобы быть президентом США? Это вполне резонный вопрос, который вместе с тем к делу не относится./

В свою очередь, гедонистическая оценка подчёркивает ощущения, вызванные действиями объекта высказывания:

(1) *What a stupid question that is. What a stupid question. But I watch you a lot. You ask a lot of stupid questions.* (Donald J. Trump, The Washington Post, 09.11.2018.)/ Что за глупый вопрос! Что за глупый вопрос! Но я много наблюдал за вами. Вы задаёте много глупых вопросов./

(2) *We have 17, 17 intelligence agencies, civilian and military, who have all concluded that these espionage attacks, these cyber attacks come from the highest levels of the Kremlin and they are designed to influence our election. I find that deeply disturbing.* (Hillary Clinton, Presidential Debate at the University of Nevada in Las Vegas, 19.10.2016.) / У нас 17 – 17! – разведывательных служб, гражданских и военных, которые пришли к выводу, что эти шпионские атаки, эти кибератаки, санкционированы на самом высоком уровне в Кремле, и они были проведены для того, чтобы повлиять на результат наших выборов. На мой взгляд, это вызывает глубокую обеспокоенность./

Оценочный речевой акт представляет собой упорядоченную структуру, в которую входят субъект высказывания, объект высказывания и оценочное основание (предикат). Субъектом оценки в политическом дискурсе может являться как конкретный политик, так и социальная группа (например, избиратели или общественное движение). Объектом оценки является определённый фрагмент действительности: отношение к определённому человеку, проблеме, политическому институту и т.д. В качестве оценочного предиката можно выделить языковые средства, выражающие отношение субъекта высказывания к объекту в предложении. Рассмотрим данное взаимодействие на примере:

I don't like him. I don't know much about him, but I know he's a blowhard. And I'm not too excited about him being a leader. (George Bush, The New York Times, 04.11.2017.) / Я не люблю его. Я многого о нём не знаю, но могу точно сказать, что он балабол. И я не очень-то рад тому, что он теперь лидер страны./

В данном речевом фрагменте коммуникант репрезентует себя с помощью местоимения *I*, подчёркивая тем самым субъективность своего мнения. Объект, в свою очередь, выражен дейктической конструкции *he/him*, которая позволяет создать дистанцию между субъектом высказывания и объектом. Оценочным предикатом в данном высказывании служит сочетание служебных глаголов и прилагательных или причастий (*he's a blowhard // I'm not too excited about him being a leader*), а также отрицательная конструкция с модально-оценочным прагматическим значением (*I don't like him*).

В тех ситуациях, когда коммуниканту важно подчеркнуть беспристрастность своего мнения, субъект выражается через обращение к авторитету (политическим экспертам, учёным и т.п.) или к большинству (социальным группам, избирателям, населению и т.п.):

(1) *Attempting to define reality is a core feature of authoritarianism. (...) This trend didn't start with Trump. Al Gore wrote a book called "The Assault on Reason" in 2007. In 2005, Stephen Colbert coined the word "truthiness", inspired by how Fox News was turning politics into an evidence-free zone of seething resentments. And the Republican politicians whom Fox propelled to power had done their part, too. Republican strategist Karl Rove famously dismissed critics who lived in "the reality-based community" – words intended as a slight – saying they failed to grasp that "we're an empire now, and when we act, we create our own reality."* [10, с. 9] / Подстраивание реальности под себя – главная черта авторитарного режима. (...) Этот тренд начался не с Трампа. Альберт Гор написал книгу под названием «Атака на разум» в 2007 году. В 2005-м Стивен Колберт изобрёл слово «правдость», вдохновляясь тем, как Fox News перешёл к свободной от доказательств политике бурного негодования. И республиканские политики, которых FOX привёл к власти, тоже сыграли в этом свою роль. Республиканский советник Карл Роув прославился тем, что отбивался от критиков, живущих, по его словам, в «основанном на реальности сообществе» (и это ещё мягко выражаясь), обвиняя их в неспособности понять главное: «Мы теперь империя, и наши действия позволяют создать собственную реальность»./

(2) *Does **America** want kind of a jerk as president?* (Stephen Colbert, *The Late Show*, 31.03.2018.) / Заслуживает ли Америка такого придурка в качестве президента? /

(3) *Today is **a good day for Putin and the oligarchs in Russia. It is a bad day for people in the United States and all over the world** who believe in democracy and who are trying to understand what world **our idiot president** lives in.* (Bernie Sanders, Twitter, 18.07.2018.) / Сегодня удачный день для Путина и российских олигархов. Но это плохой день для жителей США и для всех тех, кто верит в демократию и пытается осознать, в каком же мире живёт наш идиотский президент. /

(4) ***Everyone says he is crazy** – which maybe he is – but the scarier thing about him is that he is stupid.* (Fran Lebowitz, *The Guardian*, 19.03.2018.) / Все говорят, что он сумасшедший, и это может быть правдой, но, что ещё страшнее, он тупой. /

(5) ***NYC HATES HIM!*** (Donald J. Trump, Twitter, 16.03.2019.) / НЬЮ-ЙОРК НЕНАВИДИТ ЕГО! /

(6) *And the beautiful thing is, **women don't like her.*** (Donald J. Trump, *The Washington Post*, 27.04.2016.) / И самое прекрасное в том, что женщины не любят её. /

Также для обозначения субъекта в оценочной речи коммуникант может использовать местоимение *we*, позволяющее ему обозначить себя как часть некоего социума, населения:

(1) ***We need strong borders.*** (Donald J. Trump, Presidential Debate at the University of Nevada in Las Vegas, 19.10.2016.) / Наша страна нуждается в крепких границах. /

(2) ***We will stand up against mean and divisive rhetoric wherever it comes from.*** (Hillary Clinton, Speech At The Democratic National Convention, 28.07.2016.) / Мы будем давать отпор этой гнусной и разъединяющей риторике, из чьих бы уст она ни шла. /

Объект может выражаться в речи политиков как напрямую, так и косвенно. Напрямую объект обозначается в тех случаях, когда задачей коммуниканта является уязвление противника или дискредитация его имени:

(1) *His predecessor, **Rex Tillerson**, didn't have the mental capacity needed. He was **dumb as a rock** and I couldn't get rid of him fast enough. He was **lazy as hell.** Now it is a whole new ballgame, great spirit at State!* (Donald J. Trump, Twitter, 7.12.2018.) / Его предшественник Рекс Тиллерсон не обладал должными умственными способностями. Он был туп как пробка, и я достаточно долго не мог избавиться от него. Он был чертовски ленив. Но теперь с Госсекретарем совсем другое дело, на посту действительно выдающийся человек! /

(2) ***Granted, Donald Trump caused this, because he's an idiot.*** (Sam Nurnberg, CNN, 05.03.2018.) / Вообще, Дональд Трамп причина этому, потому что он идиот. /

Интенсивно используются в американском политическом дискурсе фамильярные формы обращения, выраженные с помощью видоизменённых имён и фамилий, различных прозвищ, а также контекстных метафор. Как правило, такие обращения содержат имплицитную оценку говорящего:

(1) ***Look at 'Tricky Dick' Nixon's Republican Record.*** (Manchester Boddy, *Newsday*, 13.03.2019.) / Посмотрите на послушной список республиканца «Хитреца Дика» Никсона. /

(2) *[Laughter] Who knows? I got Buttigieg. I got 'em all. I got **Beto. Beto. Beto** is falling fast. What the hell happened? Remember, about four weeks ago, he said, «I was made for this.» He was made for it. He was made to fall like a rock. [Laughter] What happened to him? But he's trying to restart his campaign.* (Donald J. Trump, Remarks on Energy in Louisiana, 14.05.2019.) / (Смех.) Как знать. Я сделал Буттиджича. Я уделал их всех. Я уделал Бето. Бето. Рейтинги Бето летят вниз. Что, чёрт возьми, случилось? Вспомните, как где-то 4 недели назад он сказал: «Я был создан для этого». Он был создан для этого. Он был создан для того, чтобы упасть камнем вниз. (Смех.) Что с ним случилось? Но сейчас он пытается перезапустить свою кампанию. /

В высказывании (1) для выражения имплицитной оценки Ричарда Никсона используется речевой каламбур *Tricky Dick*, указывающий на нечестные политические приёмы объекта уничижения.

В высказывании (2) Дональд Трамп несколько раз называет своего оппонента по выборам – конгрессмена Бето О'Рурка – исключительно по имени, что является нехарактерным для поли-

тического дискурса, где традиционным способом наименования политиков является сочетание должности и фамилии объекта высказывания (*Secretary Clinton, President Trump, Senator McCain*). Соответственно, Трамп намеренно пренебрегает речевым этикетом, чтобы имплицитно выразить фамильярное отношение к сопернику, отсутствие к нему уважения. Использование повтора конструкции *he was made for* и сравнения *like a rock*, в свою очередь, позволяет принизить интеллектуальные способности объекта высказывания, репрезентовать его как заранее проигравшего кандидата.

Объект высказывания может напрямую и не указываться в тех случаях, когда адресант хочет сохранить дипломатические отношения со своим противником или избежать его ответной реакции. В таких ситуациях объект выражается с помощью дейктических или обобщающих коннотативных конструкций:

(1) *All who live in tyranny and hopelessness can know: the United States will not ignore your oppression, or excuse **your oppressors**.* (George W. Bush, Inauguration Speech, 20.01.2005.) / Все, кто правят с помощью тирании и подавления свобод, должны знать: США не будут игнорировать ваши репрессии или находить им оправдания. /

(2) *There appears to be a growing contest between authoritarianism and liberalism right now. Given the difficulty in forging true democracy in the face of these pressures, it's no surprise that **some argue** the future favours **the strongman, a top-down model**, rather than strong, democratic institutions.* (Barack Obama, The Guardian, 20.09.2016.) / По-видимому, сейчас растёт конкуренция между авторитаризмом и либерализмом. Учитывая трудности, связанные с построением настоящей демократии в условиях такого давления, неудивительно, что кто-то выступает за силовую, перевёрнутую с ног на голову модель управления, нежели за сильные демократические институты. /

В качестве оценочного предиката мы рассматриваем синтаксические конструкции, в которых оценочные слова имеют валентность по отношению к вложенным предикациям. Наиболее частотны в американском политическом дискурсе оценочные предикаты, выраженные сочетанием вспомогательного глагола и именной группы слов (именем существительным или прилагательным):

(1) *Is Mr. Trump **Nuts**?* (The Editorial Board of The New York Times, 10.01.2018.) / Мистер Трамп больной? /

(2) *Trump's Saturday tweets **are the work of a lunatic**.* (Stephen King, Twitter, 19.02.2018.) / Воскресные твиты Трампа написаны психически нездоровым человеком. /

(3) *Trump's criticism of McRaven and McCain, his spurious draft exemption, and his failure to visit even one of the "hot zones" where he continues to put American lives at risk – all these things point to a central fact: **he's a chickenshit**.* (Stephen King, Twitter, 20.11.2018.) / Критика Трампа в отношении Макрейвена и Маккейна, его ложный отказ от призыва в армию и нежелание даже посещать одну из самых «горячих точек», в которой он продолжает подвергать риску жизни американцев, – всё это говорит об одном: он трусливое дерьмо. /

(4) *This **is not normal**. These **are extraordinary times**, and they **are dangerous times**.* (Barack Obama, The Washington Post, 07.09.2018.) / Это не нормально. Это очень необычные времена, и эти времена очень опасны. /

Также отрицательная оценка может выражаться через сочетание глаголов, выражающих эмоциональное состояние и/или желание, с инфинитивом, придаточной частью, существительным или местоимением в косвенной форме:

(1) *And **I hate to say** it, but if I win, I am going to instruct my Attorney General to get a special prosecutor to look into your situation, because there has never been so many lies, so much deception, there has never been anything like it and we're gonna have a special prosecutor.* (Donald J. Trump, Presidential Debate at Washington University in St. Louis, Missouri, 09.10.2016.) / Мне неприятно это говорить, но если я выиграю, то я дам команду генеральному прокурору отрядить специального обвинителя для того, чтобы он провёл в отношении вас следствие, потому что ни с кем другим не было так много лжи, так много обмана, никогда не было ничего подобного, и именно поэтому нам необходим специальный обвинитель. /

(2) *I'm a governor of state and I don't like it when the federal government tells us what to do. I believe in local control of schools.* (George W. Bush, The Third Gore-Bush Presidential Debate, 17.10.2000.) / Я губернатор штата, и я не люблю, когда федеральное правительство говорит нам, что делать. Я верю в региональный контроль за школами. /

(3) *Sometimes they don't like the decisions made by America, but I don't think you want a president who tries to become popular and does the wrong thing.* (George W. Bush, The Second Bush-Kerry Presidential Debate, 08.10.2004.) / Иногда они не любят решения, которые принимает Америка, но я не думаю, что вы хотите президента, который пытается завоевать популярность и совершает вместе с этим неправильные поступки. /

(4) *We've got to stop sending \$700 billion a year to countries that don't want us very – like us very much.* (John McCain, The Second McCain-Obama Presidential Debate, 07.10.2008.) / Мы должны перестать отправлять 700 миллиардов долларов в год странам, которые не очень-то хотят сотрудничества с нами, недолюбливают нас. /

Кроме того, в качестве способа выражения отрицательной оценки также могут использоваться слова и словосочетания, характерные для других видов дискурса. Так, в американской политике интенсивно используются словесные ярлыки из тоталитарного дискурса (1-2), поскольку тоталитарные режимы часто противопоставляются демократическому режиму США, а также из дискурса Холодной войны (3-5) и бизнес-дискурса (6-7):

(1) *The Fake News Media, the true Enemy of the People, must stop the open & obvious hostility & report the news accurately & fairly.* (Donald J. Trump, Twitter, 29.10.2018.) / Средства массовой информации, распространяющие фейки, настоящие враги народа, должны прекратить открытую и очевидную вражду и сообщать новости точно и честно. /

(2) *While calling President Trump a fascist may seem like an exaggeration, it might not be that far from the truth. Should we be worried?* (Jason Stanley, The New York Times, 15.10.2018.) / Когда Трампа называют фашистом, это может показаться преувеличением, но на самом деле это может оказаться и близким к правде. Должны ли мы беспокоиться? /

(3) *Russia has an agent in the White House. His name is Donald Trump.* (Adam Parkhomenko, Twitter, 12.11.2017.) / Россия имеет своего агента в Белом Доме. Его имя Дональд Трамп. /

(4) *The president has embraced McCarthy-era scare tactics. We may need a constitutional amendment to guarantee that citizenship can't be revoked.* (John Ganz, The New York Times, 23.08.2018.) / Президент взял на вооружение тактики запугивания эпохи Маккарти. Нам может понадобиться поправка в конституции, гарантирующая, что гражданство нельзя будет аннулировать. /

(5) *This is the single greatest witch hunt of a politician in American history!* (Donald J. Trump, Twitter, 18.05.2017.) / Это величайшая в американской истории охота на ведьм в отношении одного единственного политика. /

(6) *I have long contended that NAFTA was perhaps the worst trade deal ever made. Since NAFTA's adoption, the United States racked up trade deficits totaling more than \$2 trillion – and it's a much higher number than that – with Canada and Mexico. It lost vast amounts of money, and lost 4.1 million manufacturing jobs, and 1 in 4 auto jobs. Lost about 25 percent of our auto jobs – even more than that.* (Donald J. Trump, Remarks by President Trump on the United States-Mexico-Canada Agreement, 01.10.2018.) / Я уже давно утверждаю, что НАФТА, вероятно, худшее торговое соглашение в нашей истории. Со времён принятия НАФТА США увеличили свой торговый дефицит более чем на 2 триллиона долларов, а с учётом Канады и Мексики эта цифра гораздо выше. Это потеря огромного количества денег, потеря 4,1 миллиона производственных рабочих мест и каждого четвёртого рабочего места в автомобильной промышленности. Потеря 25 процентов наших рабочих мест в автомобильной промышленности, если не больше. /

(7) *NATO countries must pay MORE, the United States must pay LESS. Very Unfair!* (Donald J. Trump, Twitter, 10.07.2018.) / Страны НАТО должны делать членские взносы БОЛЬШЕ, США должны платить МЕНЬШЕ. Очень Несправедливо! /

Ярлыки *the true Enemy of the People* и *a fascist* отсылают к тоталитарному режиму и позволяют подчеркнуть враждебность и чужеродность объектов высказывания. Их использование ха-

рактально для тактик дискредитации, обличения и обвинения. Номинации *an agent, McCarthy-era scare tactics* и *witch hunt* являются индексальными, то есть характерными для определённого исторического периода – эпохи маккартизма, сопровождавшейся поиском врагов внутри Америки. Их использование в другом контексте позволяет коммуниканту апеллировать к прошлому своей страны, имплицитно сопоставляя современные реалии и исторические факты. Экономические термины (*a trade deal, trade deficits*) и бизнес-риторика (*must pay MORE/must pay LESS, lost vast amounts of money*) в высказываниях (6-7) характерны для политического дискурса капиталистических стран и позволяют коммуниканту репрезентовать государство как некую большую корпорацию, в которую вкладывается население страны с целью получения дивидендов (социальных выплат, пенсий и т.п.). Соответственно, критика оппонентов с данных позиций даёт возможность адресанту реализовать тактику отрицательного анализа действий своих соперников, заключивших невыгодные сделки для экономического положения жителей США (*lost 4.1 million manufacturing jobs; lost about 25 percent of our auto jobs; very unfair*).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, отрицательная оценка в американском политическом дискурсе формируется с помощью различных эксплицитных и имплицитных речевых средств, репрезентирующих негативное отношение субъекта высказывания к объекту. Использование аксиологической модели действительности в конфронтационных коммуникативных стратегиях позволяет выразить субъективную модальность, передать чувства коммуниканта, а также негативно воздействовать на объект высказывания, дискредитируя и унижая его. Оценочные предикаты, составляющие инструментарий тактических способов реализации конфронтационных коммуникативных стратегий в американском политическом дискурсе, представляют особый интерес и заслуживают более подробного анализа.

© Хлопотунов Я.Ю., Храмченко Д.С., 2020

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. 339 с.
2. Вольф Е.М. Субъектная модальность и пропозиция // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М.: Наука, 1987. С. 35-37.
3. Забело Т.В. Лингвистическая специфика политического дискурса // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: Материалы международной научной конференции 17-18 ноября 2011. М.: ИПК МГЛУ Рема, 2011. С. 111-112.
4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. Омск.: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. 284 с.
5. Левенкова Е.Р. Контрастивный анализ национально-специфических концептов в институциональном политическом дискурсе Великобритании и США // Вестник ЧелГУ. 2010. №32. С. 62-70.
6. Минина М.А. Психолингвистический анализ семантики оценки. Автореф. дис...канд.филол.наук / М.А. Минина. М., 1995. 15 с.
7. Хлопотунов Я.Ю. Насмешка как тактика деструктивной речевой коммуникации в американском политическом дискурсе. Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. Т. 1. № 2. С. 60-70.
8. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В.Е. Чернявская. М.: Флинта: Наука, 2006. 134 с.
9. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. Волгоград: Перемена, 2000. 386 с.
10. Clinton, H. R. (2017). What Happened. Simon & Schuster, 512 p.

References

1. Arutiunova, N.D. *Tipy iazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt* [The types of English meanings. Evaluation. Events. Fact]. M.: Nauka, 1988. 339 s.
2. Vol'f, E.M. Sub'ektnaia modal'nost' i propozitsiia // *Propozitsional'nye predikaty v logicheskom i lingvisticheskom aspekte* [Subjective modality and proposition. Propositional predicates in logical and linguistic aspect]. M.: Nauka, 1987. S. 35-37.

3. Zabelo, T.V. Lingvisticheskaia spetsifika politicheskogo diskursa // Diskurs kak sotsial'naia deiatel'nost': priority i perspektivy: *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 17-18 noiabria 2011* [Linguistic specificity of political discourse. Discourse as social activity: priorities and perspectives: *Proceedings of the international scientific conference 17-18 November 2011*]. M.: IPK MGLU Rema, 2011. S. 111-112.
4. Issers, O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi*. [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Omsk.: Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 1999. 284 s.
5. Levenkova, E.R. Kontrastivnyy analiz natsional'no-spetsificheskikh kontseptov v institutsional'nom politicheskom diskurse Velikobritanii i SSHA [Contrastive analyze of national and specificity concepts in institutional political discourse of Great Britain and USA] // *Vestnik CHelGU*. 2010. №32. S. 62-70.
6. Minina, M.A. *Psikholingvisticheskii analiz semantiki otsenki*. Avtoref. dis...kand.filol.nauk [Psycholinguistic analysis of evaluative semantics]. M., 1995. 15 s.
7. Khlopotunov, Ya.Yu. *Nasmeshka kak taktika destruktivnoi rechevoi kommunikatsii v amerikanskom politicheskom diskurse. Diskurs professional'noi kommunikatsii* [Mockery as a tactic of destructive verbal communication in American political discourse]. 2019. T. 1. № 2. S. 60-70.
8. Cherniavskaia, V.E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviia* [Discourse of power and power of discourse: problems of verbal impact]. M.: Flinta: Nauka, 2006. 134 s.
9. Sheigal, E.I. [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena, 2000. 386 s.
10. Clinton, H. R. *What Happened*. Simon & Schuster, 2017. 512 p.

Сведения об авторах:

Хлопотунов Ярослав Юрьевич – аспирант кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Сфера научных и профессиональных интересов: функциональная лингвистика, прагматика, риторика.

E-mail: yktula17@gmail.com

Храмченко Дмитрий Сергеевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: функциональная лингвистика, прагматика, деловая и политическая риторика, лингвосинергетика.

E-mail: d.khramchenko@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

About the authors:

Khlopotunov Iaroslav Iur'evich – PhD student in philology of Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Department of foreign languages. Scientific interests: functional linguistic, pragmatic, rhetoric.

E-mail: yktula17@gmail.com

Khramchenko Dmitriy Sergeevitch – Doctor of Linguistics, professor, Department of the English language № 4, MGIMO University.

E-mail: d.khramchenko@inno.mgimo.ru

Conflicts of interest: The authors declare absences of conflicts of interest.

* * *

LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF COMPOSITES TRANSLATION FROM GERMAN INTO RUSSIAN

Irina S. Kashenkova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The article highlights some features of German newspaper texts and related difficulties in translating them into Russian. The topicality of this study is explained by various linguistic and extralinguistic factors. The newspaper text should provide information in an understandable and accessible language form. However, in an effort to produce a greater effect on the reader, as well as to accommodate the maximum amount of information in a compressed form, journalists resort to special techniques to influence the reader, which, in particular, include the use of composites. The main purpose of the article is to remove some of the difficulties of translating composites in the German newspaper text, caused by implicit evaluation or background information (Trümmerfrau, Teflonkanzlerin, N-Wort), which requires additional “decryption” of the overall semantic meaning of the composite. To this end, the article analyzes the specifics of the German newspaper text, establishes the most active types of composites in German newspaper texts. The increased number of complex nouns in German newspaper texts is specified on the principle of linguistic economy, which is intrinsic to German communicative style, and German word formation. Options for translating rather difficult composites into Russian are offered. Attention is drawn to the transfer of the cultural specifics of the original when using lexico-grammatical transformations to preserve the semantic load of the original and its adequate translation. It is concluded that it is necessary to take into account the cultural specifics of composites in the German newspaper text when translating them into Russian.*

Key Words: *newspaper text, translation, composites, difficult nouns, background knowledge, linguacultural equivalence, translation transformations*

For citation: Kashenkova I.S. 2020. Linguoculturological Aspect of Composites Translation from German Into Russian. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 75–81. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-75-81>

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА КОМПОЗИТОВ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

И.С. Кашенкова

Аннотация. В статье освещаются некоторые особенности немецких газетных текстов и связанные с ними трудности перевода на русский язык. Актуальность данного исследования обусловлена различными лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Газетный текст должен представлять информацию в понятной и доступной языковой форме. Однако, в стремлении произвести на читателя больший эффект, а также вместить максимальное количество информации в минимальное количество текста, журналисты прибегают к особым техникам воздействия на читателя, к которым, в частности, относится употребление композитов. Основная цель статьи – снять некоторые сложности перевода композитов в немецком газетном тексте, обусловленные наличием во многих из них «скрытой», оценочной или фоновой информации (*Trümmerfrau*, *Teflonkanzlerin*, *N-Wort*), требующей дополнительного «дешифрования» общего семантического смысла композита. С этой целью в статье анализируются специфика немецкого газетного текста, устанавливаются наиболее активно встречающиеся виды композитов в немецких газетных текстах. Объясняется фактор появления в немецких газетных текстах большого количества сложных существительных с точки зрения принципа языковой экономии, который является структурной спецификой немецкого коммуникативного стиля, а также с точки зрения немецкого словообразования. Предлагаются варианты перевода на русский язык достаточно непростых композитов. Обращается внимание на передачу культурной специфики оригинала при использовании лексико-грамматических трансформаций для сохранения смысловой нагрузки оригинала и его адекватного перевода. Делается вывод о необходимости учёта культурной специфики композитов в немецком газетном тексте при их переводе на русский язык.

Ключевые слова: газетный текст, перевод, композиты, сложные существительные, фоновые знания, лингвокультурная эквивалентность, переводческие трансформации

Для цитирования: И.С. Кашенкова 2020. Лингвокультурологический аспект перевода композитов с немецкого языка на русский. *Филологические науки в МГИМО*. Том 6. № 4(24). С. 75–81. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-75-81>

Современная практика перевода пользуется достижениями когнитивной и контрастивной лингвистики. Немецкие (К. Райс, К. Норд, П. Куссмауль) и отечественные (Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, В.С. Ефимов) специалисты в области перевода отмечают, что при переводе необходимо учитывать специфику восприятия действительности и «особенности выражения мысли на языке оригинала» [4, с. 9]. Данная национальная специфика проявляется, прежде всего, в газетном тексте, поскольку язык газеты отображает все изменения в обществе и реагирует на эти изменения фактором появления новых словообразовательных моделей.

Немецкий язык в общем и язык газеты в частности отличается явно выраженной языкотворческой особенностью. Будучи чрезвычайно гибким в плане словотворчества языком, в котором словообразование является основным способом словопроизводства, немецкий язык достаточно легко реагирует на влияние других иностранных языков или на современное состояние общества. Иностранные слова или заимствования, а также **неологизмы и окказионализмы** часто впервые появляются как раз в газетных текстах. Возникновение новых сфер жизни, форм досуга и трудовой деятельности, желание зафиксировать данные факты в языке заставляют функционировать старые слова в новых значениях или открывают дорогу для новых словообразований. Изобретательность немецкого языка газеты проявляется в том, что он не просто вводит в употребление новые слова, но преобразует их в смыслодержущие конструкции, вмещающие в себя одновременно несколько понятий: *die Terroristenszene*, *die Parteiopposition*, *das Bundeswehr-Engagement*, *der Parteileader*. М. Альтляйтнер считает, что причины для заимствований иностран-

ных слов кроются «не в каком-либо несоответствии или превосходстве языков, но в когнитивных способностях представителей этих языков, то есть, в том значении, которое они придают данным заимствованиям» (перевод мой – И.С. [9, S. 168]). Сложенные из нескольких слов, из нескольких языков, из нескольких языковых стилей **сложные слова** – феномен немецкого языка, активно присутствующий также в языке газеты. В газетных статьях встречаются составленные из двух (*Klimakonferenz, leistungsfähig*), трёх (*Klima- und Verkehrsexperten, Atomenergiebehörde*), четырёх (*US-Kongresswahlen-Ergebnisse, EU-Brexitchefunterhändler*), и даже пяти (*48-Volt-Diesel-Mild-Hybrid*) элементов слова, соединённых в одно целое и представляющих значительные трудности при их интерпретации и переводе. Трудности связаны не только с полным или частичным отсутствием данных слов в словарях, но и с пониманием лингвокультурологического контекста большинства словообразований.

Необходимо отметить, что на уровне частей речи в газетном тексте основное количество композитов составляют сложные существительные. Данную специфику можно объяснить, во-первых, тем, что существительные, в принципе, будучи «наиболее многочисленной и наиболее «частотной» частью речи» [6, с. 170] словарного состава любого языка, представляют собой основную массу современных заимствований: *Affäre, Balance, Chef, Engagement, Kabinett, Manöver, Statement*. Во-вторых, тем, что благодаря обширной семантике называть предметы и понятия, то есть субстантивироваться, в немецком языке могут все, в том числе и служебные части речи, а также целые инфинитивные группы и предложения: *der Amtierende, der Gegenüber, das Aussteigen, der Hurra-Patriotismus, das Inkrafttreten, das In-den-Tag-hinein-Leben, das Das-habe-ich-doch-gesagt*. И в-третьих, тем, что такой вариант словообразования может быть существенно длиннее остальных типов сложных слов и, следовательно, передавать большое количество информации при ограниченном объёме текста: *Frauenwahlrecht* (избирательное право, предоставляемое женщинам), *Geschlechtsoption* (возможность самостоятельного выбора пола), *Sonntagsnachmittagsspaziergang* (воскресная прогулка в послеобеденное время).

Последнее немаловажно для выявления другой особенности немецких газетных текстов, а именно стремления к **языковой экономии**. Этим понятием исследователи обозначают различные способы выражения мысли, направленные на «минимизацию языковой информации при необходимости её подачи» [5, с. 58]. По мнению В.Г. Кузнецова, языковая экономия заключается в «лаконичном выражении мысли, в использовании наиболее информативных языковых средств» [7, с. 122]. В газетных текстах данный принцип проявляется особенно ярко. Ведь компрессия когнитивной информации, или, другими словами, сжатие горизонтальной и вертикальной протяжённости языкового оформления текста, экономит не только время для ознакомления с текстом, но и площадь на странице издания в коммерческих целях. Заменяя композитами длинные цепочки слов, связанные друг с другом родительным падежом или различного рода придаточными предложениями, журналисты не только снимают общую сложность грамматического оформления немецкого предложения, но и добиваются повышенного уровня образности и экспрессивности: «*Flüchtlingsquoten, Abgasskandal und Scharia-Polizei*» (www.faz.net, 13.12.2017). При переводе такого рода композитов с целью предотвращения так называемого буквализма будет требоваться не только применение привычных переводческих лексико-грамматических и синтаксических трансформаций, но и поиск путей передачи «скрытой» информации с учётом лингвокультурологического контекста. Поэтому перевод вышеприведённой фразы может звучать следующим образом: «Распределение беженцев по квотам в ЕС, афера концерна Volkswagen и антиисламистский полицейский рейд в Германии».

Словарь Дуден определяет композиты как «морфологически стабильные сложные слова, состоящие из способных к словообразованию непосредственных составляющих» (перевод мой – И.С. [10, S. 114]). Х.Фатер выделяет следующие категориальные типы данных составляющих:

- 1) существительное + существительное;
- 2) прилагательное + существительное;
- 3) лагол + существительное;
- 4) предлог + существительное;

- 5) существительное + прилагательное;
- 6) прилагательное + прилагательное;
- 7) предлог + прилагательное;
- 8) существительное + глагол;
- 9) прилагательное + глагол;
- 10) глагол + глагол;
- 11) предлог + глагол (перевод мой – И.С. [12, S. 79]).

С помощью методов лингвистического наблюдения и анализа фактического материала нами установлено, что в немецком газетном тексте в основном встречаются композиты, образованные:

- трансформациями последовательностей существительных в родительном падеже, типа: *Flüchtlingsquote* (*Quote der Flüchtlinge*), *Wirtschaftswunder* (*Wunder der Wirtschaft*), *Staatssprache* (*Sprache des Staates*);
- трансформациями последовательностей существительного и именной группы с предлогом, типа: *Asylrecht* (*Recht auf Asyl*), *Wagenfahrt* (*Fahrt mit dem Wagen*), *Migrationsgipfel* (*Gipfel zur Migration*);
- трансформациями последовательностей склоняемой / несклоняемой формы прилагательного или причастия и существительного, типа: *Nationmentalität* (*nationale Mentalität*), *Industrieland* (*industrielles Land*), *Sonderbeauftragte* (*besondere Beauftragte*);
- трансформациями «чистой» и субстантивированной глагольной формы и существительного: *Lebewesen*, *Verschnaufpause*, *Fernsehsendung*;
- трансформациями последовательностей других частей речи (наречий, местоимений, числительных, междометий) и существительного: *Alleingang*, *Ja-Stimme*, *Null-Toleranz*, *Zweiergipfel*;
- трансформациями составных слов до спаянных словосочетаний с соединительным союзом, типа: *Ost- und Mitteleuropa*, *Industrie- und Schwellenländer*, *Bewerber- und Bewerberinnenquote*;
- трансформациями составных слов до начальных букв, частей слов или словосочетаний, типа акронимов: *Groko* (*Große Koalition*), *Bugra* (*Buch – und Graphikausstellung*), *PEGIDA* (*Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes*);
- трансформациями необычных конструкций: *O-Beine*, *Ex-Mann*, *Scheuklappendenken*, *Wirf-es-weg-Produktion*.

Следует отметить, что в последнее время всё чаще встречается написание композитов через дефис. Такое средство эмоциональной привлекательности, с одной стороны, способствует большей прозрачности слова, но, с другой стороны, приводит к потере продуктивности мышления: *Null-Bock-Generation* = поколение равнодушных, индифферентных людей, *Vogel-Strauß-Politik* = политика самоуспокоения, *Migranten-Karawane-Aufrüstung* = усиление военного присутствия (на границе с Мексикой), вызванное приближающимися караванами мигрантов. Использование дефиса, тем не менее, обусловлено стремлением обеспечить дополнительную лёгкость, большую ясность и наглядность восприятия, особенно если в составе композита:

- три или более составляющих: *Polizeistaat-Methoden* или *Polizei-Staatmethoden*, *Druck-Erzeugnisbilanz* или *Drucker-Zeugnisbilanz*, *Hochzeit-Aufregung* или *Hoch-Zeitaufregung*;
- цифры, иностранные слова или акронимы: *250-Kilogramm-Sprengstoff*, *NATO-Streitkräfte*, *PEGIDA – Team*;
- имя собственное в качестве первого компонента: *Adenauer-Regime*, *Gasa-Streifen*, *Harz-4-Reformen*, *Jamaika-Sondierungen*.

Употребление имён собственных в составе композитов в газетном тексте представляет собой уже достаточно чётко сложившуюся тенденцию последних лет: *Syrien-Konflikt*, *Kreml-Technologie*, *Berlusconi-Prozess*, *Lufthansa-Piloten*. В качестве причины этого масштабного явления немецкий исследователь Р. Глан называет «стремительное развитие новых технологий, постоянное возникновение новых социальных институтов, политических партий и необходимость осмысливать этот поток информации» (перевод мой – И.С. [11, S. 148]). В отношении перевода такого рода композитов, часто порождающих живую и своевременную реакцию на современное состояние общества, необходимо учитывать следующие моменты: во-первых, создание однозначной логической связи

между возникающим новым образом и описываемым фактом, явлением или объектом: *British Airways-Skandal* = скандал вокруг авиакомпании British Airways, пилоты которой выпивали непосредственно перед полётами, или *Russland-Affäre* = обвинения России во вмешательстве в выборы президента США. Во-вторых, тонкости отношения общественного мнения к описываемым явлениям: *Krim-Annexion* = аннексия Крыма (Путиным) (как негативный антироссийский штамп), = присоединение Крыма к Российской Федерации (как нейтральный вариант), = воссоединение Крыма с Россией (как пропагандистское клише).

С точки зрения когнитивной и контрастивной лингвистики соотношение «слово – смысл» имеет национально-культурную семантику, а в преломлении к переводу композитов приобретает ещё и глубинный смысл. Семантическое значение сложных слов не ограничивается только лексическим понятием. Вокруг каждого композита существует определённое количество дополнительных сведений и ассоциаций, которые Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров по аналогии с термином «фоновые знания» назвали «лексическим фоном» [2, с. 43]. Лексический фон, по мнению исследователей, присущ всем членам одной лингвокультуры и потенциально присутствует в сознании всей языковой общности людей. Когнитивный переводческий анализ оригинала позволяет наложить его лексический фон на другие культурные условия, определить его совпадения и расхождения и, выбрав определённые стратегии перевода, добиться так называемой **лингвокультурной эквивалентности**, то есть «восприятия перевода представителем иной культуры максимально приближенного к восприятию оригинала представителем культуры, для которого предназначен исходный текст» [3, с. 122]. Например, в электронном варианте газеты *Deutsche Welle* встречаем следующее описание нового на тот момент председателя социал-демократической партии Германии Андреа Налес: «*Nahles ist die Trümmerfrau, sie muss die Scherben aufheben.*» (dw.de, 03.11. 2018) Этот композит входит в группу слов сравнительно нового быта Германии и относится к так называемым экзотизмам – словам, «обозначающим специфические понятия данного этнического ареала» [1, с. 76]. Понятием *Trümmerfrau* немцы после второй мировой войны обозначали всех женщин, работающих на расчистке города от развалин в период нехватки мужской рабочей силы, первая часть композита, существительное *Trümmer*, переводится как «осколки, развалины, обломки». Героический труд этих женщин был запечатлён в стихах и памятниках, однако в последнее время в свете пересмотра истории некоторыми немецкими политиками считается, что труд немецких женщин был подчеркнут нарочито, с целью отвлечения внимания от национального комплекса вины, а само понятие на сегодняшний момент приобрело стилистическое значение иронии, пренебрежения, в целом пейоративной, то есть отрицательной, оценки. Данный композит можно было бы передать, как и большинство экзотизмов, с помощью межъязыковой транскрипции: Трюммерфрау. Однако в данном случае, для передачи ироничного отношения к новой главе партии, ещё никак себя не зарекомендовавшей, нам кажется более продуктивной конкретизация недифференцированного, непрозрачного понятия в информации оригинала через компенсационный перевод: «Андреа Налес – **лидер разваливающейся партии**, ей придётся разбирать партийные завалы после поражения партии на региональных выборах».

Переводческого комментария для аналогичного дополнительного раскрытия смысла слова требуют, на наш взгляд, такие композиты, как *Teflonkanzlerin* или *Flüchtlingskanzlerin*. Отдавая дань иронии как мощному средству создания и управления общественным мнением, немецкая пресса даёт меткие прозвища известным политикам, выражая таким образом отношение к определённым персонажам общественной и политической жизни, умело дискредитируя, высмеивая или одобряя их деятельность. Ещё совсем недавно канцлер Германии Ангела Меркель пользовалась безграничным доверием у граждан своей страны и обладала репутацией не поддающегося критике политика. Критика просто не приставала к ней, как к жироталкивающей поверхности тефлоновой посуды. Однако, после её уже ставшей исторической фразы: «*Wir schaffen das!*» («Мы справимся с этим!»), сказанной А. Меркель в отношении решения о разрешении въезда в страну большого количества мигрантов, ситуация резко поменялась. Теперь всё чаще, вслед за её главными оппонентами, в газетных текстах упоминается её новое прозвище, призванное постоянно напоминать обществу о самой главной ошибке политики Меркель, принёсшей, по мнению её оп-

понентов, много вреда не только партии Меркель, но и Германии в целом. С точки зрения данного лингвокультурологического контекста привычного соблюдения соотношения один к двум при переводе, при котором сложные слова немецкого языка переводятся обычно словосочетаниями из двух слов, типа *Reiseverbot* – запрет поездок, *Reisekosten* – транспортные расходы или *Migrationspolitik* – миграционная политика, на наш взгляд, будет недостаточно. В данном случае русскоязычному реципиенту важно будет «не просто зафиксировать основное имя денотата как базового элемента фрагмента сообщения, но и представлять его признаковые составляющие» [8, с. 66]. Поэтому в случае с аналогичными композитами представляется целесообразным применять комплексные трансформации, позволяющие полноценно воспроизвести коммуникативный замысел оригинала. Например, фразу «160 Tage vor der Parlamentswahl droht der Teflonkanzlerin Gefahr aus dem eigenen Lager.» (theeruropean.de, 15.04.2013) предлагается перевести следующим образом: «За 160 дней, оставшихся до выборов в парламент Германии, **«тефлоновому канцлеру», как прозвали Ангелу Меркель за её умение выходить сухой из воды**, угрожает опасность из рядов собственной партии». А фразу «Was bedeuten München, Würzburg, Reutlingen und Ansbach für Flüchtlingskanzlerin Angela Merkel?» (dw.de, 25.07.16) можно было бы перевести следующим образом: «Что значат происшествия, спровоцированные мигрантами в Мюнхене, Вюрцбурге, Ройтлингене или Ансбахе, для **канцлера, пригласившего в страну тысячи мигрантов?**»

Не обойтись без анализа национально-культурной семантики при переводе композита *N-Wort*. Данный композит относится к так называемым эвфемизмам, нейтральным по смыслу и эмоциональной «нагрузке» описательным выражениям, заменяющим в публичных текстах и высказываниях неприличные или неуместные слова. Композит существует уже несколько десятилетий, однако интенсивность его употребления в немецких газетных текстах в последние годы повысилась. Это вызвано активизацией сначала в США, а потом и в Германии дискуссии о расистских предрассудках и политкорректном обозначении представителей негроидной расы, разворачивающейся в СМИ и в обществе. В Германии, пережившей денацификацию, особенно чувствительны к словам, напоминающим расистскую терминологию, поэтому под запретом все производные и само слово *Neger*. Вместо него используют различные альтернативы: *Afroamerikaner*, *Afrodeutscher*, *N-Wort*. Газеты пестрят заголовками, типа: «Nie wieder **das N-Wort!**» (www.dw.de, 01.03.2020), «*Blackfacing und N-Wort. Ist das lustig?*» (www.dw.de, 15.06.2020), «**Das N-Wort stoppen!**» (www.anfdeutsch.com, 01.03.2020). Перевод данного композита на русский язык (пока) нейтральным в нашей лингвокультуре понятием «негр», было бы, на наш взгляд, неверным, поскольку шло бы вразрез с интенцией оригинала, пытающегося избежать оскорбительно-уничижительного смысла данного термина. Уместным с точки зрения адекватности передачи «скрытой» информации и национального культурного контекста был бы интерпретационный перевод: «**Расизм: больше никогда!**», «**Рисовать чёрное лицо и произносить слово на букву «н», разве это смешно?**», «**Остановим расизм!**».

Таким образом, основную сложность при переводе композитов со «скрытой», фоновой или оценочной информацией представляет прочтение и эквивалентная передача лингвокультурных кодов оригинального текста. Снять эту сложность может творческий поиск адекватных переводческих решений, часто требующих от переводчика отказа от формально точного перевода. Полноценная передача образов и интенций оригинала на русский язык возможна лишь с учётом прагматической адаптации национально-культурной составляющей семантического значения композита.

© Кашенкова И.С., 2020

Список литературы

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика. Учеб. пособие для переводчиков и преподавателей. Санкт Петербург: Союз, 2004. 288с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Москва: Русский язык, 1990. 246с.

3. Евтеев С.В. Лингвокультурологическая модель перевода // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения: сб. статей в 2-х частях. Часть 1. Москва: МГИМО- Университет, 2007. с. 118-126.
4. Ефимов В.С. Практика перевода с немецкого на русский. Лексические и грамматические проблемы. Москва: Р. Валент, 2009. 192с.
5. Кашенкова И.С. Учёт особенностей немецкой ментальности при переводе // Иностранные языки в школе. Москва, 2017. №11. с. 57-61.
6. Крушельницкая К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. Москва: КомКнига, 2006. 272с.
7. Кузнецов В.Г. Функциональные стили современного французского языка (публицистический и научный). Уч. пособие. Москва: Высшая Школа, 1991. 160 с.
8. Мамедов А.Н. Трудности при переводе текстов общественнополитической тематики. // Вестник РУДН, серия Лингвистика, 2013, № 1 с. 61-68.
9. Altleitner M. Der Wellness-Effekt. Die Bedeutung von Anglizismen aus der Perspektive der kognitiven Linguistik. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2007. 376 S.
10. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache 7. neu bearb. Auflage. Mannheim, Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2006. 912 S.
11. Glahn R. Der Einfluß des Englischen auf gesprochene deutsche Gegenwartssprache: eine Analyse öffentlich gesprochener Sprache am Beispiel von „Fernsehdeutsch“. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2002. 215 S.
12. Vater H. Einführung in die Sprachwissenschaft. Tübingen: Niemeyer, 2002. 332 S.

References

1. Alekseeva, I.S. *Professionalny trening perevodchika*. Ucheb. posobie dlia perevodchikov i prepodavatelei [Professional training of the translator]. Saint Petersburg: Soyuz, 2004. 288s.
2. Vereshchagin, E.M., Kostomarov V.G. *Iazyk i kultura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo iazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: Linguistic and Cultural Studies in Teaching Russian as a Foreign Language]. Moscow: Russkij iazyk, 1990. 246s.
3. Evtsev, S.V. *Lingvokulturologicheskaja model' perevoda* // *Lingvostranovedenie: metody analiza, tekhnologii obucheniia: sb. statei v 2-h chastiakh. Chast'1*. [Linguacultural model of translation]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2007. S. 118-126.
4. Efimov, V.S. *Praktika perevoda s nemetskogo na russkii. Leksicheskie i grammaticheskie problemy* [Practice of translation from German into Russian. Lexical and grammatical problems]. Moscow: R. Valent, 2009. 192s.
5. Kashenkova, I.S. *Uchet osobennostei nemetskoi mental'nosti pri perevode* [The peculiarities of the German mentality in the translation] // *Inostrannye iazyki v shkole*. Moscow, 2017. №11. S. 57-61.
6. Krushelnitskaia, K.G. *Ocherki po sopostavitel'noi grammatike nemetskogo i russkogo iazykov* [Essays on comparative grammar of German and Russian languages]. Moscow: KomKniga, 2006. 272s.
7. Kuznetsov, V.G. *Funktsional'nye stili sovremennogo frantsuzskogo iazyka (publitsisticheskii i nauchny)*. Uch. posobie. [Functional styles of modern French (journalistic and scientific).] Moscow: Vysshiaia Shkola, 1991. 160s.
8. Mamedov, A.N. *Trudnosti pri perevode tekstov obshchestvennopoliticheskoi tematiki* [Difficulties in translation of socio-political texts] // *Russian Journal of Linguistics. RUDN University*. 2013, № 1. S. 61-68
9. Altleitner, M. *Der Wellness-Effekt. Die Bedeutung von Anglizismen aus der Perspektive der kognitiven Linguistik*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2007. 376s.
10. Duden. *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache 7. neu bearb. Auflage*. Mannheim, Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2006. 912s.
11. Glahn, R. *Der Einfluß des Englischen auf gesprochene deutsche Gegenwartssprache: eine Analyse öffentlich gesprochener Sprache am Beispiel von „Fernsehdeutsch“*. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2002. 215s.
12. Vater, Heinz. *Einführung in die Sprachwissenschaft*. Tübingen: Niemeyer, 2002. 332s.

Сведения об авторе:

Кашенкова Ирина Соломоновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: методика преподавания немецкого языка, межкультурная коммуникация, политический дискурс, общественно-политический перевод. E-mail: ikashenkova@yandex.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Irina S. Kashenkova – Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of German Languages, MGIMO University (Moscow, Russia). Research and professional interests: German language teaching methods, intercultural communication, political discourse, socio-political translation.

E-mail: ikashenkova@yandex.ru

Conflicts of interest: The author declares absence of conflicts of interest.

TRANSLATION CONSTRAINTS OF EASTERN LOANS IN RUSSIAN FILM SUBTITLES IN FRENCH

Galina V. Ovchinnikova

Moscow State Regional University,
24, Vera Voloshina str., Mytishchi, Moscow region, 141014, Russia,
International police Academy VPA,
1, Ryazanskaya, Tula, 300026, Russia

Abstract. *The active development of intercultural communication in the cinematic arts sets new challenges for translation theorists and practitioners. The article presents concepts that are widely used in film translation, provides a classification of audiovisual translation types, and for the first time establishes a distinction between such concepts of translation studies as: “langue relais” (translator language), “langue pont” (transition language), “langue véhiculaire” (Transporter language) and “langue interface” (interface language). Using the example of subtitles for the film “Turkish gambit”, the authors identified ways to translate them from Russian to French and conducted a detailed statistical analysis of the frequency of using methods of translating subtitles. According to the results of experimental data, borrowing was the leading technique in translating subtitles of Boris Akunin’s script “Turkish gambit”, which necessitated a comparative study of borrowings of Eastern languages, their assimilation in Russian and French, and translation features. The use of etymological, component and morphological analysis methods allowed us to identify the specifics of translation of orientalisms in Russian and French.*

Key Words: *film translation, audio-visual translation, subtitle, borrowing, orientalism*

For citation: Ovchinnikova G.V. 2020. Translation Constraints of Eastern Loans in Russian Film Subtitles in French. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 82–88. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-82-88>

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ СУБТИТРОВ ФИЛЬМОВ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФРАНЦУЗСКИЙ)

Г.В. Овчинникова

Московский государственный областной университет
141014, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д.24,
Международная полицейская академия ВПА
300026, Россия, г. Тула, ул. Рязанская, 1

Аннотация. Активное развитие межкультурного общения в области киноискусства ставит перед теоретиками и практиками перевода новые задачи. В статье представлены понятия, широко используемые в кинопереводе, приводится классификация видов аудиовизуального перевода и впервые устанавливается различие между такими понятиями переводоведения, как: «*langue relais*» (язык транслятор), «*langue pont*» (переходный язык), «*langue véhiculaire*» (язык транспортёр) и «*langue interface*» (язык интерфейс). На примере субтитров фильма «Турецкий гамбит» выявлены способы перевода с русского языка на французский и проведён детальный статистический анализ частотности применения способов перевода субтитров. По результатам экспериментальных данных заимствование оказалось ведущим приёмом в переводе субтитров сценария Б. Акунина «Турецкий гамбит», что обусловило необходимость сопоставительного исследования заимствований восточных языков, их ассимиляцию в русском и французском языках и особенности перевода. Применение методов этимологического, компонентного и морфонологического анализа позволили выявить специфику перевода ориентализмов в русском и французском языках.

Ключевые слова: киноперевод, аудиовизуальный перевод, субтитр, заимствование, ориентализм

Для цитирования: Овчинникова Г.В. 2020. Трудности перевода заимствований из восточных языков (на примере субтитров фильмов с русского языка на французский). *Филологические науки в МГИМО*. Том 6. № 4(24). С. 82–88. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-82-88>

Synopsis. *Le développement continu de la communication interculturelle dans le domaine de l'art cinématographique avance de nouvelles tâches à résoudre pour les théoréticiens et pour les praticiens de la traductologie. Cet article présente les notions largement utilisées dans une traduction filmique, présente la classification de la traduction audiovisuelle et pour la première fois fait la distinction entre les notions de la traductologie, comme: «la langue relais» (émetteur), «la langue pont» (passation), «la langue véhiculaire» (transporteur), «la langue de transition» (interface). Le film sous-titré «Le gambit turc» présente un corpus illustratif pour trouver la méthodologie de la traduction du russe vers le français et permet de faire une analyse statistique bien détaillée de l'exploitation des approches de traduction des sous-titres. Les résultats des données expérimentales ont fait voir que l'emprunt est très fréquent dans le sous-titrage du scénario de B. Akounine «Le Gambit turc», ce qui rend nécessaire une étude comparative des emprunts des langues orientales, de leur assimilation en russe et par la suite en français du point de vue traductologique. Le recours à l'analyse étymologique, componentielle et morphonologique a permis de mettre en relief les particularités de la traduction des orientalismes en russe et en français.*

Mots-clés: traduction cinématographique, traduction audiovisuelle, sous-titrage, emprunt, orientalisme

L'élargissement des échanges de programmes audiovisuels suppose leur traduction en nombreuses langues afin d'être compris par le public, le plus large: il y a des films doublés, sous-titrés. Ces derniers temps on parle de plus en plus du surtitrage, ainsi que de la traduction pour les handicapés. Le sous-titrage s'effectue très souvent dans le cadre des divers festivals du cinéma. La présence des langues dans les médias s'est considérablement intensifiée ces dernières années est le résultat de l'évolution dynamique de l'activité des sous-traducteurs. Malgré une riche palette de traductions réussies, il y a encore des contraintes techniques et traductionnelles. On tient compte en premier lieu des contraintes spatio-temporelles. Il est admis qu'un sous-titre ne peut défiler à l'écran qu'en moins de deux secondes et n'est pas toléré au-delà de six secondes, le temps de lecture d'un sous-titre de deux lignes est généralement situé entre quatre et six secondes. Cette contrainte spatio-temporelle est complétée par le fait de respecter la lisibilité de ces sous-titres, ce qui exige la compression des dialogues. Le traducteur-sous-titreur doit prendre en considération non seulement

les dialogues, mais le timbre de la voix, le ton, les gestes, les expressions du visage. Le traducteur décrypte aussi l'implicite.

La première tâche de cet article est de distinguer deux notions de traduction filmique «la langue relais» et «la langue interface». Les traductologues recourent souvent aux termes différents pour la langue intermédiaire: «langue d'arrivée», «langue pont», «langue véhiculaire», «langue de travail», «langue interface». [1, c. 37-49]. Ce dernier apporte une nuance sémantique supplémentaire, la langue interface se situe plus près, culturellement ou linguistiquement, de la langue d'origine, elle se trouve à la frontière entre la langue initiale et la langue de destination. Le sous-titrage du film «Le Gambit turc» est un exemple éloquent des recherches du traducteur des équivalents français corrects pour les vocables russes, empruntés à son tour aux langues orientales. Les orientalismes présentent très souvent des lacunes lexicales. Selon I.A. Tsybova, l'existence des lacunes lexicales est conditionnée par la différence entre les visions du monde mentale et verbale [2, p. 14, 15].

L'analyse du traitement du corpus filmique des sous-titres français du «Gambit turc» du point de vue des techniques de la traduction a donné des pourcentages suivants: la substitution ne concerne que 10%, la traduction littérale – 8%, la définition – 3%, l'équivalence acceptée – 20%, l'emprunt – 53%, les techniques hybrides – 6%.

Cette prédominance des emprunts dans la technologie du sous-titrage du scénario akounien s'explique par un grand nombre d'emprunts orientaux dans le texte original. Ce fait a conditionné la nécessité de l'étude détaillée des emprunts orientaux en russe et en français et des particularités de leur traduction du russe en français.

Des contacts prolongés entre les «aires culturelles», associées aux notions de «l'Orient» et de «l'Occident» ont marqué durablement les traditions et les mentalités des peuples concernés. Ils ont abouti à des métissages dont nous découvrons les traces dans les langues. Le grec ancien et le latin nous offrent des premiers exemples d'emprunts des mots de différentes origines orientales. Une quantité considérable de mots orientaux est passée dans les langues romanes et dans les langues slaves et inversement: «Prompts à se déplacer de langue en langue, les mots n'hésitaient pas à faire le tour du monde». Ils sont devenus de vrais voyageurs: par exemple, le mot *azur* a été emprunté, par le français, à l'arabe qui l'avait pris à son tour au persan, et qui est arrivé, par la suite, dans le russe pour devenir *лазурь* [*lazur'*] dans lequel on reconnaît le mot français *l'azur*.

Le choix du scénario de Boris Akounine *Le gambit turc* et du sous-titrage français, basé sur le texte de la traduction, faite par Irène Sokolgosky pour l'analyse de la traduction du corpus des emprunts aux langues orientales s'explique par plusieurs raisons. Dans *Le Gambit turc* l'auteur décrit les événements de la guerre russo-turque de 1877. Le personnage principal Érast Petrovič Fandorine et son entourage sont concernés par la guerre; pour donner plus de vivacité et de réalisme à leurs dialogues, le scénariste recourt souvent aux emprunts orientaux, au turc en premier lieu, mais aussi au persan et à l'arabe.

Pour trouver un équivalent adéquat et éviter les contraintes traductionnelles, on recourt à l'analyse étymologique, morphémique et componentielle des emprunts orientaux en français et en russe et ne pas oublier l'assimilation phonétique des mots des langues prêteuses dans le français et dans le russe. Nous étudierons également les voies de leur «naturalisation» et de leur intégration dans le système lexical de chaque langue, avec les variantes respectives en russe et en français. L'attention particulière sera portée à l'interculturalité morpho-sémantique qui touche à la fois la forme et le sens des mots empruntés orientaux dans les langues de familles différentes. Les mots d'emprunts qui nous intéressent appartiennent aux domaines du turc, du persan et de l'arabe et aux aires géographiques du Proche, du Moyen Orient et de l'Asie centrale.

Le plus souvent un emprunt oriental arrive dans le russe et dans le français simultanément avec le concept dénommé. La première acception est conservée, tandis que l'assimilation phonétique est soumise aux lois qui régissent les systèmes phonétique, morphologique et dérivationnel des langues accueillantes. Par exemple, le mot un «bachi-bouzouk» (sa variante française *bachibouzouk*) veut dire en turc *bachi* – «tête», *bozouk* – «cassée», «fêlée», autrement dit, «mauvaise tête». Ce mot a élargi son sens pour nommer un chevalier armé de l'Empire ottoman. Ces cavaliers de sinistre mémoire ont participé aux répressions, suite à l'insurrection des Bulgares en avril 1876 et également à la guerre russo-turque des années 1877-1878. On pourrait citer, comme exemple de cet emploi élargi:

Башибузуки загалдели ...Les Bachi-bouzouks firent eux-mêmes entendre leurs voix ...

La plupart des mots empruntés présentent des difficultés soit orthographiques, soit phonétiques, les différences entre le russe, le français et le turc étant plus ou moins sensibles. Comme nous l'avons vu, le mot emprunté s'utilise en langues qui empruntent avec l'orthographe qui cherche à sauvegarder la prononciation turque, c'est-à-dire, la langue écrite essaye de rendre les particularités de la phonétique selon les règles d'orthographe du russe ou du français. Dans l'exemple cité, l'assimilation phonétique se fait en français et en russe par le changement de la voyelle [o] turc par la voyelle [u] dans le mot *bouzouk*. Le mot s'écrit d'une façon liée en russe et avec un «b» minuscule. Par contre, en français, on peut rencontrer les orthographes avec les deux «b» majuscules et avec un trait d'union, et également une variante de «bozouk», probablement plus ancienne : comme s'il s'agissait d'ethnicher ce terme qui désignait, au demeurant, un groupe social ou une activité. Cette dernière variante n'est pas utilisée dans le sous-titre ce qui s'explique par l'emploi plus fréquent du mot *bouzouk*. Le pluriel en russe est présenté par la flexion «-и», le français le fait avec l'article défini *les* et la terminaison «-s». L'analyse componentielle a aidé à trouver des sèmes connotatifs différents en russe et en français. En français, le mot «bachi-bouzouk» acquiert souvent dans le contexte une nuance stylistique péjorative, équivalente à une insulte. En russe, ce nom propre est devenu un nom commun. Il est utilisé pour parler d'une personne qui a un mauvais caractère. Le sème *mauvais* a acquis la fonction d'un sème noyau dans l'éponyme russe, et ce sème manque dans le mot français, ce qui rend ce sens intraduisible.

Les scénaristes utilisent beaucoup d'anthroponymes, d'emprunts orientaux qui servent à rendre la couleur locale. Dans la linguistique, on les nomme les emprunts «folkloriques» :

... во главе с рыжебородым беком – ... avec le bey roux en tête...

Le mot turc «bek» a donné, en russe, les variantes «бек, бей, бай, бэр» avec la finale consonantique (plus proche du turc) ou avec la semi-voyelle. Tous les quatre sont employés dans le scénario, en français il n'y a qu'une variante avec une semi-voyelle à la fin. L'orthographe en russe et en français a des variantes «e» ou «a» au milieu. L'analyse sémantique donne le résultat suivant :

Un *bey, bek* (ou *beg, beigh*), *bai, baie* est un titre turc, porté par les souverains vassaux du sultan ou par certains hauts fonctionnaires turcs [3, p.179]. Le *beylicat* désigne à la fois le pouvoir et le territoire (*beylik*) sur lequel s'exerce le pouvoir du bey [Ibid., p.179].

L'analyse sémique des champs sémantiques de *bey* français et de *бек* [bek] russe est analogue.

Mais au XIXe siècle, ce mot emprunté suit toujours le substantif, désignant un chef, ou un colonel, ou un fils de pacha.

Les exemples de ce type d'emploi dans le scénario de Boris Akounine sont nombreux. Le sens est pareil dans toutes les trois langues, mais l'orthographe et la position par rapport au nom propre se distinguent : en russe *bek* se met après le nom propre, il a une écriture liée ou séparée par un trait d'union et s'écrit avec un «b» minuscule : *Абдаррахманбек* [Abdarahmanbek]. La variante russe *бей* [bey] s'écrit aussi avec un «b» minuscule, et on met un trait d'union entre le nom propre et le titre honorifique : *Али-бей* [Ali-bey], ainsi que *Рифат-бек* [Rifat-bek].

Le *bey* français s'écrit avec une majuscule et se met après le nom propre. Le nom propre et le titre honorifique s'écrivent toujours séparément, sans trait d'union : *Abdarahman Bey, Ali Bey* :

звать Али-бей... le nom est Ali Bey...

всадники Рифат-бека... – les cavaliers de Rifat Bey...

Les exemples cités témoignent que l'emprunt turc «bek» existe dans le texte du scénario sous ses deux formes utilisées en russe : *bek* et *bey*, qui cohabitent comme deux synonymes sémantiques absolus. Le français n'a assimilé partiellement qu'une forme *Bey*. En revanche, il existe en français un autre terme, un «dey», que l'on découvre aussi dans le film pour désigner le bek d'Alger :

купил алжирский дей... – elle a été achetée par le dey ...

Un autre mot d'origine turque, *Giaourt* ou «Giaour», est le plus souvent employé en français avec une majuscule. Par contre, le russe a emprunté le même mot avec le même sens : «incroyant, terme de mépris, appliqué aux infidèles en Turquie», mais on l'écrit sans majuscule : *гяур* [gjau:r]. L'assimilation phonétique en français et en russe est soumise à l'orthographe, à la translittération différente du mot turc, -ia- en français, -я- (-ja-) en russe, ce qui provoque par la suite la prononciation différente des consonnes

initiales et correspond aux lois phonétiques des langues en question :

подлые гяуры – *les Giaours indignes...*

L'emprunt byzantin *draguumanos*, de l'arabe *toudjouman* ce qui signifie «interprète» s'est intégré sous deux formes en français : «un drogman» et «un truchement» qui sont deux doublets étymologiques. Boris Akounine utilise la forme sonore, plus proche de l'emprunt byzantin, *драгоман* [dragoman]. L'intégration française passe par la nasalisation de la dernière voyelle ce qui n'est pas loin de l'archétype du système phonologique russe et arabe. «L'habillage russe» se réalise aussi dans le trait distinctif du vocalisme russe qui est représenté par la réduction des voyelles non-accentuées : [dragaman].

Le champ sémantique des emprunts orientaux qui désignent des titres honorifiques se forme aussi au moyen du mot *визирь* et de ses variantes avec l'alternance de voyelles dans les morphes radicaux : *вазир*, *везер*, *везир*, *визир*. Cet emprunt persan provient de l'Empire perse, où il existait sous le terme *vichir*, mot dérivé de l'avestique *vicira* qui signifie «un arbitre», «un juge». Les sous-titres contiennent la variante *везир* dans le second sens qui est traduit par Irène Sokologorsky comme *un vizir* :

должность великого везира – *le poste de grand vizir...*

L'emprunt cité a trouvé une nouvelle forme et une nouvelle signification dans la langue russe que nous découvrons dans le mot *фёрзъ* qui signifie *une reine* dans le jeu d'échecs. Le mot emprunté *везир* a éprouvé dans le russe l'assourdissement de l'initiale «в» [v] en «ф» [f], et on a omis par la suite le «и» [i] entre les deux consonnes, en ajoutant le signe mou. Le mot de l'ancien français qui désigne *une reine* dans le sens de jeu d'échec provient aussi du *vizir* arabe (*vizir-firz-fierce-fierge-vierge*) [3, p. 1648]. Plus tard ce vocable est devenu *une reine* comme terme sportif français dans le jeu d'échecs. Alors, on peut parler dans ce cas-là des doublets étymologiques.

En poursuivant l'analyse du champ sémantique des titres on devrait considérer, en particulier, l'emprunt au turc du mot *un pacha* (qui a des variantes morphémiques *bashaw* ou *pascha*). C'est aussi un titre de haut rang accordé aux gouverneurs de province. En russe on l'écrit après le nom propre avec un trait d'union : *Осман-паша* [Osman-paşa]. Il y a aussi des variantes de l'écriture liée, cette dernière est plus répandue dans le scénario du film : *Юсуфпаша*, *Керимпаша*. Le français garde l'écriture séparée et avec un grand «P» *Yousouf Pacha*, *Kérim Pacha*.

Les mots «сатрап» en russe et «un satrape» en français ont été empruntés au grec où ils avaient transité du vieux perse, dans lequel ils signifiaient «protecteur du pouvoir» ou «le gouverneur d'une satrapie de l'Empire perse».

Le sondage des internautes et des étudiants russes et français montre que l'emprunt mentionné est moins utilisé dans le russe et le français courant que le mot *султан* /*un sultan*.

Le terme «sultan» apparaît à la fin du Xe siècle dans l'Etat musulman des Ghaznévides, sous le gouvernement de Mahmoud de Ghazni (qui gouverne de 996 à 1030), et qui, en prenant ce titre, veut se démarquer du pouvoir du calife abbasside, sans toute fois usurper son titre. En arabe, le terme veut dire «domination», «autorité», «souveraineté». Il est probablement une variante de l'hébreu biblique «šiltōn» qui signifie «puissance». En russe et en français ces emprunts ont le même sens pour désigner un titre porté par des souverains musulmans. En russe, comme en français, il existe aussi le prénom féminin *Sultana*, avec une variante *Sultanna*. Aujourd'hui le titre de *sultan* est encore porté, comme un titre de noblesse, au khanat d'Astrakhan.

Plusieurs mots turcs augmentent l'effet du dépaysement que doit produire ce dialogue. Y figure le *kızlar ağa* («*agha des filles*»), chef des eunuques noirs et le *kapı ağa* («*agha de la porte*») qui désigne celui des eunuques blancs. On rencontre des orthographes différentes : avec un trait d'union, comme dans le texte de la traduction, ou séparée, comme dans certains dictionnaires. A la différence du français, le russe possède trois équivalents : *кизляр-ага* [kizljar-aga], *кызляр-агаси* [kylzlar-agasi], *хадим-агаси* [hadim-agasi], *кизляр-агази* [kizljar-agazi]. Ce sont des synonymes sémantiques absolus qui sont le résultat de leur intégration différente en orthographe et en phonétique.

Le mot emprunté *le harem* est de provenance arabe «harâm» qui signifie «ce qui est protégé par la religion, sacré», et aussi, «interdit aux hommes». En russe «garem» ne s'emploie que dans la deuxième signification «les femmes d'un musulman riche», tandis qu'en français il s'agit plutôt du lieu réservé, interdit aux hommes, où habitent les femmes et les concubines. Les derniers grands harems sont précisément ceux des

sultans et des pachas de l'Empire ottoman, dont les descriptions reviennent dans le film de Boris Akounine. Boris Akounine recourt également aux emprunts orientaux pour montrer les traits spécifiques de l'armement de l'armée ottomane, par exemple, *ятаган* (*jatagan*) – une arme turco-algérienne à lame recourbée.

D'autres objets de la vie quotidienne participent à ce décor oriental, savamment jalonné par les mots «orientaux» mais que le vocabulaire russe a depuis longtemps assimilé :

Le chibouk ou la chibouque, désigne une pipe turque à long tuyau. Le mot a été emprunté au turc *çubuk* «tuyau, pipe», par l'intermédiaire de l'arabe *chubuq*. Le tuyau peut mesurer de 1, 20 à 2 mètres de long, il est fait d'une tige de jasmin ou de merisier percée de bout en bout.

Pour traduire ce mot le traducteur préfère le genre féminin de *la chibouque*, influencée par le genre du mot *la pipe*, mais la traduction n'est pas adéquate, car il s'agit seulement d'une partie de la pipe qui est une tige.

Les contacts interculturels orientaux et occidentaux font un grand apport au vocabulaire de la cuisine, et Boris Akounine emploie le mot emprunté au vocable de la cuisine arménienne *чурек* [*čurek*], un *tchourek* en français : une galette que l'on peut conserver plusieurs jours. On remarquera d'ailleurs que ce mot est absent du dictionnaire français, et représente plutôt une translittération insérée dans le corps de la traduction. Pour la plupart des lecteurs francophones le plat en question restera une énigme, dont seule la consonance «orientale» devrait produire son effet d'un accessoire exotique.

D'autres «friandises orientales», communes au français et au russe, participent au jeu du dépaysement : les personnages mangent du *halva* en français, et du *халва* [*khalva*] en russe :

два блюда халвы – deux assiettes de halva.

Le vocabulaire vestimentaire du scénario de Boris Akounine abonde également en emprunts orientaux. Une coiffe de l'Empire ottoman qui était à la mode au XIXe siècle s'appelle en russe *феска* et en français *un fez*. Les recherches de l'étymon russe et français du mot *fez* ou *feska* expliquent son origine par la ville marocaine de Fès. Ce couvre-chef est fabriqué de laine (feutrine), tandis que sa teinture rouge vif est obtenue à partir de baies cultivées dans la région.

D'autres «incontournables» orientaux du tenu vestimentaire sont présents dans le texte du sous-titrage. Il en va ainsi pour le tchador ou, en russe, *чадра*. Ce mot est arrivé du persan. Le tchador est porté par certaines femmes musulmanes ; dans les contextes pluriculturels, il est devenu aussi une marque identitaire servant à revendiquer une appartenance aux courants réformistes de l'islam.

Du point de vue de la traduction ces types de coiffe masculine et féminine ne présentent pas autant de difficultés que les cas précédents.

Plusieurs pistes de questionnement des contraintes traductionnelles des emprunts orientaux restent ouvertes. La possibilité de trouver des analogies dans le français permet de supposer que le fond des connaissances communes existe entre l'original russe et le sous-titrage français. Dans de futures recherches nous pourrions réfléchir sur la communauté des contacts avec le monde musulman que les deux pays ont pu avoir dans leur passé. Cependant, la question s'impose au sujet de la profondeur de l'enracinement culturel des mêmes termes en russe et en français. Par exemple, l'usage du mot «bachibouzouk» semble être plus limité en français contemporain, qu'en russe, où il a nettement obtenu une connotation ethnique et péjorative, même si ce mot paraît plutôt archaïque. En français, cette signification désignant un groupe humain semble s'estomper au cours du XIXe siècle. C'est le contraire pour le *dey*, très peu connu en russe. En revanche, le mot *чурек* (sous-titré «tchourek»), plutôt exotique, mais compréhensible pour les russophones, n'est pas dans le dictionnaire français. La distance entre ces «mots-frères» (qui peuvent également devenir des faux-amis, comme le mot *halva*, lequel, tout en désignant une confiserie, ne renvoie pas à des friandises vraiment identiques) est révélatrice des contextes de contacts de deux pays avec les mondes de l'islam et de la perméabilité de leur frontière culturelle. Le passé impérial de deux pays peut se miroiter dans certains mots, et moins dans d'autres. L'héritage de l'Empire ottoman a été véhiculé différemment dans les différentes zones géographiques. On comprend que les réalités venues du Caucase sont étrangères au public francophone, comme celles empruntées du Maghreb pour les russophones. Il est indéniable que les traductions françaises des romans orientaux de la bibliothèque coloniale russe peuvent fournir une mine de renseignements sur le fonctionnement de cette frontière chrétienne-musulmane dont les empires français, russes et ottoman sont des territoires privilégiés.

Plusieurs conclusions en découlent :

Parmi les emprunts orientaux on trouve des mots de la vie quotidienne, des termes militaires, et de nombreux historismes. L'assimilation des emprunts et leur intégration dans le système du français et du russe se fait aux niveaux phonologique, morphologique, sémantique, dérivationnel et interculturel. L'assimilation phonétique implique le déplacement de l'accent en français, la réduction des voyelles en russe, l'assourdissement des consonnes sonores selon les règles morphologiques de chaque langue. Dans la plupart des cas, la langue emprunteuse n'adopte pas toutes les significations du mot emprunté, mais il arrive souvent que le mot emprunté acquiert de nouvelles significations et des connotations stylistiques qui rendent la traduction du russe en français bien difficile. L'analyse des sous-titres du film de Boris Akounine «Le gambit turc» a permis d'illustrer les avantages du sous-titrage d'une part et des contraintes traductionnelles qui s'articulent autour des emprunts en premier lieu. Le traducteur des sous-titres répète un terme culturel en question, en appliquant les techniques différentes: transcription, translittération, adaptation orthographique ou adaptation phonologique.

© Г.В. Овчинникова, 2020

Bibliographie

1. Zvonkine, E. Langues relais et langues interfaces: la traduction de films présentés en festivals// *Traduction et médias audiovisuels*/ [Relay languages and interface languages: translation of films presented at festivals// *Translation and Audiovisual Media*], E. Zvonkine. Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2011. P. 37-49.
2. Цыбова, И.А. Проблемы лексических и словообразовательных лакун на примере французского языка, М.: Krasand, 2017.104 p. (Tsybova, I.A. Problemy leksicheskikh i slovoobrazovatelnykh lakun na primere frantsuzskogo iazyka [Problems of lexical and word-forming lacunae on the example of the French language]/ I.A. Tsybova. M.: Krasand, 2017.104 p.
3. Rey, A., Rey-Debove, J. *Le Petit Robert*. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française [Little Robert. Alphabetical and analog Dictionary of the French language]. A. Rey, J. Rey-Debove. Montréal: Dictionnaires, Newer Edition, 1992. 2175 p.

References

1. Zvonkine, E. Langues relais et langues interfaces: la traduction de films présentés en festivals// *Traduction et médias audiovisuels*/ [Relay languages and interface languages: translation of films presented at festivals// *Translation and Audiovisual Media*], E. Zvonkine. Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2011. P. 37-49.
2. Tsybova, I.A. Problemy leksicheskikh i slovoobrazovatelnykh lakun na primere frantsuzskogo iazyka [Problems of lexical and word-forming lacunae on the example of the French language]/ I.A. Tsybova. M.: Krasand, 2017.104 p.
3. Rey, A., Rey-Debove, J. *Le Petit Robert*. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française [Little Robert. Alphabetical and analog Dictionary of the French language]. A. Rey, J. Rey-Debove. Montréal: Dictionnaires, Newer Edition, 1992. 2175 p.

Сведения об авторе:

Овчинникова Галина Витальевна – доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии МГОУ (Россия, Московская область), профессор и заведующий кафедрой лингвистики и гуманитарных дисциплин Международной полицейской академии ВПА (Россия, г. Тула). Сфера научных и профессиональных интересов: сопоставительная типология, межкультурная коммуникация, перевод. E-mail: galinaovtchinnikova@yandex.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Galina V. Ovchinnikova – PhD, Professor of the Department of Romance Philology at Moscow State University (Russia, Moscow region), International police Academy VPA. Spheres of research and professional interests: comparative typology, intercultural communication, translation.

E-mail: galinaovtchinnikova@yandex.ru

Conflicts of interest: The author declares absence of conflicts of interest.

* * *

PROFESSIONALLY-ORIENTED APPROACH TO TEACHING ENGLISH GENRE WRITING TO JOURNALISM STUDENTS

Z.V. Kostanian, S.Iu. Kuznetsova

Lomonosov Moscow State University,
9, Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russian Federation.

Abstract. *The article describes the experience of implementing the innovative programme Basic Journalism Writing (BJW) aimed at B2+-C1 (CEFR) journalism students. The programme was tested among first and second year bachelor students at the Faculty of Journalism, Moscow State University, in 2018-2020. The article analyses a complex methodological approach, which combines elements of Content and Language Integrated Learning (CLIL), process and product writing and Project-Based Learning (PBL). The programme is aimed at improving students' English writing skills by means of developing journalistic competencies: genre writing, editing, pitching and publishing. In its step-by-step approach it guides the learner from meticulously studying and analyzing texts of various genres, from breaking news and features to opinion articles and reviews, to writing their own articles and publishing them in English-language student media created as part of the programme. The article summarizes the results and draws the conclusions about the efficiency of project-based approach to writing for journalism students.*

Key Words: *teaching writing, journalistic writing, journalistic skills, competency-based learning, project-based learning, teaching English to B2-C1 students*

For citation: Kostanian Z.V., Kuznetsova S.Iu. 2020. Professionally-Oriented Approach to Teaching English Genre Writing to Journalism Students. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 89–102. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-89-102>

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ АНГЛОЯЗЫЧНОМУ ЖАНРОВОМУ ПИСЬМУ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ

З.В. Костанян, С.Ю. Кузнецова

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова,
125009, Россия, ул. Моховая 9, стр. 1

Аннотация. В статье рассматриваются методологические основы и принципы построения инновационной программы по обучению профессиональному англоязычному письму *Basic Journalistic Writing (BJW)*, направленной на обучение студентов-журналистов с уровнем владения английским языком B2+–C1 по Шкале Совета Европы CEFR. Программа была впервые реализована на первом и втором курсах бакалавриата факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова в 2018–2020 гг. Описывается комплексный методологический подход, объединяющий в себе элементы интегрированного предметно-языкового метода (*Content and Language Integrated Learning – CLIL*), процессуально-ориентированного письма (*process writing*), письма, ориентированного на конечный продукт (*product writing*), а также метод проектного обучения (*Project-based learning – PBL*). Основной целью обучения студентов-журналистов является совершенствование навыков англоязычного письма посредством освоения профессиональных журналистских компетенций: авторской, редакторской и проектно-аналитической. Представлен опыт реализации данной программы, в рамках которой поэтапно осуществляется изучение англоязычных текстов различных жанров, таких как срочная новость, фичер, рецензия, статья-мнение, литературное эссе, переходящее в работу над созданием собственных текстов, соответствующих изучаемым жанрам с их последующей публикацией в англоязычных факультетских СМИ. В статье подытожены результаты апробации и сделан вывод об эффективности проектно-ориентированного обучения, направленного на создание реального продукта, которым в данном случае является бумажное или цифровое издание, ориентированное на внешнего читателя.

Ключевые слова: обучение письму, жанровое письмо, профессиональные компетенции журналиста, проектное обучение, профессионально-ориентированные программы, обучение английскому языку на уровнях B2–C1

Для цитирования: Костанян З.В., Кузнецова С.Ю. 2020. Современный профессионально-ориентированный подход к обучению англоязычному жанровому письму студентов-журналистов. *Филологические науки в МГИМО*. Том 6. № 4(24). С. 89–102. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-89-102>

Введение

Стремительная динамика научно-технического прогресса, процессы цифровизации и глобализации общества неизбежно приводят к необходимости изменений в системе высшего образования в России и мире. Особенно актуальным представляется переосмысление журналистского образования, ведь современное медиапространство находится в состоянии перманентной трансформации.

Дисциплина «Иностранный язык» включена в большинство программ базовой части филологического блока Образовательной программы подготовки в бакалавриате по направлению «Журналистика». Сегодня всё больше и больше студентов при поступлении на первый курс бакалавриата факультетов журналистики уже владеют английским языком на уверенном средне-продвинутом уровне B2 по Шкале Совета Европы CEFR, а некоторые первокурсники при поступлении демонстрируют уровень владения английским языком C1. На факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова эти результаты подтверждаются высокими баллами за ЕГЭ по английскому языку и внутренним тестированием на определение уровня английского языка у студентов первого курса бакалавриата. Несмотря на то, что студенты базовой программы бакалавриата на первом курсе имеют возможность начать изучение нового языка с нуля, многие из них предпочитают продолжить изучение английского языка.

Помимо того, что английский язык является языком международного общения, есть основание считать, что данная тенденция напрямую связана с тем фактом, что роль английского языка продолжает расти благодаря популярности англоязычных масс медиа, социальных сетей, стриминговых сервисов и общим доминированием англоязычного сегмента глобальной сети Интер-

нет. По данным статистической организации, Internet World Stats, 59% всех текстов в Интернете являются англоязычными [25]. Большинство международных многоязычных информационных телеканалов, радиостанций, новостных агентств и интернет-порталов имеют крупные службы англоязычного вещания и англоязычные редакции. Таким образом, сегодня владение именно английским языком на высоком профессиональном уровне повышает конкурентоспособность будущего журналиста на отечественном и международном рынках труда.

Это ставит новые интересные задачи перед преподавателями английского языка на факультетах журналистики. А в рамках решения этих задач возникает необходимость в создании новых программ, ориентированных на студентов с высоким уровнем владения английским языком.

Современное обучение иностранным языкам (ИЯ) в высших учебных заведениях чаще всего строится на основе концепции ИЯ для специальных целей. Именно эта концепция была положена в основу программы по ИЯ для неязыковых вузов и факультетов, разработанной во главе с С.Г. Тер-Минасовой и Е.Н. Солововой в 2009 году [14]. Согласно Р.П. Мильруд, при обучении иностранному языку для специальных целей формирование коммуникативной компетенции на ИЯ должно быть интегрировано с «формированием профессиональной компетентности и меняться под влиянием профессионального контекста» [9]. Согласно исследователям Дадли-Эванс и Сент-Джон, концепция обучения ИЯ для специальных целей должна не только основываться на нуждах определённой группы студентов, объединённых одной профессией, но и пользоваться методологией, терминологией и материалами из данной профессиональной дисциплины [23].

Таким образом, при создании качественного современного курса по английскому языку для студентов-журналистов в рамках компетентного подхода необходимо проанализировать профессиональные компетенции журналиста. К таким компетенциям относятся «умение находить актуальные темы, проблемы, владеть методами сбора информации, её проверки и анализа, способность готовить материал для масс-медиа в различных жанрах (авторская деятельность); умение анализировать, оценивать и редактировать медиатексты, приводить их в соответствие с нормами, стандартами, принятыми в СМИ разных типов (редакторская деятельность); способность участвовать в разработке, анализе и корректировке концепции СМИ (проектно-аналитическая деятельность)» [17]. К вышеупомянутым компетенциям следует добавить и ряд инновационных профессиональных компетенций, выделяемых профессором Е.Л. Вартановой. Среди них активность журналиста, его открытость, способность к диалогу, готовность воспринимать критику, умение определить релевантную тему для определённой аудитории, умение объяснять, интерпретировать выбранную информацию, умение сделать материал информационно сбалансированным, умение работать с технологической инфраструктурой и др. [4].

Авторы курса поставили перед собой задачу разработать программу по обучению профессиональному жанровому письму, в основе которой помимо языковых компетенций будут заложены компетенции профессиональные – авторская, редакторская, проектно-аналитическая, исследовательская, а также инновационные компетенции, выделяемые профессором Е.Л. Вартановой. Программа рассчитана на студентов с начальным уровнем не ниже уверенного B2+ по шкале CEFR, так как только начиная с данного уровня студент может «писать чёткие, детальные тексты на разные темы, связанные со сферами своих интересов, синтезируя и оценивая информацию и аргументацию из нескольких различных источников» [22]. Программа реализуется на первом и втором курсах бакалавриата, изучается в течение четырёх семестров и предполагает 340 академических часов аудиторной работы и 380 академических часов самостоятельной работы студента.

Методология: принципы и подходы

Цель программы BJW – формирование у студентов профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции посредством обучения основным принципам работы журналиста и созданию текстов в различных журналистских жанрах, включая срочные новости (breaking news), фичеры (features), различные типы обзоров (review) и др. В основе данного курса лежит

комплексный методологический подход, соединяющий в себе элементы проектного-обучения (Project-based learning – PBL), предметно-языкового интегрированного подхода (Content and Language Integrated Learning – CLIL), письма, ориентированного на конечный продукт (product writing), и процессуально-ориентированного письма (process writing).

Основы метода проектного обучения

Расцвет метода проектного обучения в современном образовании пришёлся на 1980-е годы. В основу данного метода легли принципы управления и менеджмента [19]. Отечественные учёные Е.С. Полат и М.Ю. Бухаркина утверждают, что метод проектов прагматически направлен на реальный практический результат, который получается при решении той или иной теоретически или практически значимой проблемы. При этом учащиеся при решении проблемы в первую очередь должны ответить на вопрос «Как делать?», а не «Что делать?» [12]. Вышеупомянутые исследователи разделяют проекты на исследовательские, творческие, игровые, информационные и практико-ориентированные, однако отмечают, что проекты могут быть и смешанного типа [12].

Отличительной особенностью метода проектного обучения является взаимозависимость всех членов группы, личная ответственность каждого участника проектного задания не только за свой, но и за командный успех. Проект имеет единую цель, но для достижения этой единой цели каждый участник решает свою конкретную задачу или же ряд задач [13].

Согласно Д.А. Дубоверу, метод проектного обучения особенно подходит представителям поколения Z, рождённых в период с середины 1990-х по конец 2000-х годов, так как они проактивны, имеют склонность к предпринимательству и имеют потребность в реализации своего творческого потенциала [6].

Метод проектного обучения активно применяется на факультетах журналистики. В рамках освоения различных дисциплин студенты могут быть вовлечены в создание какого-либо медиаобразовательного проекта. Результатом медиаобразовательного проекта является создание печатного и/или цифрового аудио-, видео- или мультимедийного медиапродукта [16].

Основы предметно-языкового интегрированного подхода (CLIL)

Метод CLIL предполагает, что учебный материал подбирается с акцентом на предметное содержание [10]. В основу CLIL положены четыре компонента, так называемые 4 «С»: «Content» – содержание, «Communication» – общение, «Cognition» – мышление и «Culture» – культура, что позволяет постигать теоретические и практические навыки, используя английский язык как инструмент для получения профессиональных знаний [21]. В последние годы метод CLIL вышел за пределы школы и начал активно распространяться в среде высшего образования. Практический опыт использования CLIL в высшей школе описывают К.С. Григорьева, И.И. Филипович [5; 8; 18]. По мнению Андрюхиной, весь комплекс компонентов CLIL перекликается с компетенциями XXI века [2]. В рамках программы реализованы все четыре компонента данного метода обучения: С1 – «содержание» – студенты изучают теоретический материал о специфике работы журналиста и о жанровых особенностях текста на английском языке; С2 – «Общение» – студенты обсуждают материалы курса, дают друг другу обратную связь по написанным текстам, вместе планируют выпуски журналов; С3 – «Мышление» – студенты анализируют статьи разных жанров, выявляют их авторскую интенцию, формулируют темы собственных статей, собирают необходимую информацию для их написания, анализируют её и пишут на основе собранного материала свои тексты; С4 – «Культура» – помимо сравнительного анализа особенностей организации работы журналиста в России и за рубежом, а также сопоставительного анализа русскоязычных и англоязычных статей разных жанров, данный компонент реализуется при написании самих статей, посвящённых культурным особенностям не только России, но и других стран.

Product and process writing

Письмо, ориентированное на конечный продукт (product writing), и процессуальное письмо (process writing) являются двумя основными подходами в обучении иноязычному письму. В основе подхода к письму, ориентированному на конечный продукт (product writing), лежит формирование и отработка навыка написания связного текста изучаемого жанра с опорой на текст-модель. В рамках данного подхода практикуется метод написания связных абзацев (paragraph-pattern approach) [27]. Тренировочные упражнения включают в себя расстановку предложений внутри одного абзаца в логическом порядке, определение предложений, выражающих главную и второстепенную мысли, анализ и имитацию текста-модели [3]. Согласно исследователям Е.С. Надточевой и А.Н. Орешковой, применение метода письма, ориентированного на конечный продукт, не способствует развитию «беглости» письменной речи (writing fluency), так как акцент обучения направлен на анализ и копирование текста-модели, а не на сам процесс письма [11].

Именно тот факт, что обучение письму с упором на текст-модель не полностью решает проблему развития «беглости письменной речи», оставляя на втором плане сам творческий процесс письма: выбор темы, планирование, выражение смыслового содержания и т.д., привёл к росту популярности другого подхода – процессуального письма. Процессуальный подход в обучении письму (process writing) рассматривает текст как «нелинейный творческий процесс, в котором форма определяется коммуникативной целью и содержанием работы». Преподаватель же сначала выступает в роли консультанта по планированию структуры. Он также контролирует процесс написания, проверяет и вносит корректировки в готовую работу [7].

Согласно С.В. Боголеповой, процессуальное письмо включает в себя следующие стадии: генерация идей, сбор информации, планирование, написание чернового варианта текста, доработка содержания и структуры текста. При этом текст можно доработать необходимое количество раз, и лишь в последней редакции учащиеся концентрируются на грамматической и орфографической точности [3].

Для данного подхода сам процесс создания текста не менее важен, чем созданный в результате текст [24]. Само письмо видится как процесс, которому нельзя научить, но можно научиться. Учителю в этом процессе отведена роль помощника, который не даёт текстов-моделей, не навязывает своё мнение, а максимально ненавязчиво помогает ученику в создании собственного текста. Исследователь Нейшн отмечает, что процессуальное письмо подразумевает контроль преподавателя на всех этапах создания текста от сбора идей и планирования до написания финального варианта текста. Таким образом, преподаватель может проконтролировать и скорректировать работу на каждом этапе [26]. Исследователь Г. Стенли также считает, что в рамках процессуального подхода преподавателю рекомендуется проверять и вносить коррективы в черновые варианты работы, так как именно при корректировке черновых вариантов и происходит обучение письму [28].

В данном курсе обучающиеся двигаются от письма, ориентированного на конечный продукт, к процессуальному письму, то есть, от опоры на текст-модель при первом знакомстве с жанром – к более свободному творческому процессу создания собственного текста.

Практическая реализация курса

Результатом работы по программе BJW является создание медиапроекта *MessAge*: его основной печатной версии и цифровых тематических приложений. Под проектом в данном случае подразумевается весь процесс от момента начала работы над авторским текстом до момента выхода нового номера печатного журнала *MessAge* и его цифровых приложений в конце семестра [29].

Предметно-тематическое содержание курса обусловлено жанрами журналистского текста, которые, по мнению авторов программы, являются наиболее важными для студентов с точки зрения выполнения ими реального журналистского задания. Именно поэтому из всего многообразия жанров нами были выбраны следующие: срочная новость, фичер (feature), интервью, ста-

тья-мнение, кинокритика, рецензия о выставке, ресторанное ревью, путевой очерк (travel writing) и литературное эссе.

Развитие исследовательской компетенции

Обучение письму начинается с изучения текста-модели, который представляет собой типичный образец изучаемого жанра с присущими ему содержательными, структурными, стилистическими и лексико-грамматическими особенностями. Таким образом, частично реализуется принцип обучения письму, ориентированному на конечный продукт (product writing), а также компоненты CLIL «Содержание» и «Мышление». Стоит отметить, что программа курса построена на использовании исключительно аутентичных материалов и не включает в себя адаптированные для учебных нужд тексты, что является, по мнению авторов, наиболее эффективным подходом к обучению студентов с высоким уровнем владения ИЯ.

В первую очередь студенты изучают информационную составляющую текста определённого жанра (фактуально-, концептуально-, подтекстово-содержательную) и выявляют авторский замысел и интенцию. На этом этапе текст рассматривается как законченное информационное и структурное целое с определённой стилевой и интонационной композицией.

На втором этапе студенты приступают к деконструкции текста, подвергая его детальному функциональному анализу, в ходе которого он расчленяется на составные части: абзацы или смысловые блоки. Каждая из таких частей изучается с точки зрения её функции и места в структуре текста; выделяются средства связности, соединяющие предложения и параграфы в единое целое и обеспечивающие логическую последовательность изложения.

Параграф, в свою очередь, деконструируется на составляющие его предложения: определяется тематическое предложение (topic sentence), которое несёт основную информационную нагрузку и является своего рода сжатым изложением сути всего параграфа; рассматриваются роль и значение каждого последующего предложения (обоснование, демонстрация, детализация и т.д.), их вклад в общую смысловую структуру параграфа. В финальной фазе функционального анализа рассматривается порядок следования слов в предложении с точки зрения его актуального членения в рамках дихотомии тема-рема. При анализе материала также вводятся журналистские термины, связанные со структурой текста изучаемого жанра (byline, cut line, sub-heading, direct/anecdotal lead/lede, nut graph, partial quotes, scare quotes, т.д.).

Мы рекомендуем сочетать описанную выше деконструкцию текста с его реконструкцией, когда студенты воссоздают текст из отдельных параграфов, используя тематические предложения, опорные слова и фразы, а также средства связности. Подобные упражнения выполняются и на уровне отдельных предложений, что особенно эффективно способствует усвоению особенностей определённых структур. Так, например, подобный подход помогает отработать написание предложений в срочных новостях, которые представляют собой текст из коротких повествовательных предложений в активном залоге, выстроенных по принципу «перевернутой пирамиды», согласно которому самая важная информация располагается в начале текста.

Задания на деконструкцию и реконструкцию помогают студентам составить чёткое представление о композиционном каркасе жанрового текста, опираясь на который, они смогут в дальнейшем создать свой собственный текст.

На всех этапах, предшествующих созданию текста, студенты фиксируют свои наблюдения в специально разработанные «исследовательские таблицы» (research sheets), пример одной из которых приведён ниже, что способствует лучшей организации и категоризации материала, его запоминанию и усвоению. Анализируя тексты подобным образом, студенты приобретают не только знания, но и развивают исследовательскую компетенцию.

На третьем этапе рассматриваются лексические и грамматические особенности текста-модели. Создаётся тематический словарь (topic vocabulary), который постоянно пополняется словами и выражениями из текстов, представляющих данный жанр, а также дополняется примерами сочетаемости слов, идиомами и интересными лексическими оборотами. Все словарные списки

оформляются на платформе quizlet.com, что даёт возможность студентам практиковать запоминание необходимой лексики в интерактивной форме.

Исследовательская таблица по работе над статьей на основе интервью (фрагмент)

VOGUE's INTERVIEW-BASED ARTICLE RESEARCH SHEET

	Observations	Illustration/examples
Headline: Publication: Issue date:	There is a stylistic device in the headline meant to grab the reader's attention: an allusion to a well-known film <i>When Sally met Harry</i> .	When Pranika Met Nick: A Love Story
Opening paragraph	The opening paragraph consists of one sentence only, which easily hooks the reader, because it describes a very exciting episode: how Nick got down to one knee before Pranika . The sentence stands out, helping keep the reader's attention. It shows rather than describes the action. The story doesn't begin in a chronological order, but with a culmination.	The first time Nick Jonas met Pranika Chopra, he got down on one knee.
Closing paragraph	The closing paragraph is very impressive: It describes the Indian wedding ceremony of Nick and Pranika , i.e. how they walk around the fire seven times. It ends with Nick saying that he would take seven more, meaning seven more lifetimes with Pranika .	Jonas and Chopra will walk around a fire seven times, once for each of the seven lifetimes they will spend together. Truth be told, Jonas is already of the opinion that they're on their third lifetime together, possibly even their fourth. Either way, he says, "I'll take seven more."
Structure		
Number the sections in order they appear in the article	Biography <u>4</u> Profile <u>2</u> Description of Pranika <u>6</u> Career development <u>5</u>	1. Meeting with an interviewer <u>6</u> paras 2. Pranika Chopra's profile <u>7</u> paras 3. Meeting with an interviewer in Lower Manhattan <u>3</u> paras 4. Biography <u>6</u> paras 5. Career development <u>3</u> paras
How many paragraphs per section?		

Особое внимание также уделяется грамматическим и синтаксическим конструкциям, свойственным текстам изучаемого жанра. Например, для жанра срочных новостей – это времена и залог, для жанра статьи, основанной на интервью, это прямая и косвенная речь, а в случае с рецензиями и путевыми очерками – это наклонение.

Далее студенты рассматривают текст с точки зрения его воздействия на аудиторию, сосредотачивая внимание на интонации автора и различных использованных стилистических приёмах. Это позволяет повысить как языковую, так и коммуникативную компетенцию студентов, перед которыми стоит задача не только создать интересный и динамичный текст, но и оказать определённое воздействие на читателя [1].

На описанных выше этапах большая часть работы проводится при содействии преподавателя, который предоставляет студентам тщательно отобранный теоретический и практический материал и помогает им самостоятельно провести необходимое исследование с помощью метода управляемых открытий (guided discovery). Так, например, преподаватель предлагает студентам проанализировать и сравнить несколько лидов (первых абзацев статей) разных типов (прямой лид, лид-рассказ, лид-вопрос, лид-цитата, описательный лид, и т.д.). Студенты изучают лиды самостоятельно, обсуждают свои наблюдения в группах, пытаются самостоятельно сформулировать определение для каждого лида. Далее они получают готовые определения и должны, изучив определения, соотнести их с образцами. После совместного с преподавателем финального обсуждения студенты должны подобрать самостоятельные примеры различных типов лидов изучаемого жанра из англоязычных источников, а потом написать несколько разных лидов для своей будущей проектной статьи, используя образцы. Студенты оценивают работы друг друга и дают друг другу обратную связь.

Параллельно с изучением жанровых особенностей текста студенты знакомятся с основными принципами работы журналиста, которые необходимо учитывать при подготовке собственного материала: разбираются понятия новостной ценности, принципы сбора информации, подготовки, проведения и обработки интервью. Студенты не только получают необходимые теоретиче-

ские знания, которые они смогут применить на следующем этапе работы при подготовке собственных материалов, но и осваивают профессиональную терминологию (news value, angle, spin, bias, timeliness, proximity, unambiguity, consonance, news peg, etc.). Таким образом в программе реализуется CLIL компонент «Содержание». Изучение принципов работы журналиста также способствует развитию авторской компетенции, так как помогает познать основы создания злободневных увлекательных материалов. Студенты также сравнивают принципы работы журналиста в англоязычных странах и в России, обсуждают особенности новостных повесток разных стран и особенности освещения одного и того же события в разных медиа. Такой подход даёт студентам возможность использовать полученные теоретические знания для изучения, анализа и обсуждения различных актуальных медийных материалов с профессиональной точки зрения. Таким образом реализуются три остальных компонента метода CLIL – «Общение» – студенты обсуждают изучаемые материалы и делятся своим мнением друг с другом; «Мышление» – студенты анализируют, сопоставляют и критически оценивают примеры статей изучаемых жанров; «Культура» – студенты разбирают новостные повестки разных стран, читают и анализируют статьи, написанные на различные актуальные международные темы.

Развитие авторской компетенции: создание текста

На следующем этапе студент приступает к созданию собственного авторского текста по образцу текста-модели. Обучающиеся при этом никак не ограничены в выборе темы, что повышает их мотивацию и даёт возможность даже в рамках одного жанра выбрать именно интересующую студента область. Однако при выборе темы студенты должны учитывать актуальность темы и целевую аудиторию. Так как статьи публикуются в факультетских изданиях, студенты факультета журналистики являются основной целевой аудиторией. Интересующую студента тему необходимо подать таким образом, чтобы привлечь максимальное количество читателей. Не все студенты легко справляются с задачей самостоятельного выбора темы и определения угла её подачи. Именно поэтому перед написанием каждой статьи преподаватель проводит мозговые штурмы и групповые обсуждения, а также при необходимости выделяет время для индивидуальных консультаций.

Практическая ценность курса заключается в том, что студент-автор пишет жанровый журналистский текст на основе своего, самостоятельно собранного журналистского материала, а не материала учебника. В ходе подготовки к написанию статьи студенту необходимо подробно изучить тему, прочитать и проанализировать различные материалы, провести интервью или опрос общественного мнения, посетить выставку, спектакль, кинопоказ или другое общественное мероприятие, сделав необходимые заметки, а также фото. Часто подобная подготовка также включает в себя перевод материала на английский язык. Таким образом, при создании текста студенту приходится выполнять реальное журналистское задание, что соответствует основному принципу проектного обучения.

Одним из немаловажных преимуществ данного курса является возможность для студентов учиться писать материалы, намного превышающие по размеру среднестатистические тексты в учебниках по общему английскому и по подготовке к международным экзаменам. Как известно, даже в пособиях для высоких уровней C1-C2 в рамках обучения письму требуется написать не более 350-400 слов. Среднестатистическая длина аналитической статьи, статьи-мнения или рецензии в англоязычных медиа колеблется от шестисот до полутора тысяч слов, а статьи типа фичер могут достигать и двух-трёх тысяч слов. В рамках данной программы при написании статей студенты не ограничены определённым количеством слов, если данные ограничения не продиктованы жанром. Однако единственным коротким форматом в рамках данного курса является жанр срочной новости.

Работа по сбору информации и созданию текста предполагает большую долю внеаудиторной самостоятельной работы. Авторы курса полностью разделяют точку зрения Солововой Е.Н. о том, что самостоятельной работой студента необходимо управлять [15]. В помощь студентам раз-

работчики курса подготовили пошаговое руководство по созданию жанрового текста, к которому студенты могут прибегнуть на любом этапе работы. Этапы сбора информации, написания, редактирования статьи имеют чётко заданные крайние сроки, до которых каждый студент должен представить преподавателю отчёт о проделанной работе. Задержка сдачи работы на любом этапе также автоматически понижает общий балл за финальную работу, что приучает будущих журналистов к работе в условиях постоянных дедлайнов. Подобная организация обучения также даёт возможность преподавателю отслеживать все этапы работы над письменным текстом, что необходимо при реализации процессуального подхода к письму, в рамках которого преподавателю важно не только получить конечный продукт, но и иметь чёткое представление о том, как этот продукт создавался [26].

При написании статьи студент может взять в качестве образца одну из ранее изученных аутентичных статей, пытаясь максимально точно скопировать формат. В данном случае работает метод обучения письму, ориентированному на конечный продукт с опорой на текст-модель. Однако многие из изучаемых жанров, такие как рецензии, путевые заметки и литературное эссе, являются достаточно свободными. Это позволяет студентам составить собственный план и, наоборот, избежать жёстких рамок конкретного текста. Многие студенты предпочитают двигаться от письма, ориентированного на конечный продукт, к процессуальному письму, то есть, писать свои первые тексты, ориентируясь на конкретную модель, а ближе к середине курса отходить от полного копирования структуры одного взятого за модель текста. Основным компонентом CLIL, реализуемым на данном этапе, является C – «Мышление», так как основная работа студента заключается в разработке темы, сборе и критической оценке материала и создании собственного текста.

Развитие редакторской компетенции

После написания первого чернового варианта статьи (first draft) студент приступает к редактированию текста. В рамках курса студенты обучаются различным редакторским практикам вычитки и обработки: быстрое последовательное чтение, чтение по абзацам, чтение вслух, чтение текста задом наперёд и др. Данные техники позволяют студентам фокусироваться на разных аспектах. Быстрое чтение даёт возможность увидеть текст как единое целое, чтение по абзацам фокусирует внимание на связности и целостности отдельных абзацев, чтение вслух позволяет услышать некоторые ошибки и неточности, а также показывает ритмический рисунок повествования, чтение текста задом наперёд помогает выявлять орфографические ошибки и опечатки [20]. При первичном прочтении чернового варианта статьи студентам рекомендуется обращать внимание на логичность построения и выбор текстообразующих средств. Вторую и третью вычитку рекомендуется посвятить выявлению орфографических и грамматических ошибок. Для этой цели студентам также предлагается использовать текстовые онлайн редакторы и словари.

Последним этапом работы с первым черновым вариантом статьи является приведение текста в соответствие с нормами и стандартами, изложенными в Руководстве по стилю, созданном авторами курса по аналогии с гидами по стилю крупных англоязычных медиа. Руководство по стилю содержит в себе правила по оформлению заголовков, подзаголовков, цитат, написанию имён собственных, званий, дат и т.д. В результате проделанной работы появляется второй черновой вариант статьи (second draft). Студентам рекомендуется пользоваться Руководством по стилю и при написании текста. Однако обязательным условием редактирования собственного текста является его перепроверка по Руководству после написания. Именно такой подход позволил авторам курса существенно снизить количество ошибок, связанных с оформлением.

На следующем этапе студенты обмениваются своими статьями и приступают к редактированию текстов друг друга. Свои рекомендации они излагают в специально разработанных формах (Peer evaluation sheets), которые после проверки пересылаются автору статьи. Данный тип работы включён в курс для дальнейшего развития навыков правки-вычитки и правки-обработки,

так как, на наш взгляд, для совершенствования этих навыков недостаточно работать лишь со своими материалами. Наш опыт показывает, что редакторские компетенции лучше формируются при работе с чужими текстами, так как студенты имеют возможность посмотреть на текст критически, свежим взглядом, что не всегда является возможным при работе с собственным материалом.

На семинарских занятиях студенты продолжают обсуждение статей друг друга в мини-группах, что позволяет каждому высказать своё мнение и получить дополнительную обратную связь (CLIL – «Общение»). В результате, каждый автор получает возможность критически переосмыслить и доработать свой материал с учётом полученных советов и идей. Подобная работа над текстами коллег по проекту и их обсуждение позволяет преподавателям выявить среди студентов тех, кто проявляет особый интерес к редактированию, и задействовать их в редакторской работе над студенческими изданиями.

На основе вышеперечисленных рекомендаций от своих «коллег» автор создаёт третий вариант статьи (third draft), который он высылает непосредственно преподавателю. Преподаватель вычитывает и оценивает статью по следующим критериям: содержание, композиция, языковые лексико-грамматические средства, соответствие текста необходимому жанру. Критерии несколько меняются в зависимости от изучаемого жанра. Среди дополнительных критериев можно выделить оригинальность, аргументацию, глубину проведённого исследования, поэтичность (литературное эссе). После проверки преподаватель возвращает студенту проверенную работу с подробными комментариями по каждому критерию оценивания и первичной оценкой. Только после этого этапа студент приступает к созданию финального чистового варианта статьи, который также высылается на проверку и финальную оценку преподавателю.

Развитие проектно-аналитической компетенции

Написание статьи – первый этап реализации студенческого проекта. Вторым этапом проектной деятельности является публикация статьи в одном из англоязычных факультетских изданий. В рамках ВЖУ каждый семестр выпускается англоязычный печатный журнал *MessAge*, который является специальным приложением официального студенческого СМИ факультета журналистики МГУ «Журналист». Помимо печатного журнала на платформах Tilda и Lucid Press выходят семь цифровых тематических приложений к журналу *MessAge*. Издания охватывают широкий круг интересующих студентов тем, среди которых психология, культура, искусство, кино, образование, экология, путешествия, гендерное равенство и др.

Так, на завершающей стадии работы перед студентами стоит задача опубликовать статью в печатном издании *MessAge* и/или в одном из вышеупомянутых цифровых журналов. Для этого им необходимо отправить статью главному редактору издания, предварительно написав сопроводительное письмо (Article pitch), в котором указываются целевая аудитория, рубрика, а также объясняются авторская интенция и ценность написанного материала.

Для публикации в печатном журнале студенту может потребоваться сократить статью до определённого количества знаков, что даёт возможность автору развить навыки правки-сокращения. Автору приходится снова вычитывать свой текст и принимать решения о том, какие его части являются менее значимыми и могут быть удалены из текста без особых потерь для содержания и смысла.

Организация цифровых приложений была вызвана невозможностью опубликовать все материалы в печатном журнале, который вмещает всего 35-45 статей. На второй год существования программы количество студентов ВЖУ превысило сто человек. К тому же каждый студент за семестр пишет 2-3 статьи, но из-за большого количества желающих может опубликовать в печатном журнале лишь одну. На сегодняшний день в печатный журнал попадают лучшие статьи, отобранные редакторской коллегией и преподавателями. В случае, если статья не попадает в печатный журнал, она всё равно может быть опубликована в одном из цифровых журналов. Авторы программы считают, что возможность публикации повышает мотивацию и уровень ответствен-

ности студентов при написании материала. Поэтому было принято решение не ограничиваться единственным печатным изданием. К тому же многие студенты высказали желание самостоятельно организовать цифровые издания и управлять ими. Под руководством преподавателей они работают над вёрсткой и дизайном каждого нового номера. Система руководства выстроена достаточно гибко. При работе на платформе Tilda любой автор после утверждения материала может самостоятельно оформить его с учётом рекомендаций редакторов и дизайнеров проекта.

Стоит отметить, что цифровые тематические приложения позволили студентам писать неограниченное количество текстов на одну тему или же одного жанра, что даёт возможность максимально раскрыть потенциал каждого конкретного студента и к тому же позволяет более сильным и заинтересованным авторам не ограничиваться письменными заданиями, включёнными в базовую программу курса. Цифровые приложения также помогают студентам, интересующимся одной и той же темой, объединиться в группу и работать над созданием цифрового проекта вместе с единомышленниками. Так, цифровое издание “Искусство и рецензии” (Art and Reviews) объединило студентов, интересующихся искусством, издание “Лица и места” (Faces and Places) полностью посвящено путешествиям, а медиапроект InVisible Cinema – кино. В период карантина и дистанционного обучения студенты некоторых групп создали экстренные тематические цифровые медиапроекты, объединённые темой Lockdown, что дало им возможность практиковать умение приспосабливаться к непредвиденным обстоятельствам и быстро реагировать на изменения в мире.

Анализ результатов обучения по программе BJW

В 2019-2020 учебном году по данной программе обучались более ста студентов первого и второго курсов бакалавриата. Всего за эти два года студентами двух курсов бакалавриата было написано и опубликовано более трёхсот статей в разных жанрах, выпущено четыре печатных номера журнала Message, вместивших около 140 статей. В 2020 году были разработаны семь дополнительных приложений, вместивших около двухсот статей первокурсников и второкурсников.

В конце учебного года среди первых 48 выпускников программы BJW было проведено анкетирование, направленное на получение обратной связи. 72% студентов оценили курс на “отлично”, а 28% – на “очень хорошо”. Студенты особо отметили проектную направленность работы. Они увидели ценность в возможности опубликовать материал в печатном издании или оформить его на цифровой площадке. Именно тот факт, что они пишут не только для преподавателя, что результат их работы будет опубликован и/или выложен в сети и, таким образом, станет доступным для других студентов, способствовал более ответственному отношению к работе. Студентам также понравилось выступать в роли редакторов, верстальщиков и дизайнеров. Это, по их словам, дало им возможность освоить новые навыки. Ещё один важный момент, отмеченный студентами – большое количество аутентичных статей, которые им приходилось изучать в рамках курса. С одной стороны, они отмечали, что скрупулёзная работа с текстами отнимала у них много времени, но признавали, что именно подробный анализ текстов значительно пополнил их словарный запас и способствовал улучшению письменных навыков. Среди рекомендаций студенты отмечали необходимость включения в курс заданий на восприятие речи на слух, дополнительных заданий по грамматике, а также предлагали организацию конкурсов на лучшие материалы.

Основной сложностью для преподавателей, работающих по данной программе, является необходимость проверки большого количества письменных работ. Данная проблема частично решена за счёт поэтапной организации работы над статьёй, обучения студентов навыкам самостоятельного редактирования и создания Руководства по стилю. Учебный процесс, организованный таким образом, позволяет преподавателям избежать проверки низкокачественных работ и даёт студентам возможность самостоятельно справиться с исправлением допущенных в первом черновом варианте ошибок.

В настоящее время авторы курса ведут работу по созданию полноценного пособия, что даст возможность обучать по данной программе большее количество студентов.

Проведённое исследование подтверждает необходимость создания профессионально-ориентированных программ для студентов-журналистов с высоким уровнем владения английским языком, основанных на методе проектного обучения и соединяющих воедино совершенствование языковых навыков и развитие профессиональных компетенций.

© Костанян З.В., Кузнецова С.Ю., 2020

Список литературы

1. Авхачева И. А. Основные и сопутствующие задачи обучения письменной речи на иностранном языке в разных целевых аудиториях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016, № 4. Ч. 3. С. 165-169. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/47.html> (дата доступа: 29.06.2020).
2. Андрияшина Т.В. Концептуальная метафора и развитие когнитивной компетенции студентов-международников // Филологические науки в МГИМО. 2018, №2 (14). С. 101-111.
3. Боголепова С.В. Обучение академическому письму на английском языке: подходы и продукты // Высшее образование в России. 2016, №1 (197). С. 87–94.
4. Варганова, Е. Л. Компетенции журналиста: классика и инновации [Электронный ресурс] – URL: <http://www.myshared.ru/slide/536538/> (дата доступа: 28.06.2020).
5. Григорьева К.С. Content and Language Integrated Learning как основа формирования профессиональной иноязычной компетенции студентов технических вузов / К.С. Григорьева // Казань: КФУ, 2013. С. 89-94.
6. Дубовер Д.А. Развитие социальных и личностных компетенций в условиях высшего медийного образования / Д.А. Дубовер, А.В. Пенязь // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2020, № 02. С. 69–84. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sotsialnyh-i-lichnostnyh-kompetentsiy-v-usloviyah-vysshego-mediynogo-obrazovaniya> (дата доступа: 22. 08.2020).
7. Кашеева А.В. Современные подходы к обучению письму на иностранном языке // Социально-экономические явления и процессы. Современная лингвистика и литературоведение. 2013, № 6 (052). [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-obucheniyu-pismu-na-inostrannom-yazyke> (дата доступа: 20.08.2020).
8. Миловидова А.И. Оптимизация обучения юридическому английскому языку в вузе посредством внедрения элементов технологии CLIL // Вестник университета имени О.Е. Кутафина, 2018, № 11. С. 99–107.
9. Мильруд Р.П. Обучение языку в специальных целях: сущность, методика, рефлексия // Иностранные языки. Просвещение. 2013. [Электронный ресурс] – URL: <http://iyazyki.prosv.ru/2013/05/english-special/> (дата доступа 16.08.2020).
10. Минеева О.А. Обучение иностранному языку студентов экономических специальностей с применением технологии CLIL // Образовательные ресурсы и технологии. 2019, №1. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-inostrannomu-yazyku-studentov-ekonomicheskikh-spetsialnostey-s-primeneniem-tehnologii-clil/viewer> (дата доступа 20.08.2020).
11. Надточева Е.С. Деятельностный подход к письму как средство преодоления глобальных проблем обучения. / Е. С. Надточева, А.Н. Орешкова // Педагогическое образование в России. 2016, №4. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/process-writing-approach-to-overcome-global-writing-concerns/viewer> (дата доступа: 21.08.2020).
12. Полат Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина. М.: Академия, 2007. 368 с.
13. Попова Т.П. Роль инновационных технологий в обучении иностранным языкам в вузе // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2015, №1. С. 128-133. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-innovatsionnyh-tehnologiy-v-obuchanii-inostrannym-yazykam-v-vuze/viewer> (дата доступа: 22.08.2020).
14. Соловова Е.Н. Примерная программа дисциплины «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов / Е. Н. Соловова, Л. Г. Кузьмина, М. А. Стернина, М. В. Вербицкая // под общ. ред. проф. С. Г. Тер-Минасовой. М.: МГУ, 2009. 15 с. [Электронный ресурс] – URL: http://www.vgsa.ru/facult/eco/kaf_cgd/doc/language_pr1.pdf (Дата доступа: 12.06.2020).
15. Соловова Е. Н. Перспективные направления развития вузовской методики преподавания иностранных языков // Вестник МГИМО. 2013, № 6 (33). С. 67–70.
16. Фатеева И. А. Новые технологические форматы медиаобразовательных проектов // Вестник ЧелГУ. Челябинск, 2015, №5. С. 40–46.
17. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 42.03.02 Журналистика, утвержденный Приказом Минобрнауки №951 от 7.08.2014 года [Электронный ресурс] – URL: <https://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/10389> (Дата доступа: 05.06.2020.)
18. Филипович И.И. Предметно-языковое интегрированное обучение. Новый шаг в развитии компетенций // Научный вестник ЮИМ. 2015. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmetno-yazykovoe-integrirovannoe-obuchenie-povyyshtag-v-razviti-kompetentsiy/viewer> (дата доступа: 20.08.2020)
19. Яковлева Н. Ф. Проектная деятельность в образовательном учреждении. /Н.Ф. Яковлева. М.: ФЛИНТА, 2014. 145 с. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kspu.ru/upload/documents/2015/10/19/71da327648fc882ccfc7530c24077b1/proektnaya-deyatelnost-v-obrazovatelnom-uchrezhdenii.pdf> (дата доступа: 15.08.2020).
20. Carroll B. Writing and Editing for Digital Media. New York: Routledge. 2017. 430 p.

21. Colye D., Hood P., Marsh, D. CLIL: Content and Language Integrated Learning. Cambridge: Cambridge University Press. 2010. 184 p.
22. Common European Framework of Reference: Companion Volume with New Descriptors [Электронный ресурс] – URL: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989> (дата доступа: 18.08.2020).
23. Nunan D. English for Specific Purposes. / D. Nunan, R. Carter // Teaching English to speakers of other languages. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. pp. 131-136
24. Hyland K. Teaching and Researching Writing. Pearson. Harlow. 2002. p. 19
25. Internet World Stats. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.internetworldstats.com/stats4.htm> (дата доступа: 20.06.2020).
26. Nation I.S.P. Teaching ESL/EFL Reading and Writing. New York: Routledge. 2009. 184 p.
27. Raimes A. Techniques in Teaching writing. New York: Oxford University Press. 1983.
28. Stanley G. Approaches to Process Writing. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.teachingenglish.org.uk/article/approaches-process-writing#:~:text=The%20process%20approach%20treats%20all,in%20the%20writing%20process%20itself> (дата доступа: 20.08.2020).
29. University Magazine Message. 2020. [Электронный ресурс] – URL: <https://drive.google.com/file/d/1IsTvrG3NIdNDJeOcwyzE0jZL1QyYThsj/view?fbclid=IwAR2MnTxR-2bvjvNH0PT6SD4iOQh6vX4B47LtOGHdUNIYI7jnt5BSO-occQ4> (дата доступа: 24.08.2020).

References

1. Avkhacheva, I. A. Osnovnye i sopushtvuiushchie zadachi obucheniya pis'mennoi rechi na inostrannom iazyke v raznykh tsel'nykh auditoriyakh [The major and minor aims of teaching writing in a foreign language to different kinds of students]. // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2016, № 4. Ch. 3. S. 165-169, www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/47.html (Accessed on: 29.06.2020).
2. Andriukhina, T.V. Kontseptual'naya metafora i razvitiye kognitivnoi kompetentsii studentov-mezhdunarodnikov [Conceptual metaphor and developing cognitive competencies of international affairs students]. // *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2018, №2 (14). S. 101-111.
3. Bogolepova, S.V. Obucheniye akademicheskomu pis'mu na angliiskom iazyke: podkhody i produkty [Teaching academic writing in English: approaches and products]. // *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2016, №1 (197). S. 87-94.
4. Vartanova, E. L. Kompetentsii zhurnalista: klassika i innovatsii [Journalistic competencies: traditions and innovations], www.myshared.ru/slide/536538/ (Accessed on: 28.06.2020).
5. Grigor'eva, K.S. Content and Language Integrated Learning kak osnova formirovaniya professional'noi inoiazychnoi kompetentsii studentov tekhnicheskikh vuzov [Content and Language Integrated Learning as the basis of forming professional foreign language competencies of technical college students]. / K.S. Grigorieva // Kazan': KFU, 2013. S. 89-94.
6. Dubover, D.A. Razvitiye sotsial'nykh i lichnostnykh kompetentsii v usloviakh vysshego mediinogo obrazovaniya [Development of social and personal competencies in media higher education]. / D.A. Dubover, A.V. Peniaz' // *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept»*. 2020, № 02. S. 69-84, cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-sotsialnykh-i-lichnostnykh-kompetentsiy-v-usloviyakh-vysshego-mediynogo-obrazovaniya (Accessed on: 22. 08.2020).
7. Kashcheeva, A.V. Sovremennyye podkhody k obucheniiu pis'mu na inostrannom iazyke [Modern approaches to teaching writing in a foreign language]. // *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniya i protsessy. Sovremennaya lingvistika i literaturovedenie*. 2013, № 6 (052), cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-podkhody-k-obucheniiu-pismu-na-inostrannom-yaazyke (Accessed on: 20.08.2020).
8. Milovidova, A.I. Optimizatsiya obucheniya iuridicheskomu angliiskomu iazyku v vuze posredstvom vnedreniya elementov tekhnologii CLIL [Optimisation of teaching legal English at university by using elements of CLIL]. // *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina*, 2018, № 11. S. 99-107.
9. Mil'rud, R.P. Obucheniye iazyku v spetsial'nykh tseliakh: sushchnost', metodika, refleksiya [Teaching language for specific purposes: subject-matter, methodology, reflection]. // *Inostrannyye iazyki*. Prosveshchenie. 2013, iyazyki.prosv.ru/2013/05/english-special/ (Accessed on: 16.08.2020).
10. Mineeva, O.A. Obucheniye inostrannomu iazyku studentov ekonomicheskikh spetsial'nostey s primeneniem tekhnologii CLIL [Foreign language teaching to undergraduate economics students with the use of CLIL technology]. // *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii*. 2019, №1, cyberleninka.ru/article/n/obucheniye-inostrannomu-yazyku-studentov-ekonomicheskikh-spetsialnostey-s-primeneniem-tehnologii-clil/viewer (Accessed on: 20.08.2020).
11. Nadtocheva, E.S. Deiatel'nostnyi podkhod k pis'mu kak sredstvo preodoleniya global'nykh problem obucheniya [Process writing approach to overcome global writing concerns]. / E. S. Nadtocheva, A.N. Oreshkova // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2016, №4, <https://cyberleninka.ru/article/n/process-writing-approach-to-overcome-global-writing-concerns/viewer> (Accessed on: 21.08.2020).
12. Polat, E.S. Sovremennyye pedagogicheskie i informatsionnyye tekhnologii v sisteme obrazovaniya: ucheb. posobie dlia studentov vyssh. ucheb. zavedenii [Modern pedagogical and information technologies in the system of education: study guide for university students]. / E.S. Polat, M.Ju. Buharkina. M.: Akademiia, 2007. 368 s.
13. Popova, T.P. Rol' innovatsionnykh tekhnologii v obuchenii inostrannym iazykam v vuze [The role of innovational technologies in teaching foreign languages in university]. // *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsia*. Voronezh, 2015, №1. S. 128-133, cyberleninka.ru/article/n/rol-innovatsionnykh-tehnologiy-v-obuchenii-inostrannym-yazykam-v-vuze/viewer (Accessed on: 22.08.2020).
14. Solovova, E.N. Primernaya programma distsipliny «Inostrannyy iazyk» dlia neiazykovykh vuzov i fakul'tetov [Exemplary foreign language syllabus for non-language universities and faculties]. / E. N. Solovova, L. G. Kuz'mina, M. A. Sternina, M. V. Verbit-

- skia // pod obshch. red. prof. S. G. Ter-Minasovoi. M.: MGU, 2009. 15 s, www.vgsa.ru/facult/eco/kaf_cgdoc/language_pr1.pdf (Accessed on: 12.06.2020).
15. Solovova, E. N. Perspektivnye napravleniya razvitiya vuzovskoi metodiki prepodavaniya inostrannykh iazykov [Perspective directions of development of a high school technique of teaching foreign languages]. // *Vestnik MGIMO*. 2013, № 6 (33). S. 67–70.
 16. Fateeva, I. A. Novye tekhnologicheskie formaty mediaobrazovatel'nykh proektov [New technological formats of educational media projects]. // *Vestnik ChelGU*. Cheljabinsk, 2015, №5. S. 40–46.
 17. Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniya po napravleniu podgotovki 42.03.02 Zhurnalistika, utverzhdennyi Prikazom Minobrnauki №951 ot 7.08.2014 goda [Federal state educational standard of higher education in Journalism 42.03.02 decreed by the Education ministry on 7.08.2014], xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/10389 (Accessed on: 05.06.2020.)
 18. Filipovich, I.I. Predmetno-iazykovoie integrirovannoe obuchenie. Novyi shag v razvitii kompetentsii [Content and language integrated learning. New steps in the competence development]. // *Nauchnyi vestnik JuIM*. 2015, cyberleninka.ru/article/n/predmetno-yazykovoie-integrirovannoe-obuchenie-novyishag-v-razvitii-kompetentsiy/viewer (Accessed on: 20.08.2020).
 19. Iakovleva, N. F. *Proektnaia deiatel'nost' v obrazovatel'nom uchrezhdenii* [Project-based learning in educational institutions]. /N.F. Iakovleva. M.: FLINTA, 2014. 145s, www.kspu.ru/upload/documents/2015/10/19/71da327648fc882ccef7530c24077b1/proektnaya-deyatelnost-v-obrazovatel'nom-uchrezhdenii.pdf (Accessed on: 15.08.2020).
 20. Carroll, B. *Writing and Editing for Digital Media*. New York: Routledge. 2017. 430 p.
 21. Colye, D., Hood, P., Marsh, D. *CLIL: Content and Language Integrated Learning*. Cambridge: Cambridge University Press. 2010.184 p.
 22. *Common European Framework of Reference: Companion Volume with New Descriptors*, rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989 (Accessed on: 18.08.2020).
 23. Nunan, D. English for Specific Purposes. / D. Nunan, R. Carter // *Teaching English to speakers of other languages*. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. pp. 131-136
 24. Hyland, K. *Teaching and Researching Writing*. Pearson. Harlow. 2002. p. 19
 25. Internet World Stats, www.internetworldstats.com/stats4.htm (Accessed on: 20.06.2020).
 26. Nation I.S.P. *Teaching ESL/EFL Reading and Writing*. New York: Routledge. 2009. 184 p.
 27. Raimes, A. *Techniques in Teaching writing*. New York: Oxford University Press. 1983.
 28. Stanley, G. *Approaches to Process Writing*. www.teachingenglish.org.uk/article/approaches-process-writing#:~:text=The%20process%20approach%20treats%20all,in%20the%20writing%20process%20itself. (Accessed on: 20.08.2020).
 29. University Magazine Message. 2020, drive.google.com/file/d/1lsTvrG3NIIdNDJeOcwyzE0jZL1QyYThsj/view?fbclid=IwAR2MnTxR-2bvvyNH0PT6SD4iOQh6vx4B47LtOGHdUNIYI7jnt5BSO-occQ4 (Accessed on: 24.08.2020).

Сведения об авторах:

Костанян Зара Вартаковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Сфера профессиональных интересов: стилистика английского языка, лингводидактика, разработка учебных материалов по английскому языку для специальных целей, стилистический анализ текста.

Email: zarakostanian@yahoo.com

Кузнецова Светлана Юрьевна – кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры медиалингвистики факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Сфера профессиональных интересов: разработка учебных материалов по английскому языку, проектное обучение, кросскультурные и региональные исследования, кинематограф.

Email: skuznetsova07@gmail.com

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

About the authors:

Z.V. Kostanian – PhD in Linguistics, Associate Professor, Associate Professor of Media Linguistics Department at Moscow State University. Spheres of research and professional interest: course design and materials development for ESP, linguistics, stylistic analysis.

Email: zarakostanian@yahoo.com

S. Iu. Kuznetsova – PhD in Culture Studies, Senior Teacher at Media Linguistics Department at Moscow State University. Spheres of research and professional interest: course design and materials development for General English and ESP, project-based learning, cross-cultural and regional studies, cinema studies.

Email: skuznetsova07@gmail.com

Conflicts of interest: The authors declare absences of conflicts of interest.

* * *

COMMON PROBLEMS OF TEACHING RUSSIAN VERBS TO PERSIAN LANGUAGE STUDENTS USING RUSSIAN-PERSIAN BILINGUAL DICTIONARIES AS A TEACHING TOOL

Mohammadi Mohammad Reza, Ahmadi Mireyla, Baharloo Hadi, Ghalebandi Seyedeh Safoora

Tarbiat Modares University,
address: Iran, Tehran, Jalal AleAhmad, Nasr, P.O.Box: 14115-111

Abstract. *This article studies the Russian verb and its grammatical and semantic information in three dictionaries by Klevtsova S. D., Voskanyan G.A., Ovchinnikova I.K., which are the most relevant dictionaries at present and most often used while learning the Russian language in Iranian universities. In this work the problems with which Iranian students are faced while searching verb forms in these dictionaries are considered. By comparing these dictionaries in terms of the content and information contained in each entry, the author lists the differences between these dictionaries and points out the lack of some information necessary for Iranian students to learn. It seems that updating the content of the mentioned dictionaries will not only help to optimize the Russian language learning process by Iranian students at different educational levels, but also to solve translation problems.*

Key Words: *verb, teaching, Persian language student, bilingual dictionary, Russian-Persian dictionary*

For citation: Mohammadi Mohammad Reza, Ahmadi Mireyla, Baharloo Hadi, Ghalebandi Seyedeh Safoora 2020. Common Problems of Teaching Russian Verbs to Persian Language Students Using Russian-Persian Bilingual Dictionaries as a Teaching Tool. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 103–111. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-103-111>

ТИПИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ГЛАГОЛУ ИРАНСКИХ СТУДЕНТОВ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ ДВУЯЗЫЧНЫХ РУССКО-ПЕРСИДСКИХ СЛОВАРЕЙ КАК СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ

Мохаммади Мохаммад Реза, Ахмади Мирейла, Бахарлу Хади, Галеванди Сейеде Сафура

Государственный университет Тарбиат Модарес.
Иран, Тегеран, проспект Джалал Але Ахмад, университет Тарбиат Модарес, 14115-111.

Аннотация. Данная статья посвящена русскому глаголу и его грамматическим и лексическим характеристикам в трёх русско-персидских словарях: С.Д. Клевцовой., Г.А. Восканяна, а также И.К. Овчинниковой, являющихся на сегодняшний день наиболее авторитетными словарями при изучении русского языка в иранских вузах. В работе анализируются трудности, возникающие у иранских студентов при поиске глагольных форм в указанных словарях. Сравнивая вышеуказанные словари по содержанию информации, включённой в каждое гнездо заголовочного слова, авторы анализируют трудности, с которыми сталкиваются иранские студенты при изучении представленного в них лексического и грамматического материала. Рассматривая данные словари в качестве средств обучения, авторы предприняли попытку показать необходимость обновления не только содержащихся в них грамматических сведений о русских глаголах, но и их значений. Представляется, что обновление вышеупомянутых русско-персидских словарей не только поможет оптимизации процесса изучения русского языка иранскими студентами на разных уровнях обучения, но и устраним проблемы, возникающие в процессе перевода с русского на персидский язык.

Ключевые слова: глагол, обучение, иранский студент, двуязычный словарь, русско-персидский словарь

Для цитирования: Мохаммади Мохаммад Реза, Ахмади Мирейла, Бахарлу Хади, Галеванди Сейеде Сафура 2020. Типичные проблемы обучения русскому глаголу иранских студентов при употреблении двуязычных русско-персидских словарей как средств обучения. *Филологические науки в МГИМО*. Том 6. № 4(24). С. 103–111. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-103-111>

Для обучения ИЯ¹ используются различные средства, обуславливающие эффективность учебного процесса. Разнообразные средства обучения призваны оказывать помощь обучающимся при восприятии и запоминании нового материала, а также в ходе отработки практических навыков.

По словам А.Н. Шукина, в структурном отношении в системе обучения ИЯ принято выделять средства обучения для преподавателя, для учащихся, АВСО², а также ТСО³. Последняя разновидность средств адресуется как преподавателю, так и обучающимся [5, с. 213].

Одним из важнейших средств обучения, предназначенных для иностранных учащихся, можно считать словарь. Словарь в качестве необходимого каждому обучающемуся источника не только является помощником в процессе изучения ИЯ в различных коммуникативных, профессиональных и переводческих деятельности, но и способствует развитию разных видов речевой деятельности как на иностранном, так и на родном языке [3, с. 81].

В настоящее время в мире существуют разнообразные энциклопедические и языковые (лингвистические) словари, которые по-разному оказывают помощь своим пользователям при устранении различных языковых проблем. При рассмотрении средств обучения ИЯ можно особо отметить двуязычные словари.

Задачи, решаемые двуязычными словарями, охватывают самые разные области науки и практики, например, обучение иностранному языку и переводу при компетентностном подходе в условиях непрерывного образования, теории массовой коммуникации, теорию и практику научно-технической информации, переводоведение и многие другие [2, с. 84].

Когда речь идёт о словарях, особенно двуязычных, мы замечаем, что большинство иностранных студентов не умеет работать с таким словарем. Зачастую студенты вообще не считают, что данный источник может выступать в качестве эффективного средства обучения. Большое количество студентов воспринимает любой словарь как архив значений слов, а если это двуязычный словарь, – то как хранилище существующих значений иностранного языка. В настоящее время

¹ Иностранный язык

² Аудиовизуальные средства обучения

³ Технические средства обучения

существенные трудности заключаются в неумении обучающихся правильно использовать двуязычные словари. Такая проблема затрудняет весь процесс обучения [7, с. 166]. Опыт преподавания в иранских вузах свидетельствует о существовании данной проблемы в группах, где иранские студенты занимаются изучением русского языка.

Объектом исследования данной статьи является русский глагол, способы его употребления, а также его грамматические и лексические характеристики в исследуемых двуязычных словарях. Также анализируются трудности, возникающие у иранских студентов в ходе поиска глагольных форм в русско-персидских словарях. Авторы также проводят анализ эквивалентов некоторых частотных русских глаголов на персидском языке в двуязычных словарях. Предполагается, что рассмотрение этих проблем поможет устранить трудности, возникающие при изучении русского глагола студентами иранской аудитории.

Необходимо отметить, что предметом исследования стали глаголы, представляющиеся нам наиболее употребительными. Они были отобраны из «Частотного словаря русского языка» под ред. Л.Н. Засориной [9]. Кроме того, большая часть данной работы посвящена рассмотрению производных глаголов русского языка. Причина данного выбора состоит в том, что трудности, испытываемые иранскими студентами при работе с указанными словарями, в наибольшей степени связаны с производными глаголами.

В настоящее время в Иране существуют различные русско-персидские словари, среди которых наиболее авторитетными являются «Русско-персидский словарь» С.Д. Клевцовой (под редакцией Г.А. Восканяна) [4], «Русско-персидский словарь» Г.А. Восканяна [1], а также «Русско-персидский словарь» И.К. Овчинниковой [6]. Поскольку основным предметом данной исследовательской работы является изучение глагола, в работе предпринята попытка представить необходимую информацию об оформлении глаголов в упомянутых словарях.

Ниже мы приводим общие сведения об этих словарях, демонстрирующие существенные различия между ними.

1. Русско-персидский словарь С.Д. [4] – двуязычный переводной и учебный словарь, содержащий около 11 000 слов, предназначенный в частности для иранских студентов, изучающих русский язык с преподавателем или самостоятельно. Ниже перечисляются некоторые особенности подачи глаголов в данном словаре:

1.1. В данном словаре даются переводы при глаголах НСВ⁴, а СВ⁵ приводятся в словарном порядке по алфавиту со ссылкой на глагол НСВ. Например:

переживать [ف.اس.](НСВ) → **пережить** [ف.م.](СВ).

Наблюдается и исключение: если глагол СВ считается более частотным, тогда переводы даются при глаголах СВ: *взглянуть*.

1.2. Если одно из значений глагола используется только в одном виде, тогда к нему даётся помета *فقط ف.اس*. (только НСВ) или *فقط ف.م*. (только СВ).

1.3. Грамматические формы НСВ и СВ приводятся, как правило, в статье НСВ глагола. После перечислении грамматических форм НСВ в той же статье разрядкой даётся глагол СВ, а также его транскрипция и грамматические формы. Причём при глаголах НСВ даются формы первого и второго лица единственного числа настоящего времени.

1.4. Для глаголов неправильного образования, возвратных глаголов и глаголов второго спряжения даются также формы прошедшего времени (все роды, а также множественное число), форма повелительного наклонения после пометы *امر* (повелительное наклонение). В глаголах СВ даются формы первого и второго лица единственного числа.

1.5. Глаголы СВ, образованные от глаголов НСВ путём присоединения префикса к глаголу, часто имеют те же окончания, что и НСВ в настоящем времени. Таким образом, формы глагола СВ отдельно не приводятся, если ударение у них одно и то же. Например: *гулять* – *погулять*.

⁴ Несовершенный вид

⁵ Совершенный вид

1.6. При глаголах и их значениях, которые обязательно требуют дополнения, указываются падежные вопросы: кого-чего (род, падеж) и т.д. [там же, с.3–7, 10–12].

2. Русско-персидский словарь Г.А. Восканяна [1] – прежде всего словарь, предназначенный для русскоговорящих студентов, преподавателей, переводчиков, научных и практических работников. Кроме того, словарь может быть использован при чтении художественной и политической литературы на русском языке пользователями, для которых персидский язык является родным языком. Объём данного гнездового словаря – около 30 000 слов современного русского литературного языка. Характерная особенность данного словаря состоит в том, что он включает общественно-политическую лексику, а также научно-технические и специальные термины. Надо отметить, что словарь снабжён приложениями следующего содержания: список широкоупотребляемых буквенных сокращений, список неправильных глаголов, а также основные правила практической транскрипции в латинской графике. Ниже приводятся основные сведения о словаре:

2.1. Данный русско-персидский словарь – это алфавитно-гнездовой словарь, в котором заглавные слова располагаются в алфавитном порядке, а однокоренные с ними слова объединяются в одну статью-гнездо. При этом неизменяемая заглавная часть отделяется в заглавном слове при помощи параллельки (||), а остальные слова, объединённые в одно гнездо, заменяются тильдой (~).

2.2. В словарной статье слова располагаются в алфавитном порядке, за исключением случаев, когда в алфавитном соседстве представляются видовые пары основных глаголов и их возвратные формы. Чтобы избежать повторения, перед заглавным словом данной статьи-гнезда ставят звездочку (*). Пары-омонимы приводятся самостоятельно. Например:

***закрепить** сов., *закреплять* несов. ...|~*иться* сов., ~*ляться* несов.

2.3. В тех случаях, когда обычный порядок видовых пар (СВ после НСВ) меняется, тогда видовые формы даются с пометами вида. Например: **задержать** сов., *задерживать* несов. ...

2.4. В тех случаях, когда значения глагола НСВ имеют разные видовые пары, тогда последние приводятся к соответствующим значениям данного глагола. Например:

валять, *вывалять*, *свалять* 1. сов. *ывалять* 2. сов. *свалять*

Если же одно или несколько значений глагола употребляются только в НСВ, к этим значениям даётся соответствующая помета. Например:

выходить, *выйти* 1 ...2 тк. несов. (*быть обращённым в какую-л. сторону*).

2.5. При однокоренных глаголах перевод приводится только в том случае, если он отражает конкретное значение глагола, а в остальных случаях даётся ссылка к НСВ с пометой СВ однокоренного глагола:

махнуть сов. 1. *однокр. см. махать* 2. ...

2.6. Часто происходит так, что страдательный залог глагола при переводе персидскими грамматическими формами не включается. Включаются только те формы глагола, которые передаются лексически на персидский язык (с пометой страд. и переводами):

Выполняться несов. *страд.* انجام یافتن، اجرا شدن

2.7. Глагольное русское управление вообще не указывается [там же, с. 9-10]

3. Русско-персидский словарь И.К. Овчинниковой [6]:

Данный словарь предназначен для русскоязычных преподавателей, переводчиков и студентов. Данный словарь включает 36 000 слов и в сравнении с двумя рассмотренными выше словарями является более объёмным. В нём каждое заглавное слово со всеми относящимися к нему словами даётся в одной статье. Перед каждым заглавным словом приводятся все необходимые грамматические, стилистические и специальные пометы, а также перевод этого слова на персидский язык с транскрипцией.

Если рассматривать характеристики русских глаголов, представленные в данном словаре, можно указать на следующие особенности:

3.1. Если значение глагола НСВ шире, чем глагола СВ, после отсылки к СВ приводятся эквиваленты на персидском языке, присущие только НСВ:

Досматривать несов. 1. см. **досмотреть**; 2. (производить досмотр) بازرسی ک (بازرسی) ک, تفتیش ک (تفتیش) ک.

Досмотреть сов. 1. تمام ... را نگاه ک (تمام) ... را نگاه ک (تا آخر نگاه ک), تا آخر نگاه ک (تا آخر نگاه ک), تا ... را دیدن (تا ... را دیدن) (до какого-л. предела); 2.: نه ~ مواظبت نکردن, دقت نکردن

3.2. В тех случаях, когда глагол СВ и НСВ переводятся по-разному, значения даются отдельно:

Заслуживать несов. 1. см. **заслужить**; 2. (быть достойным) شایسته ... ب (شایسته) ... ب; قابل ... ب (قابل) ... ب, سزاوار ... ب (سزاوار) ... ب (о ком-л.); قابل اعتماد ... ب (قابل اعتماد) ... ب (о чём-л.); ~ **доверия** اعتماد

Заслужить сов. شایستگی ... را پیدا کردن (شایستگی) ... را پیدا کردن, لایق ... ب (لایق) ... ب, شایسته ... ب (شایسته) ... ب, شایستگی ... را دیدن (شایستگی) ... را دیدن (до какого-л. предела); 2.: نه ~ مواظبت نکردن, دقت نکردن

3.3. Наиболее частотные вспомогательные глаголы в составе персидских сложных глаголов даются сокращённо, указывается лишь их первая буква, как в графике, так и в транскрипции:

آمدن *амәдән* – آ a
داشتن *даштән* – د d

3.4. После перевода глагола на персидский язык в скобках приводятся все возможные варианты глагольных управлений. Например:

бороться несов. 1. مبارزه ک (مبارزه) ک (с кем); بر علیه (بر علیه) (против кого-чего); بر ضد (بر ضد) (за что); بخاطر (بخاطر) (за что); ... (در) ... راه

3.5. Как подчёркивает автор в предисловии, в словарь не включены стандартные формы глаголов. В тех случаях, когда глагол НСВ помимо страдательного обладает и средним значением, тогда среднее значение даётся с переводом или отсылкой к соответствующему глаголу СВ, а страдательное значение – с указанием на исходную форму действительного залога НСВ с отсылкой к глаголу СВ, снабжённому переводом:

Сжиматься несов. 1. см. **сжаться**; 2. страд. к **сжимать** (см. **сжать** I)
[там же, с. 14–17].

Исходя из анализа глагольных форм русского языка, содержащихся в трёх рассмотренных нами словарях, можно отметить следующие проблемы, затрудняющие работу с данными словарями для иранских студентов.

1. Прежде всего, рассмотрим русско-персидский словарь С.Д. Клевцовой [4].

1.1. Одна из важнейших проблем относится к содержанию словаря С.Д. Клевцовой. В предисловии к данному словарю автор подчёркивает, что при его составлении были использованы учебные словари на других языках: например, Русско-английский учебный словарь Б.А. Лапидуса и С.В. Шевцовой (1962), а также Частотный словарь современного русского литературного языка Э.А. Штейнфельда (1963) [там же, с. 1].

В данном словаре можно заметить отсутствие некоторых частотных производных глаголов современного русского языка, в особенности приставочных глаголов, которые можно встретить в русских учебниках, предназначенных для иностранных студентов: «проживать–прожить», «передаваться – передаться», «задаваться – задаться».

1.2. В предисловии к словарю С.Д. Клевцовой отмечено, что для поиска глагола СВ необходимо обращаться к его видовой паре НСВ. Например: **оказаться** *оказываться* نگاه *перепутать* *перепутывать* نگاه и т.д.

Существуют глаголы СВ, которые не выделяются в корпусе словаря отдельно, а только помещаются в ту статью, где дана их видовая пара НСВ. Например, частотный приставочный глагол «заработать», который не приводится на своём алфавитном месте со ссылкой на глагол НСВ, но его можно найти в словарной статье его видовой пары «зарабатывать». Таким образом, в случае незнания видовой пары данных приставочных глаголов иранские студенты не смогут их найти.

1.3. Выше было отмечено, что в словаре С.Д. Клевцовой при глаголах и их значениях, которые обязательно требуют дополнения, указываются падежные вопросы. Здесь обучающиеся также сталкиваются с рядом проблем, связанных с глагольным управлением. Перечислим некоторые

из них: 1) глаголы «*прибывать*–*прибыть*», требующие глагольного управления «*куда?*», которого нет в словаре. Сюда эта пара включена без управления. 2) глагол «*поговорить*», единственное управление, указанное в словаре, – творительный падеж (*с кем?*), в то время как в толковых словарях русского языка для данного глагола приводится управление также в предложном падеже – «*с кем – о чем?*». 3) для пары «*задавать* – *здать*» в толковых словарях русского языка приводится управление «*что – кому?*», в данном словаре управление «*кому?*» отсутствует.

2. Второй анализируемый нами словарь – Русско-персидский словарь Г.А. Восканяна [1].

Рассматривая приставочные глаголы, включённые в гнездо соответствующего заголовочного слова, сталкиваемся с приставочными глаголами, для которых не отведена отдельная статья. Чтобы их найти, необходимо зайти в ту статью-гнездо, в которую включено однокоренное с ними слово. В качестве примера приводим две частотные приставочные пары:

2.1. Паре «*подписывать* – *подписать*» не посвящена отдельная статья, она включена в гнездо заголовочной статьи «*подписка*». Вопрос, на который необходимо обратить внимание, – наличие в словаре других однокоренных этой паре слов (*подписание, подписанный, подпись*). Иранским студентам младших курсов часто трудно найти необходимую им видовую пару. Причина этой трудности состоит в том, что студенты на начальных этапах обучения, встречая однокоренные слова в алфавитном порядке (*подписание, подписанный, подпись и подписка*), считают, что нужной им глагольной пары нет в словаре.

2.2. Другим примером можно считать частотный глагол «*написать*» – видо-временная форма частотного глагола НСВ «*писать*». Несомненно, идя по алфавитному порядку, студенты сталкиваются с первым заглавным словом «*написание*», где отмечено, что для обнаружения глагола «*написать*» необходимо обращаться к глаголу «*писать*», в то время как этот глагол включён в статью-гнездо однокоренного с ним слова «*писатель*».

Таким образом, указанные проблемы затрудняют работу с данными словарями (особенно студентам младшего курса). Причины можно перечислить в нескольких пунктах:

1) Ознакомление с основными грамматическими характеристиками русского глагола считается важным для тех, кто начинает изучать этот предмет. Поскольку этот словарь рассчитан на русскоязычную аудиторию, в нём, в отличие от учебного словаря С.Д. Клевцовой, не приводятся формы спряжения глаголов, а также управление глагола (падежных форм управления не существует в персидском языке). Считаем необходимым включение глагольного управления в русско-персидские словари, чтобы иранские студенты при переводе могли их найти.

2) Основные и возвратные глаголы не смешиваются в отдельной статье-гнезде. Поскольку иранские студенты младшего курса часто не имеют никакого представления о частице –ся в сочетании с глаголами, им трудно найти нужные возвратные глаголы. Представляется, что ознакомление со словообразованием русских слов, в том числе глаголов, является важнейшим фактором, помогающим эффективно использовать данный словарь.

3. Далее рассмотрим «Русско-персидский словарь» И.К. Овчинниковой [6].

3.1. Способ оформления слов, в частности глаголов, в данном словаре несколько отличается от других словарей. Например, в отличие от двух предыдущих словарей, для того чтобы найти значения глаголов, нужно обращаться к той статье, куда включен глагол СВ. Кроме того, при оформлении глагольной статьи автор предусматривает некоторые правила, ознакомление с которыми необходимо для всех, кто использует данный словарь.

Как уже выше было отмечено, в словарь не вошли стандартные формы глаголов. В связи с этим, перед тем как использовать данный словарь (как любой словарь) в иранской аудитории, считается необходимым познакомить иранских студентов с правилами использования данного словаря.

3.2. В предисловии к данному словарю было отмечено, что после перевода глагола на персидский язык в скобках даются все возможные варианты глагольного управления. Однако этот принцип не соблюдается при подаче некоторых глаголов, рассмотренных нами. Например, при приставочных глаголах «*переживать* – *пережить*», «*издавать* – *издать*», «*задавать* – *здать*», «*придавать* – *придать*» и т.д. Как было подчёркнуто выше, в персидском языке падежного

управления не существует. Таким образом, студенты младшего курса при использовании данного словаря часто сталкиваются с проблемами.

Кроме вышеперечисленных проблем, касающихся использования данных словарей в отдельности, необходимо обратить внимание на общие трудности, с которыми сталкиваются иранские студенты при обращении к ним в процессе изучения русского языка:

Один из важнейших вопросов при изучении русских приставочных глаголов – употребление приставочных глаголов в сочетании с разными предлогами. Например: «вчитываться – вчитаться» + «во что», «дочитывать – дочитать» + «до чего» и т.д.

Хотя словарь С.Д. Клевцовой считается учебным словарем, в нём этот важный вопрос не освещается вообще, а в остальных словарях редко обращается внимание на данную проблему. Например: отсутствие управления приставочного глагола «договариваться», употребляемого с предлогом «до»+ *Р.п.*⁶ существительного; приставочного глагола «выписывать» + предлог «из» + *Р.п.* Опыт преподавания в иранской аудитории показал: вопреки тому, что понимание и употребление данных глагольных форм, по-видимому, считается несложным для иранских студентов старших курсов, студентам младших курсов зачастую трудно понимать и использовать их в своей письменной и устной речи. Причина данной проблемы состоит в том, что студенты не знакомы со способами русского глагольного словообразования, которые не присущи персидскому глаголу. Представляется важным объяснение этих вопросов преподавателями русского языка в иранской аудитории, чтобы устранить возникновение трудностей при использовании толковых русских словарей иранскими студентами.

Обобщая все упомянутые проблемы, касающиеся рассмотренных словарей, укажем и на проблемы, требующие обновления содержания словарей. Например, отсутствие множества частотных глаголов, и в особенности их управления, а также отсутствие некоторых лексических значений при глаголах. В приведённой ниже таблице предлагаем некоторые значения русских глаголов, которые можно добавить. Чтобы продемонстрировать отсутствие некоторых значений в русско-персидских словарях, рассматривалось основное значение глаголов в «Толковом словаре современного русского языка Д.Н. Ушакова» [8].

№	Русский глагол	Основное значение в Толковом словаре современного русского языка Д.Н. Ушакова	Предлагаемое значение на персидском языке, которое можно добавить в русско-персидские словари
1.	побыть	Остаться, пробыть недолгое время.	کمی ماندن 'немного остаться'
2.	оговориться	2. Ошибиться в речи, употребив другое, не то, которое нужно, слово; случайно или бессознательно сказать не то, что нужно.	تبیق زدن، اشتباه لپی کردن 'неожиданно произносить то, что не нужно'
3.	передать	1. кого-что. Вручить, отдать кому-н.	بدست کسی رساندن 'передать кому-нибудь'
4.	поговорить	1. Провести время в разговоре.	گپ زدن 'провести некоторое время в разговоре'

Следующая проблема, с которой часто сталкиваются иранские студенты младших курсов, относится к непониманию принципов построения русско-персидских словарей. Например: Кому адресуется данный словарь? Как включены в него разные части речи? Что обозначают аббревиатуры? и т.д. В процессе изучения русских глаголов студенты на начальных этапах учёбы зачастую не знают, как найти нужную им информацию. Это приводит к возникновению больших сложностей для студентов, пользующихся двуязычными словарями. Рекомендуются тем, кто занимается преподаванием русского языка (особенно на начальных этапах обучения), составить такой учебный план, при котором было бы возможно познакомить студентов с основными характеристиками данных словарей и научить их правильному использованию каждого из них. Иными словами, следует знакомить студентов со словарем как с одним из важнейших учебных средств, помогающих лучше и проще изучать русский язык.

⁶ Родительный падеж

Словарь (в том числе двуязычный словарь) является хранилищем слов, а также важнейшим и достоверным источником, отражающим различные сведения о словах на разных языках мира. Таким образом, считается необходимым обновление и всестороннее рассмотрение двуязычных русско-персидских словарей и в Иране, и в России. Также придерживаемся мнения, что иранские преподаватели на занятиях по русскому языку должны уделять больше внимания изучаемым глаголам и знакомить студентов с вопросами, отсутствующими в словарях или в учебниках.

В качестве рекомендации можно предложить идею о составлении учебного русско-персидского словаря наиболее частотных глаголов, так как основная проблема заключается в передаче семантики разными языковыми средствами (в русском языке – средства аффиксации (переводить, доводить и т.д.), в персидском – разные лексические единицы (ارساندن، ترجمه کردن، انتقال کردن, хотя средства аффиксации тоже присутствуют, в частности префиксальные глаголы (برداشتن-داشتن) и т.д.

В качестве отдельного приложения предлагаем включать нужные сведения о грамматических категориях русского глагола, его спряжении и др., которые способны оказать существенную помощь студентам в эффективном изучении русских глаголов.

© Мохаммади Мохаммад Реза, Ахмади Мирейла, Бахарлу Хади, Галеванди Сейеде Сафура, 2020

Список литературы

1. Восканян Г.А. Русско-персидский словарь: ок. 3000 слов / Г. А. Восканян. М.: АСТ: Восток–Запад, 2008.
2. Девель Л.А. Двуязычная лексикография: алгоритм описания // Вестник СПбГУ: Сер. 9. Вып. 1. 2011. С. 84–90.
3. Кароматова З.Ф. Работа со словарем – эффективный способ изучения английского языка // Достижения науки и образования. Иваново: № 4. 2017. С. 81–82.
4. Клевцова С.Д. Русско-персидский словарь / С. Д. Клевцова. Тегеран: Фаджре Ислам, 1995.
5. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие для вузов / А.Н. Шукин. М.: Высшая школа, 2003.
6. Овчинникова И.К. Русско-персидский словарь / И. К. Овчинникова. Мешхед: Джавдане Херад, 2005.
7. Прокудина О.А. Применение электронного двуязычного словаря при работе с текстами по специальности: теория и практика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (25). 2013, часть 1. 2013. С. 166–168.
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. М.: Аделант, 2013.
9. Частотный словарь русского языка / под ред. Л.Н. Засориной. М.: 1997.

References

1. Voskanian, G. A. *Russko-persidskii slovar'*: ok. 3000 slov [Russian-Persian dictionary: about 3000 w.] / G. A. Voskanian; M., AST: Vostok–Zapad, 2008.
2. Devel', L. A. *Dvuiazychnaia leksikografiia: algoritm opisaniia* [Bilingual lexicography: description algorithm] // *Vestnik SPbGU*. Ser. 9. Vyp. 1. 2011. S. 84–90.
3. Karomatova, Z. F. *Rabota so slovarem – jeffektivny sposob izuchenii angliiskogo iazyka* [Working with a dictionary – an effective way to learn English] // *Dostizheniia nauki i obrazovaniia*. Ivanovo: № 4. 2017. S. 81–82.
4. Klevtsova, S. D. *Russko-persidskii slovar'* [Russian-Persian dictionary] / S. D. Klevtsova; Tegeran: Fadzhre Islam, 1995.
5. *Metodika prepodavaniia russkogo iazyka kak inostrannogo: ucheb. posobie dlia vuzov* [Methods of teaching Russian as a foreign language: Textbook. manual for universities] / A. N. Shhukin; M., Vysshiaia shkola, 2003.
6. Ovchinnikova, I. K. *Russko-persidskij slovar'* [Russian-Persian dictionary] / I. K. Ovchinnikova; Meshhed, Dzhavdane Herad, 2005.
7. Prokudina, O. A. *Primenenie elektronnoho dvuiazychnogo slovaria pri rabote s tekstami po special'nosti: teoriia i praktika* [The use of electronic bilingual dictionary when working with texts in the specialty: theory and practice] // *Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki*. № 7 (25). 2013. C. 166–168.
8. Ushakov, D.N. *Tolkovy slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language] / D.N. Ushakov; M., Adelant, 2013.
9. *Chastotny slovar' russkogo iazyka* [Frequency dictionary of the Russian language] / pod red. L.N. Zasorinoi. M. 1997.

Сведения об авторах:

Мохаммади Мохаммад Реза – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка государственного университета Тарбиат Модарес (Тегеран, Иран).

E-mail: mrmoham@modares.ac.ir

Ахмади Мирейла – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка государственного университета Тарбиат Модарес (Тегеран, Иран).

E-mail: mireyla@modares.ac.ir

Бахарлу Хади – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка государственного университета Тарбиат Модарес (Тегеран, Иран).

E-mail: baharloo@modares.ac.ir

Галебанди Сейеде Сафура – аспирантка кафедры русского языка государственного университета Тарбиат Модарес (Тегеран, Иран).

Email: s.ghalebandi@modares.ac.ir

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

About the authors:

Mohammadi Mohammad Reza – Candidate of Philology, Russian language department, Associate Professor at Tarbiat Modares University.

E-mail: mrmoham@modares.ac.ir

Ahmadi Miryla – Candidate of Philology, Russian language department, Associate Professor at Tarbiat Modares University.

E-mail: mireyla@modares.ac.ir

Baharloo Hadi – Candidate of Philology, Russian language department, assistant professor at Tarbiat Modares University.

E-mail: baharloo@modares.ac.ir

Ghalebandi Seyedeh Safoora – a graduate student of the Russian language department at the Russian Language department at Tarbiat Modares University.

Email: s.ghalebandi@modares.ac.ir

Conflicts of interest: The authors declare absences of conflicts of interest.

* * *

INTERCONNECTION OF PERFECTION AND SUCCESS IN LEARNING FOREIGN LANGUAGES

Olga Yu. Savina

University of Tyumen,
6 Volodarskogo Street, 625003 Tyumen, Russia.

Abstract. *The article deals with the relationship between perfectionism in the academic environment and foreign language learning. After defining the basic concepts (the three-dimensional model of perfectionism, its components, the multidimensional perfectionism scale by P. Hewitt and G. Flett), the results of the current related research conducted abroad and in Russia are briefly presented. The literature review allowed us to formulate a research question: Are the foreign language and its level of proficiency (on the Common reference levels) related to the degree of perfectionism and its components?*

In search of an answer to this question, an empirical study was conducted (sample size 213 participants). Using objective statistical methods, it was found that, in general, there are no statistically significant differences between students studying different languages and students at different levels. However, differences in the degree of perfectionism between A2 level and neighboring levels attract attention in terms of the effect sizes. For individual components of perfectionism, the levels of Basic user (A1 and A2) differ most from other levels.

The presented results can be useful both for foreign language teachers and for scientists dealing with the success of language learning and the factors affecting this process.

Key Words: *self-oriented perfectionism, other-oriented perfectionism, socially prescribed perfectionism, foreign language proficiency, self-assessment*

For citation: Savina O.Yu. 2020. Interconnection of Perfection and Success in Learning Foreign Languages. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 112–124. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-112-124>

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И УСПЕШНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

О.Ю. Савина

Тюменский государственный университет,
625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6

Аннотация. Статья посвящена вопросу о взаимосвязи между перфекционизмом в академической среде и изучением иностранного языка. После определения основных понятий (трёхмерная модель перфекционизма, её составляющие, многомерная шкала перфекционизма П. Хьюитта и Г. Флетта) кратко представлены результаты актуальных смежных исследований, проведённых за рубежом и в России. Литературный обзор позволил выявить лакуны, требующие внимания, и сформулировать исследовательский вопрос: Связаны ли изучаемый иностранный язык и уровень владения им (по общеевропейской шкале) со степенью выраженности перфекционизма и его составляющих?

В поисках ответа на этот вопрос было проведено эмпирическое исследование (объём выборки 213 человек). С использованием объективных статистических методов было выявлено, что статистически значимых различий между студентами, изучающими разные языки и владеющими ими на разных уровнях, в целом нет. Однако по силе эффекта обращают на себя внимание отличия в степени перфекционизма между уровнем А2 и соседними уровнями. По отдельным составляющим перфекционизма наиболее сильно отличаются уровни элементарного владения (А1 и А2) от других уровней.

Представленные результаты могут быть полезны как преподавателям иностранных языков, так и учёным, занимающимся вопросами успешности изучения языков и факторов, оказывающих влияние на этот процесс.

Ключевые слова: перфекционизм, ориентированный на себя; перфекционизм, ориентированный на других; социально предписанный перфекционизм, иностранный язык, уровень владения, самооценка

Для цитирования: Савина О.Ю. 2020. Взаимосвязь перфекционизма и успешности изучения иностранных языков. *Филологические науки в МГИМО*. Том 6. № 4(24). С. 112–124. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-112-124>

Введение

Современные эмпирические исследования в области лингводидактики традиционно опираются на разные базовые науки, включая психологию, дидактику и лингвистику [12, с. 127–128]. Однако проблема перфекционизма в академической среде в целом и его влияния на успеваемость по иностранным языкам в частности изучена по-прежнему недостаточно глубоко [5; 20; 10].

Как перфекционизм, то есть стремление быть совершенным, безупречным во всем, определяет успешность изучения иностранных языков? На первый взгляд может показаться, что перфекционисты, стремясь к совершенству, всё делают лучше. Принято считать, что перфекционизм присущ академически успешным и одарённым людям, прилежным ученикам. Значит ли это, что и иностранный язык перфекционисты могут освоить лучше других? Мы предположили, что не только перфекционизм как свойство человеческой личности влияет на эффективность изучения иностранного языка, но и сам изучаемый язык накладывает своеобразный отпечаток на личность изучающего, то есть перфекционизм и иностранный язык оказывают друг на друга взаимное влияние.

В статье представлены различные точки зрения на перфекционизм и его виды, проанализированы исследования перфекционизма в академической среде, проведённые в последние годы, а также подробно изложены результаты собственного эмпирического исследования, нацеленного на определение характера взаимосвязи между перфекционизмом и изучаемым иностранным языком, и успешностью его изучения, представленной самооценкой по общеевропейской шкале.

1. Виды перфекционизма

Существует много разных подходов к пониманию понятия перфекционизма и его структуры. В самом широком толковании под перфекционизмом понимается «стремление к безупречности и совершенству в поведении и деятельности, касающихся разных сфер жизни» [8, с. 66]. Несмотря

на существующие разные точки зрения, большинство учёных сходятся во мнении, что перфекционизм включает в себя, во-первых, «перфекционистское стремление» (*perfectionistic strivings*) – высокие личные стандарты (ожидаемые результаты), а во-вторых, «перфекционистские проблемы» (*perfectionistic concerns*) – чрезмерную самокритику или опасения по поводу достижения или поддержания личных стандартов. Приведённые термины принадлежат Й. Штёберу и К. Отто [17, с. 368]. Перфекционистское стремление как требовательное совершенство себя и установление высоких личных стандартов некоторыми исследователями оценивается как позитивное (или адаптивное), в то время как перфекционистские проблемы рассматриваются как тенденция к чрезмерной фокусировке на недостатках, ошибках, критике и воспринимаемом несоответствии между фактическими и идеальными достижениями [20, с. 174].

Разными психологическими школами были разработаны несколько концепций перфекционизма: американская (R. Slaney, J. Ashby, K. Rice), канадская (P. Hewitt, G. Flett), британская (R. Frost) и российская (Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогорова, Т.Ю. Юдеева [5, с. 429]. Подробный анализ существующих моделей перфекционизма хорошо представлен В.А. Ясной и С.Н. Ениколоповым [9].

В интересах данного исследования остановимся на двух подходах: противопоставлении адаптивного / неадаптивного перфекционизма и выделении перфекционизма, ориентированного на себя, на других, и социально предписанного перфекционизма.

Деление на положительный (позитивный, здоровый, адаптивный) и отрицательный (негативный, патологический, неадаптивный) перфекционизм поддерживается многими исследователями [16; 15; 7]. «Нездоровые» перфекционисты имеют более высокий уровень перфекционистских стремлений, но низкий уровень забот, а «здоровые» перфекционисты имеют высокий уровень стремлений, но низкий уровень забот [17, с. 368]. Иными словами, отрицательный перфекционизм нацелен на предотвращение негативных последствий своих действий / бездействия, а положительный – на достижение позитивных последствий [16, с. 667].

В настоящее время активно применяется и трёхмерная модель перфекционизма, разработанная П. Хьюиттом и Г. Флеттом [18], в рамках которой выделяют перфекционизм, ориентированный на себя (ПОС, *self-oriented perfectionism*), перфекционизм, ориентированный на других (ПОД, *other-oriented perfectionism*), и социально предписанный перфекционизм (СПП, *socially prescribed perfectionism*).

Перфекционизм, ориентированный на себя, подразумевает нереалистичные, завышенные требования, предъявляемые к себе, самокопание и самокритику, которые делают невозможным принятие собственных изъянов, недостатков и неудач. Перфекционизм, ориентированный на других, подразумевает преувеличенные и нереалистичные требования к окружающим. Социально предписанный перфекционизм – это ощущение человека, что ему предъявляют завышенные и нереалистичные требования, которым необходимо соответствовать, хотя это и нереально [2].

Эта трёхмерная модель перфекционизма будет применена в данном исследовании в связи с тем, что авторов интересуют разнонаправленные факторы, определяющие успех в изучении иностранных языков. Кроме того, трёхмерная модель позволяет учесть не только субъектно-ориентированный, но и объектно-ориентированный перфекционизм.

Для диагностики перфекционизма разработано большое количество инструментов (подробнее см. у А.А. Золотаревой [3]). В настоящем исследовании была использована «Многомерная шкала перфекционизма» (*Multidimensional Perfectionism Scale, MPS*) П. Хьюитта (P.L. Hewitt) и Г. Флетта (G.L. Flett) [6], впервые адаптированная в России И.И. Грачевой [1]. Она содержит несколько подшкал и позволяет выявить степень и характер соотношения составляющих перфекционизма.

2. Исследования перфекционизма в академической среде

В последние годы перфекционизм в академической среде всё чаще становится предметом исследований в разных странах мира и в разных академических контекстах. Так, было установлено, что любое увеличение положительных показателей перфекционизма у студентов связано со снижением уровня депрессии, а также с повышением их самооценки (Иран, 2010) [19, с. 34]. Была

выявлена положительная взаимосвязь между многомерным перфекционизмом и мотивационной ориентацией, как внутренней, так и внешней (Иордания, 2019) [13, с. 107-108]. При сравнении двух разных возрастных групп и академических контекстов – студентов университета и учеников гимназии – было установлено, что фактические достижения учащихся не зависят от перфекционистского профиля и самооценки (Финляндия, 2019) [14].

Исследований о закономерностях проявления перфекционизма при изучении иностранных языков крайне мало, и многие учёные отмечают, что этот вопрос требует ответа [15, с. 136; 10, с. 95]. Приведём три примера.

Л.Б. Киселёва (СПбГМТУ, 2015) определяла зависимость успеваемости по английскому языку от выраженности у студентов перфекционизма (на первом курсе технического вуза) и установила, что самые высокие показатели перфекционизма оказались у относительно успешных в английском языке студентов (в отличие от успешных и неуспешных) [5, с. 432], то есть «студенты с высоким уровнем перфекционизма редко достигают значительных успехов в овладении иностранным языком» [5, с. 437].

К. Ванг, Т.М. Пермякова и М.С. Шевелева (ВШЭ, 2018) исследовали взаимосвязь между перфекционизмом и языковой тревожностью при изучении иностранного языка. Авторы пришли к выводу, что такая связь существует. Возможное объяснение этой взаимосвязи они видят в том, что перфекционисты, как правило, озабочены своими ошибками в иностранном языке, которые для них означают несовершенство. Для них ограниченное знание о лексике и грамматике нового языка может быть очень проблематичным. Ведь изучение языка означает многократное повторение ошибок и недостатков. Таким образом, авторы рассматривают перфекционизм как потенциальный барьер для изучения иностранных языков [15].

Исследуя взаимодействие между эффективностью изучения английского языка и перфекционизмом, И. Фараг (США, 2020) установил, что уровень владения изучаемым языком не коррелирует с самооценкой [10].

Таким образом, проведённый анализ литературы позволяет сделать вывод, что в России было мало исследований перфекционизма при изучении иностранных языков. Сравнительных исследований при изучении разных языков вообще не удалось обнаружить. В то время как необходимость сравнения того, как влияет перфекционизм на процесс изучения разных иностранных языков, отмечается другими учеными [15, с. 145-146]. Помимо этого, авторы подчёркивают, что нужно больше узнать о различных факторах и психологических механизмах, связанных с успешным освоением иностранных языков.

3. Эмпирическое исследование

Таким образом, концепция данного исследования вполне соответствует актуальной научной повестке. Его гипотеза состояла в том, что перфекционизм может иметь разную степень выраженности у студентов, изучающих разные иностранные языки как специальность (так как каждая языковая система накладывает свой ментальный отпечаток), а также у студентов, владеющих этими языками на разном уровне.

Для проверки этой гипотезы было проведено эмпирическое исследование. Участниками выборки стали 213 студентов первого-четвертого курса бакалавриата Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (32 юноши, 181 девушка). Большинство студентов учатся на направлении Лингвистика (173 человека), то есть изучают языки как специальность – интенсивно и глубоко, остальные – на других направлениях (40 человек), то есть изучают языки только как общеобразовательную дисциплину. Студенты принимали участие в исследовании добровольно и анонимно. Им была объяснена цель исследования, которое включало анкетирование о демографических данных и опросник, построенный на Многомерной шкале перфекционизма П. Хьюитта и Г. Флетта. Опрос проводился в электронном формате с использованием инструмента Google.Forms.

Для сбора эмпирических данных была использована Многомерная шкала перфекционизма (Multidimensional perfectionism scale; МШП). Данный опросник состоит из 45 вопросов (по

15 баллов в каждой из трёх шкал), время прохождения теста 10-15 минут. Сумма баллов, набранная испытуемым по всем трём субшкалам, отражает общую степень перфекционизма [2].

Для обработки данных использовался табличный редактор Excel v. 2010, статистический пакет SPSS Statistics v. 23 и программа JASP v. 0.11.1.

4. Результаты исследования

Собранные данные были проанализированы – проведено сравнение выявленных уровней перфекционизма и его составляющих по изучаемым языкам и по самооценке уровня владения иностранным языком.

В целом по выборке преобладает средний уровень общего перфекционизма, то есть умеренно выраженное стремление быть совершенным и безупречным во всём (67%) (см. рис. 1). Этот результат согласуется с данными, приведёнными Н.Н. Карловской и А.С. Сысоевой [4, с. 6].

Если рассматривать отдельно различные виды перфекционизма, то можно заметить, что перфекционизм, ориентированный на себя (ПОС), выражен наименее сильно. В то время как перфекционизм, ориентированный на других (ПОД), и социально предписанный перфекционизм (СПП) выражены гораздо сильнее. По-видимому, даже при среднем уровне общего перфекционизма современные студенты более требовательны к другим, чем к себе, и более чувствительны к требованиям общества.

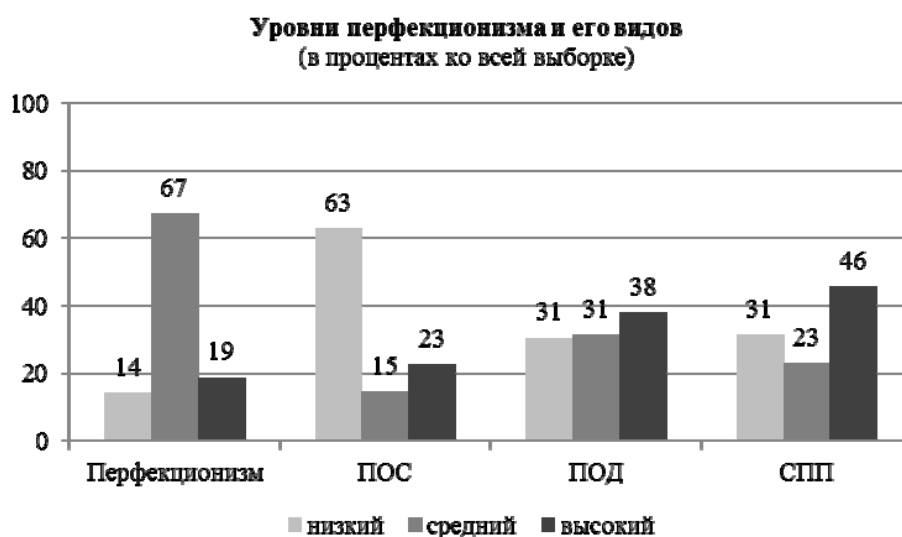

Рис. 1. Уровни перфекционизма и его видов (в целом по выборке)

Таблица 1.

Описательные статистики групп по изучаемым языкам

Виды перфекционизма	ИЯ	N	Среднее	Медиана	Ст. отклонение	Шапиро-Уилка	Уровень значимости Шапиро-Уилка	Минимум	Максимум
Перфекционизм общий	en	135	184,59	186,2	24,82	0,99	0,17	95,2	259
	de	46	188,73	184,8	26,19	0,96	0,07	134,4	257,6
	fr	32	181,13	182	16,2	0,93	0,04	154	229,6
Перфекционизм, ориентированный на себя	en	135	68,98	67,2	13	0,99	0,55	30,8	103,6
	de	46	69,27	69,3	13,93	0,99	0,83	37,8	100,8
	fr	32	68,60	68,6	10	0,98	0,7	51,8	91
Перфекционизм, ориентированный на других	en	135	57,03	57,4	10,74	0,98	0,04	21	91
	de	46	57,22	56	10,5	0,97	0,3	37,8	81,2
	fr	32	55,26	56	7,01	0,96	0,34	42	70
Социально предписанный перфекционизм	en	135	58,58	58,8	10,29	0,99	0,2	30,8	95,2
	de	46	62,24	61,6	10,14	0,97	0,19	44,8	88,2
	fr	32	57,27	56	8,11	0,93	0,03	44,8	84

4.1. Сравнение уровней перфекционизма по изучаемым языкам

Данные по изучаемым языкам представлены в таблице 1. Независимая переменная Изучаемый язык является номинальной шкалой и включает три уровня: английский – немецкий – французский. Группы полагаются как несвязанные, потому что каждый студент опрашивался только в отношении одного изучаемого языка.

Средний уровень общего перфекционизма характеризует и каждую из языковых групп (en – 65%, de – 65%, fr – 78%). Это же можно сказать и о перфекционизме, направленном на себя (en – 64%, de – 54%, fr – 72%). В то время как перфекционизм, направленный на других, заметно отличается (см. рис. 2).

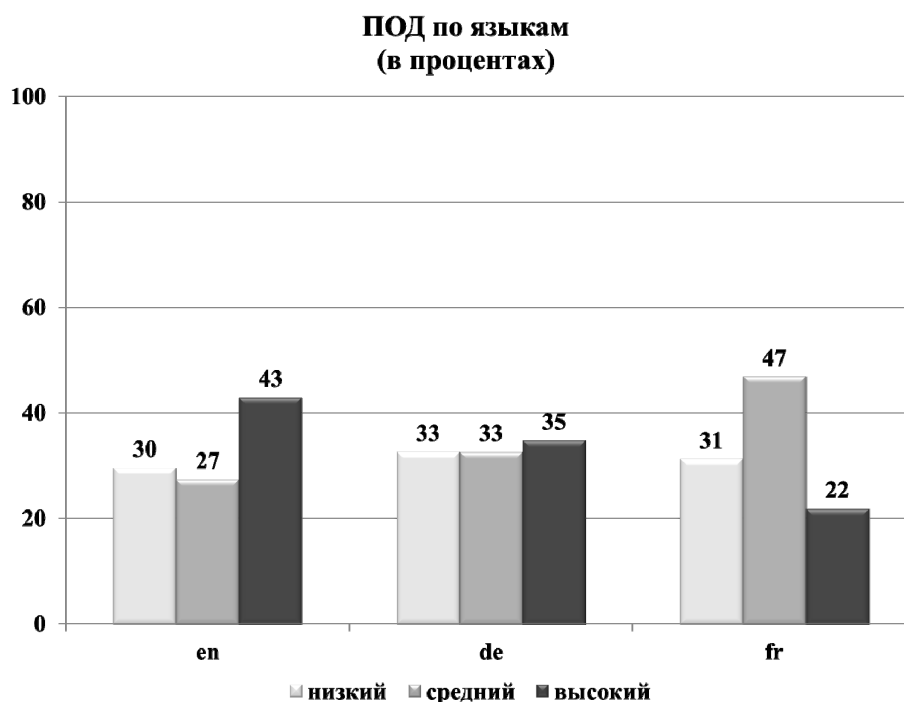

Рис. 2. Перфекционизм, ориентированный на других, по языкам (в процентах)

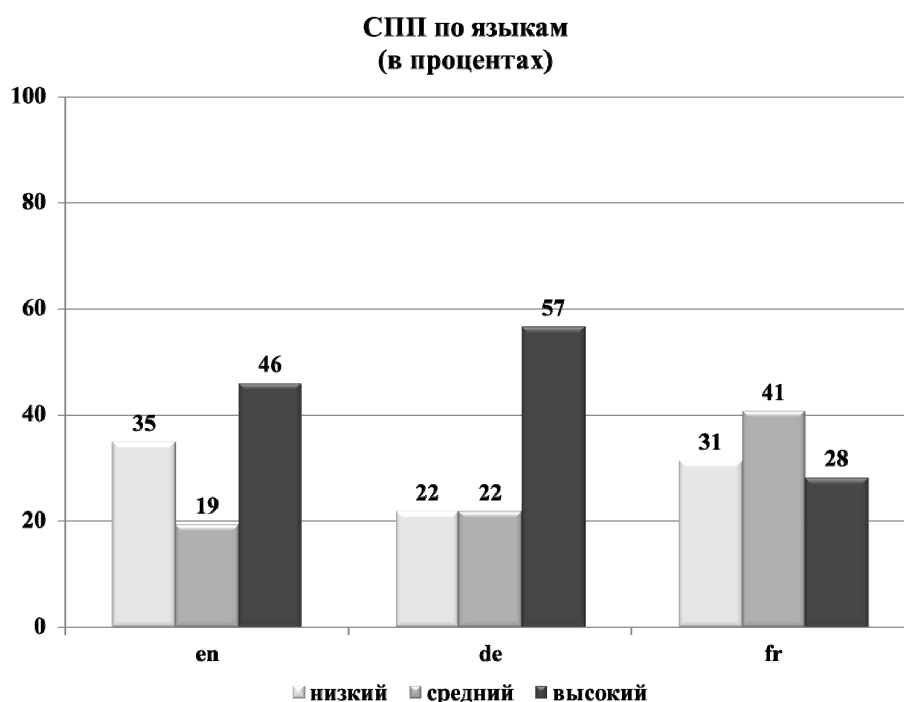

Рис. 3. Социально предписанный перфекционизм по языкам (в процентах)

Мы видим, что «англичане» более требовательны к окружающим. Среди них доля высокого уровня перфекционизма, ориентированного на других, в два раза выше, чем среди «французов». «Немцы» же выделяются тем, что равномерно распределились в своих требованиях к окружающим.

В то же время «немцы» наиболее остро ощущают социально предписанный перфекционизм (см. рис. 3).

Таким образом, визуальное сравнение групп по изучаемым языкам показывает некоторые отличия, значимость которых подлежит проверке с использованием статистических методов.

4.2. Сравнение уровня перфекционизма по самооценке уровня владения иностранным языком

Данные по самооценке уровня владения изучаемым языком представлены в таблице 2. Независимая переменная является порядковой шкалой и включает пять уровней (A1 – A2 – B1 – B2 и C1-C2). Уровни C1 и C2 пришлось объединить (так как на уровне C2 мало наблюдений), от категории «Затрудняюсь ответить» пришлось отказаться (также из-за малого количества наблюдений). Группы несвязанные.

Таблица 2.

Описательные статистики групп
по самооценке уровня владения изучаемым иностранным языком

Виды перфекционизма	Самооценка уровня владения изучаемым языком	N	Среднее	Медиана	Ст. отклонение	Шапиро-Уилка	Уровень значимости Шапиро-Уилка	Минимум	Максимум
Перфекционизм общий	A1	8	186,55	184,8	14,43	0,87	0,17	170,8	217
	A2	21	178,6	177,8	16,93	0,96	0,56	154	215,6
	B1	40	187,92	188,3	20,91	0,92	0,01	158,2	257,6
	B2	95	184,21	184,8	27,16	0,99	0,86	123,2	259
	C1-C2	43	186,36	182	25,42	0,92	0,01	95,2	229,6
Перфекционизм, ориентированный на себя	A1	8	69,83	72,1	9,21	0,95	0,73	53,2	81,2
	A2	21	65,4	64,4	7,62	0,91	0,07	54,6	77
	B1	40	72,59	68,6	12,31	0,95	0,05	51,8	99,4
	B2	95	67,94	68,6	13,43	0,99	0,91	36,4	103,6
	C1-C2	43	70,13	70	13,98	0,98	0,52	30,8	98
Перфекционизм, ориентированный на других	A1	8	52,5	53,2	9,38	0,97	0,93	37,8	67,2
	A2	21	54,73	56	8,93	0,9	0,04	43,4	81,2
	B1	40	55,51	54,6	9,28	0,98	0,71	30,8	77
	B2	95	57,49	57,4	10,93	0,98	0,13	26,6	91
	C1-C2	43	58,08	60,2	10,15	0,89	0,001	21	72,8
Социально предписанный перфекционизм	A1	8	64,23	62,3	10,3	0,94	0,62	50,4	84
	A2	21	58,47	58,8	6,87	0,97	0,77	47,6	71,4
	B1	40	59,82	58,8	9,31	0,94	0,03	44,8	88,2
	B2	95	58,79	57,4	11,28	0,97	0,02	30,8	95,2
	C1-C2	43	58,15	60,2	9,35	0,97	0,27	32,2	74,2

Так как шкала уровней порядковая, то для этого сравнения помимо долей был использован линейный тренд, чтобы проследить, есть ли связь между уровнем владения языком и уровнем перфекционизма (см. рис. 4).

Мы видим, что чем выше уровень владения языком, тем выше степень общего перфекционизма. При этом тренд высокого уровня перфекционизма (тёмная линия) более явно выражен. Примерно так же обстоит дело с перфекционизмом, ориентированным на себя, и социально предписанным перфекционизмом. Однако в отношении требований к окружающим есть явное отличие (см. рис. 5) – высокая степень данного вида перфекционизма растёт заметно быстрее с ростом уровня языка (угол подъёма тёмной линии, в то время как две другие линии просто горизонтальны и практически совпадают). То есть студенты, требовательные к другим, становятся всё более требовательными, когда они растут в языке.

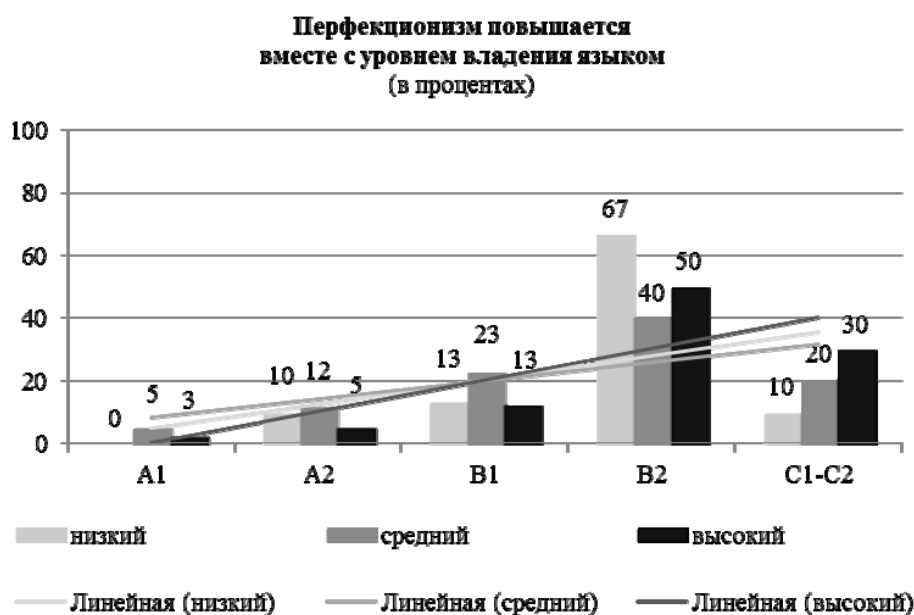

Рис. 4. Общий перфекционизм по уровню владения языком (самооценка)

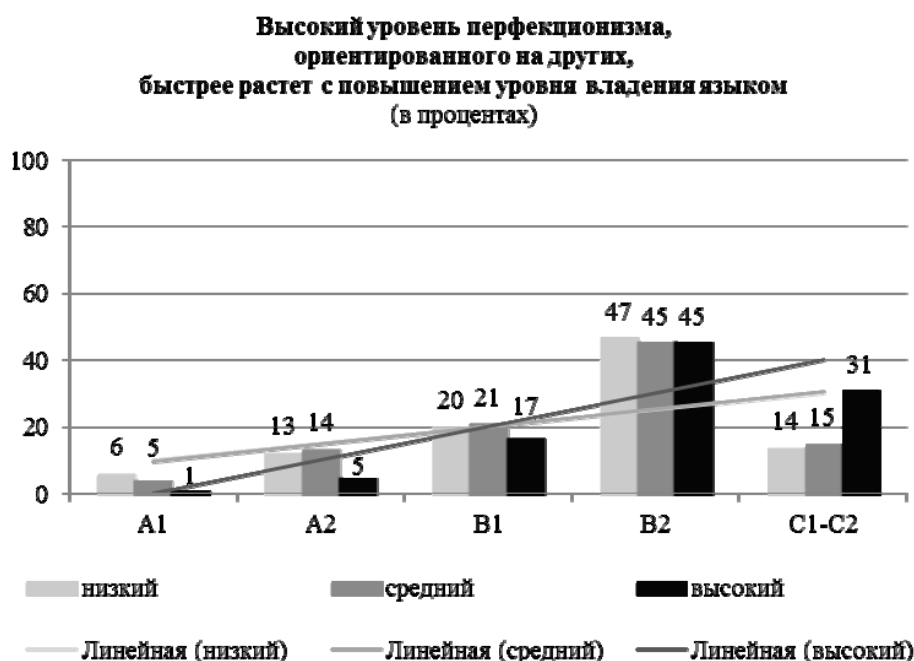

Рис. 5. Перфекционизм, ориентированный на других, по уровню владения языком (самооценка)

Значимость различий степени перфекционизма по уровням владения языком, выявленных при визуальном сравнении, также должна быть проверена статистическими методами.

4.3. Статистическая проверка выявленных различий

Соответствие полученных данных нормальному распределению было проверено графически и расчётным способом с использованием критерия Шапиро-Уилка. В большинстве групп по изучаемым языкам и по самооценке уровня владения языком распределение отличается от нормального.

Для проверки указанных различий был использован непараметрический критерий Краскела-Уоллиса, так как группы несвязанные, а распределение отличается от нормального. Результаты вычисления эмпирического значения критерия представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Эмпирическое значение Н-критерия и р-уровня значимости

Группа		en	de	fr	A1	A2	B1	B2	C1-C2
N		135	46	32	8	21	40	95	43
Перфекционизм общий	Средний ранг	107,96	112,1	95,63	107,69	84,81	109,96	102,56	110,33
	H	1,438			3,119				
	p	0,487			0,538				
ПОС	Средний ранг	107,40	107,40	107,40	111,81	84,02	117,60	100,12	108,23
	H	0,033			5,155				
	p	0,984			0,272				
ПОД	Средний ранг	110,04	110,04	110,04	78,81	86,88	95,44	105,99	120,60
	H	1,446			7,377				
	p	0,485			0,117				
СПП	Средний ранг	104,23	104,23	104,23	133,63	103,02	107,75	100,34	103,57
	H	5,696			2,483				
	p	0,058			0,648				

Сравнительный анализ, проведённый с помощью критерия Краскела-Уоллиса, показал, что выявленные различия статистически не значимы, так как уровень значимости во всех случаях превышает 0,05 (выделено в таблице 3). Следовательно, нет оснований для отклонения нулевой гипотезы о равенстве средних. Таким образом, между студентами, изучающими разные иностранные языки (английский – немецкий – французский), а также между студентами, по разному оценивающими собственный уровень владения иностранным языком (A1 – A2 – B1 – B2 – C1 – C2), нет статистически значимых различий по уровню перфекционизма и его составляющих.

4.4. Сила эффекта

Ещё одной полезной мерой оценки наблюдаемых различий служит сила эффекта – мера, активно применяемая в современных зарубежных исследованиях, в том числе лингводидактических. Известно, что сила эффекта определённым образом конкурирует со статистической значимостью как инструмент оценки эмпирических результатов [12, с. 136]. Эта мера позволяет не упустить важное отличие, даже если оно не обладает статистической значимостью (поскольку во многом зависит от размера выборки и изменчивости данных). Поэтому результаты, полученные в данном исследовании, были оценены и по силе эффекта (см. таблицу 4). В сфере образования в качестве показателя силы эффекта чаще всего используется эффект Коэна (Cohen's D). При интерпретации полученных результатов мы опирались на рекомендации Дж. Хэтти для сферы образования: слабый эффект ($D < 0,2$), средний ($0,2 < D < 0,4$), сильный ($0,4 < D < 0,6$) [11, с. 9].

Таблица 4.

Сравнение выявленных отличий в степени перфекционизма по силе эффекта

Виды перфекционизма	Сравниваемые группы	Cohen's D	Интерпретация
Перфекционизм общий	en – de	0,164	слабый эффект
	en – fr	0,148	слабый эффект
	de – fr	0,336	средний эффект
	A1 – A2	0,487	сильный эффект
	A1 – B1	0,068	слабый эффект
	A1 – B2	0,088	слабый эффект
	A1 – C1-C2	0,008	очень слабый эффект
	A2 – B1	0,474	сильный эффект
	A2 – B2	0,219	средний эффект
	A2 – C1-C2	0,337	средний эффект
	B1 – B2	0,145	слабый эффект
	B1 – C1-C2	0,066	слабый эффект
Перфекционизм, ориентированный на себя	B2 – C1-C2	0,081	слабый эффект
	en – de	0,022	слабый эффект
	en – fr	0,031	слабый эффект

Продолжение таблицы 4.

Виды перфекционизма	Сравниваемые группы	Cohen's D	Интерпретация
Перфекционизм, ориентированный на себя	de – fr	0,054	слабый эффект
	A1 – A2	0,549	сильный эффект
	A1 – B1	0,232	средний эффект
	A1 – B2	0,143	слабый эффект
	A1 – C1-C2	0,023	слабый эффект
	A2 – B1	0,657	очень сильный эффект
	A2 – B2	0,201	средний эффект
	A2 – C1-C2	0,385	средний эффект
	B1 – B2	0,355	средний эффект
	B1 – C1-C2	0,186	слабый эффект
Перфекционизм, ориентированный на других	B2 – C1-C2	0,161	слабый эффект
	en – de	0,018	слабый эффект
	en – fr	0,175	слабый эффект
	de – fr	0,213	средний эффект
	A1 – A2	0,247	средний эффект
	A1 – B1	0,324	средний эффект
	A1 – B2	0,461	сильный эффект
	A1 – C1-C2	0,556	сильный эффект
	A2 – B1	0,085	слабый эффект
	A2 – B2	0,260	средний эффект
	A2 – C1-C2	0,343	средний эффект
	B1 – B2	0,189	слабый эффект
Социально предписанный перфекционизм	B1 – C1-C2	0,264	средний эффект
	B2 – C1-C2	0,056	слабый эффект
	en – de	0,357	средний эффект
	en – fr	0,132	слабый эффект
	de – fr	0,531	сильный эффект
	A1 – A2	0,728	очень сильный эффект
	A1 – B1	0,466	сильный эффект
	A1 – B2	0,485	сильный эффект
	A1 – C1-C2	0,640	очень сильный эффект
	A2 – B1	0,157	слабый эффект
	A2 – B2	0,030	слабый эффект
	A2 – C1-C2	0,037	слабый эффект
	B1 – B2	0,096	слабый эффект
	B1 – C1-C2	0,179	слабый эффект
	B2 – C1-C2	0,059	слабый эффект

По группам, изучающим разные языки, сильный эффект (значимые различия) наблюдается между студентами, изучающими немецкий и французский ($D = 0,531$), то есть студенты, изучающие немецкий, ощущают требования извне более остро, чем студенты, изучающие французский. Возможно, это связано с тем, что требования преподавателей немецкого языка действительно строже, чем преподавателей других языковых отделений.

По самооценке уровня владения изучаемым языком наиболее сильные различия проявились: по общему перфекционизму – между уровнями A1 и A2 ($D = 0,487$), а также A2 и B1 ($D = 0,474$). То есть студенты с уровнем A2 наиболее сильно отличаются от студентов на соседних с ними уровнях.

Что касается составляющих перфекционизма, то следует отметить отличие в части перфекционизма, ориентированного на себя, – очень сильное между уровнями A2 и B1 ($D = 0,657$) и сильное между уровнями A1 и A2 ($D = 0,549$). По уровню перфекционизма, ориентированного на других, сильно отличаются уровни A1 и B2 ($D = 0,461$), а также A1 и C1/C2 ($D = 0,556$). По уровню социально предписанного перфекционизма уровень A1 отличается от других очень сильно или сильно ($0,466 \leq D \leq 0,728$), но все остальные уровни слабо отличаются друг от друга.

Таким образом, оценка силы эффекта позволила заметить различия, которые требуют более пристального внимания при продолжении исследования. В частности, проявилась тенденция от-

личия элементарных уровней владения языком (A1 и A2) от остальных. Возможно, это связано с тем, что пройдя первый этап изучения языка, студенты начинают лучше понимать собственные ошибки и пробелы в знаниях, а также лучше осознают свою зону ближайшего языкового развития.

Заключение

Полученные результаты в целом согласуются с результатами других исследований [5; 19; 10; 4]. Однако наше исследование проводилось со студентами одного университета и даже одного института. Выявленная специфика социально предписанного перфекционизма, по-видимому, характерна для конкретной выборки и вряд ли может быть экстраполирована на студентов других университетов. Чтобы обобщать результаты, в будущем возможно изучить студентов разных институтов или даже разных вузов. Кроме того, в качестве одной из переменных использовалась самооценка уровня владения иностранным языком. Проследить более точные закономерности позволит использование объективной оценки уровня владения языком, например, одного из международных стандартизированных тестов. Подобный подход уже был реализован в ВШЭ [15, с. 139], где использовался балл IELTS (что применимо только к английскому языку). В перспективе будет полезно сравнить данные по разным изучаемым языкам.

Эмпирические данные исследования позволили проследить определённые тенденции в степени перфекционизма и отдельных его видов. Интересно, что наблюдаются определённые различия по уровню владения языком. Однако настоящее исследование было перекрёстным, то есть выводы о причинно-следственных связях невозможны. Но его результаты позволяют сформулировать более точные гипотезы о влиянии перфекционизма на успешность изучения иностранных языков и продолжить работу в этом направлении в формате лонгитюдного исследования.

Статья публикуется впервые.

© Савина О.Ю., 2020

Список литературы

1. Грачева И.И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал. 2006. № 6. С. 73-81.
2. Грачева И.И. Многомерная шкала перфекционизма Хьюитта-Флетта [Электронный ресурс]. – URL: <https://sites.google.com/site/test300m/msp> (дата доступа 29.06.2019).
3. Золотарева А.А. Краткий дифференциальный тест перфекционизма: проверка кросс-культурной устойчивости факторной структуры и психометрических характеристик // Культурно-историческая психология. 2018. № 1. С. 107-115.
4. Карловская Н.Н. Взаимосвязь переживания счастья и перфекционизма у студентов с разным уровнем академической успеваемости / Н.Н. Карловская, А.С. Сысоева // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2009. № 2. С. 4-14.
5. Киселева Л.Б. Уровень перфекционизма у студентов с различной успеваемостью по английскому языку // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 11 (55). С. 427-441.
6. Многомерная шкала перфекционизма Хьюитта-Флетта [Электронный ресурс]. – URL: https://psylab.info/Многомерная_шкала_перфекционизма_Хьюитта-Флетта (дата доступа 23.06.2019).
7. Наследов А.Д. Адаптация «Опросника перфекционизма» для диагностики перфекционистских установок студентов первого курса технических вузов / А.Д. Наследов, Л.Б. Киселева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. № 3. С. 44-64.
8. Пермякова Т.М. Систематизация отечественных исследований и кросс-культурные перспективы изучения перфекционизма / Т.М. Пермякова, М.С. Шевелева // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. № 2 (22). С. 65-73.
9. Ясная В.А. Современные модели перфекционизма / В.А. Ясная, С.Н. Ениколопов // Психологические исследования. 2013. № 6 (29). [Электронный ресурс]. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/826-yasnaya29.html> (дата доступа 23.06.2020).
10. Farag I. Perfectionism and English Learners' Self-efficacy // ECPS – Educational Cultural and Psychological Studies. 2020. No. 21. P. 87-109.
11. Hattie J. Visible learning for teachers / J. Hattie. London, New York: Routledge, 2012. 269 p.

12. Larson-Hall J. Reporting and interpreting quantitative research findings: What gets reported and recommendations for the field / J. Larson-Hall, L. Plonsky // *Language Learning*. 2015. No. 65. P. 127-159.
13. Mahasneh A.M. The level of Multidimensional Perfectionism and Motivational Orientation among Undergraduate Students / A.M. Mahasneh, A.F. Alwan, T.M. Al-Rawwad // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2019. No. 2. P. 94-114.
14. Maintaining the self? Exploring the connections between students' perfectionistic profiles, self-worth contingency, and achievement goal orientations / Je. Ståhlberg, H. Tuominen, A.-T. Pulkka, et al. // *Personality and Individual Differences*. 2019. No. 151. P. 1-11.
15. Perfectionism as a Predictor of Anxiety in Foreign Language Classrooms among Russian College Students / K. Wang, T. Permyakova, M. Sheveleva, et al. // *Journal of Educational, Cultural and Psychological Studies*. 2018. No. 18. P. 127-146.
16. Positive and negative perfectionism / L.A. Terry-Short, R.G. Owens, P.D. Slade, et al. // *Personality and Individual Differences*. 1995. No. 5. P. 663-668.
17. Rice K.G. The short form of the revised almost perfect scale / K.G. Rice, C.M.E. Richardson, S. Tueller // *Journal of personality assessment*. 2014. No. 3. P. 368-379.
18. The Multidimensional Perfectionism Scale: Reliability, Validity, and Psychometric Properties in Psychiatric Samples / P.L. Hewitt, G.L. Flett, W. Turnbull-Donovan, et al. // *Psychological Assessment: A Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1991. Vol. 3, No. 3. P. 464-468.
19. The Relationship between Perfectionism and Academic Achievement, Depression and Anxiety / H. Roohafza, H. Afshar, M. Sadeghi, et al. // *Iranian Journal of Psychiatry and Behavioral Sciences*. 2010. Vol. 4, No. 2. P. 31-36.
20. Wang K.T. Assessing perfectionism in Russia: Classifying perfectionists with the Short Almost Perfect Scale / K.T. Wang, T.M. Permyakova, M.S. Sheveleva // *Personality and Individual Differences*. 2016. No. 92. P. 174-179.

References

1. Gracheva, I.I. Adaptatsiia metodiki «Mnogomernaia shkala perfektsionizma» P. Kh'iuita i G. Fletta [Adaptation of "Multidimensional Perfectionism Scale" Technique by P. Hewitt and G. Flett]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], no. 6, 2006, pp. 73-81.
2. Gracheva, I.I. *Mnogomernaia shkala perfektsionizma Kh'iuita-Fletta* [The Multidimensional Perfectionism Scale of Hewitt and Flett], sites.google.com/site/test300m/msp (Accessed 29 June 2019).
3. Zolotareva, A.A. Kratkii differentsial'nyi test perfektsionizma: proverka kross-kul'turnoi ustoichivosti faktornoi struktury i psikhometricheskikh kharakteristik [Brief Differential Perfectionism Inventory: Checking Cross-Cultural Stability of the Factor Structure and Psychometric Characteristics]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], no. 1, 2018, pp. 107-115.
4. Karlovskaya, N.N., Sysoeva, A.S. Vzaimosv'яз' perezhivaniia schast'ia i perfektsionizma u studentov s raznym urovnem akademicheskoi uspevaemosti [The Relationship between Happiness and Perfectionism among Students with Different Levels of Academic Achievement]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Psikhologiya»* [Herald of Omsk University. Series "Psychology"], no. 2, 2009, pp. 4-14.
5. Kiseleva, L.B. Uroven' perfektsionizma u studentov s razlichnoi uspevaemost'iu po angliiskomu iazyku [Perfectionism Level of Students with Various Progress in the English Language]. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Issues], no. 11 (55), 2015, pp. 427-441.
6. *Mnogomernaia shkala perfektsionizma Kh'iuita-Fletta* [The Multidimensional Perfectionism Scale of Hewitt and Flett], psylab.info/Mnogomernaia_shkala_perfektsionizma_Kh'iuita-Fletta (Accessed 23 June 2019).
7. Nasledov, A.D., Kiseleva, L.B. Adaptatsiia «Oprosnika perfektsionizma» dlia diagnostiki perfektsionistskikh ustanovok studentov pervogo kursa tekhnicheskikh vuzov [Adaptation of the "Perfectionism Questionnaire" to Diagnose Perfectionist Attitudes among First-Year Technical University Students]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology], no. 3, 2016, pp. 44-64.
8. Permyakova, T.M., Sheveleva, M.S. Sistematizatsiia otechestvennykh issledovaniy i kross-kul'turnye perspektivy izucheniia perfektsionizma [Perfectionism Studies in Russia and their Cross-cultural Prospects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology], no. 2 (22), 2015, pp. 65-73.
9. Iasnaia, V.A., Enikolopov, S.N. Sovremennye modeli perfektsionizma [The Current Models of Perfectionism]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [Psychological Studies], no. 6 (29), 2013, psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/826-yasnaya29.html (Accessed 23 June 2020).
10. Farag, Islam. "Perfectionism and English Learners' Self-efficacy". *ECPS – Educational Cultural and Psychological Studies*, no. 21, 2020, pp. 87-109.
11. Hattie, John. *Visible learning for teachers*. London, New York: Routledge, 2012.
12. Larson-Hall, Jennifer, and Luke Plonsky. "Reporting and Interpreting Quantitative Research Findings: What gets reported and Recommendations for the Field". *Language Learning*, no. 65, 2015, pp. 127-159.
13. Mahasneh, Ahmad M., et al. "The level of Multidimensional Perfectionism and Motivational Orientation among Undergraduate Students". *Psychology in Russia: State of the Art*, no. 2, 2019, pp. 94-114.
14. Ståhlberg, Jenny, et al. "Maintaining the self? Exploring the Connections between Students' Perfectionistic Profiles, Self-worth Contingency, and Achievement Goal Orientations". *Personality and Individual Differences*, no. 151, 2019, pp. 1-11.
15. Wang, Kenneth, et al. "Perfectionism as a Predictor of Anxiety in Foreign Language Classrooms among Russian College Students". *Journal of Educational, Cultural and Psychological Studies*, no. 18, 2018, pp. 127-146.
16. Terry-Short, L.A., et al. "Positive and Negative Perfectionism". *Personality and Individual Differences*, no. 5, 1995, pp. 663-668.

17. Rice, Kenneth G., et al. „The Short Form of the Revised Almost Perfect Scale”. *Journal of personality assessment*, no. 3, 2014, pp. 368-379.
18. Hewitt, Paul L., et al. „The Multidimensional Perfectionism Scale: Reliability, Validity, and Psychometric Properties in Psychiatric Samples”. *Psychological Assessment: A Journal of Consulting and Clinical Psychology*, vol. 3, no. 3, 1991, pp. 464-468.
19. Roohafza, Hamidreza, et al. “The Relationship between Perfectionism and Academic Achievement, Depression and Anxiety”. *Iranian Journal of Psychiatry and Behavioral Sciences*, vol. 4, no. 2, 2010, pp. 31-36.
20. Wang, Kenneth T., et al. „Assessing Perfectionism in Russia: Classifying Perfectionists with the Short Almost Perfect Scale”. *Personality and Individual Differences*, no. 92, 2016, pp. 174-179.

Сведения об авторе:

Савина Ольга Юрьевна – доцент кафедры немецкой филологии ТюмГУ, кандидат филологических наук (Россия, Тюмень). Сфера научных и профессиональных интересов: компьютерная лингводидактика, корпусная лингвистика.

E-mail: osawina@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the authors:

Olga Yu. Savina – Associate Professor at the Department of German Philology, University of Tyumen, Candidate of Philological Sciences (Tyumen, Russia). Spheres of research and professional interest: Computer-assisted language learning, Corpus linguistics.

E-mail: osawina@gmail.com

Conflicts of interest: The author declares absences of conflicts of interest.

* * *

SOME ASPECTS OF PERSONAL IDENTITY ON THE MATERIALS OF FRENCH MEDIA

E.A. Alekseeva

Voronezh State University,
1 Universitetskaya plashchad' 1, Voronezh, 394018, Russia.

Abstract. *The paper studies the concept of identity verification of the personality in the state system from the perspective of finding additional socially marked meanings/connotations of the word "identity/ identité". It is also necessary to consider the contexts affecting the variety of meanings that this concept embraces. The study is based on the contexts derived from the French mass media. While describing the concept of identity verification, we use the term "diagnostic markers" to classify the meanings of the lexeme "identity/ identité". These markers can be represented by the linguistic units of different levels, which are used to detect the meaning of identity in a particular information context.*

The study of the concept helped to detect the associative field of "identity/ identité" from the perspective of personality verification in the state system. Thus, the nuclear meaning is the obligation for a French citizen to carry la carte d'identité/an identity card, while the peripheral meanings include the following: true and false optionality for providing the proof of identity; the contrast between real and official identities; identity as a proof (official document) of one's nationality; lack of identity in the meaning of absence of legal proof of identity; identity in the context of restrictions imposed as a result of tough immigration policies. The social markers used to identify the personality within the state system were also analyzed from the perspective of ascribed and achieved identity. The first type refers to the situation of actually living in the chosen country, while the second type occurs when a person chooses a country for future residence.

Key Words: *Personal identity, achieved identity, ascribed identity, diagnostic marker, socially marked meaning, official identity, real identity, identity verification*

For citation: Alekseeva E.A. 2020. Some Aspects of Personal Identity on the Materials of French Media. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 125–134. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-125-134>

АСПЕКТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ)

Е.А. Алексеева

Воронежский государственный университет,
394018, Воронеж, Университетская площадь, 1.

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятия «идентичности» в значении верификации личности в государственной системе с точки зрения вычленения дополнительных, социально маркированных значений лексемы «идентичность/identité» с учётом контекста, который обуславливает вариативность значений изучаемого понятия. Исследование проводится на материале французских средств массовой информации.

Для классификации значений лексемы «идентичность/identité» вводится понятие «диагностических маркеров» идентичности, которые представляют собой лингвистические единицы разных уровней, служащие для обнаружения значений идентичности, реализуемых в определённом информационном пространстве.

В результате проведённого исследования было определено ассоциативное поле идентичности личности в аспекте верификации личности в рамках государственной системы, включающее ядерное значение «обязанность для гражданина Франции иметь la carte d'identité», и периферийные значения: факультативность/ложная факультативность подтверждения идентичности личности; противопоставление официальной и реальной идентичности личности; идентичность личности как подтверждение национальности; отсутствие подтверждения личности в виде документа государственного образца; идентичность личности в аспекте ужесточения миграционной политики государства.

Выделенные социально маркированные аспекты идентичности личности как её верификации в государственной системе были проанализированы с точки зрения приписываемой и приобретённой идентичности. Анализ показал, что в целом данный тип идентичности является приобретённым на этапе выбора страны проживания. Но на этапе существования в рамках выбранного государства верификация идентичности личности может быть квалифицирована как приписываемая.

Ключевые слова: идентичность личности, приписываемая идентичность, приобретаемая идентичность, диагностический маркер, социально маркированное значение, официальная идентичность, реальная идентичность, верификация личности

Для цитирования: Алексеева Е.А. 2020. Аспекты идентичности личности (на материале французских СМИ). Филологические науки в МГИМО. Том 6. № 4(24). С. 125–134. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-125-134>

Введение

Учёным, изучающим науки о человеке, в современном стремительно меняющемся мире предстоит активно изучать способы адаптации человека к новому миропорядку. Этот процесс включает поиск идентичности личности в условиях пересмотра ценностных ориентиров, анализ риска кризиса идентичности, определение путей его осмысления и преодоления. Таким образом, *актуальность* исследования связана с тем, что в новых общественных и геополитических условиях природа понятия «идентичности личности» требует отдельного изучения и структурирования.

Одним из самых очевидных ресурсов, представляющих возможности обнаружения новейших тенденций в осмыслении этого понятия, является современный общественно-политический нарратив. А механизм изучения – лингвистический анализ этого нарратива, так как язык, будучи общественным явлением, максимально быстро отражает все социальные изменения, реагируя на них активными процессами в лексике (появление и адаптация неологизмов, заимствований, расширение значений лексических единиц), в семантике (появлением контекстуально обусловленных, социально маркированных значений), в стилистике, в текстологии.

Целью данной статьи является выявление на материале французских СМИ дополнительных, социально маркированных значений понятия «идентичности личности», возникающих в новых социальных условиях.

Объектом исследования являются тексты французских СМИ, содержащие понятие «идентичность личности».

Предмет исследования – семантические особенности понятия «идентичность личности», связанные с трансформациями данного понятия в современных условиях развития общества.

Материалом исследования послужили статьи, содержащие лексему *identité*, из французских средств массовой информации.

Описание методики исследования

Предпринятое исследование опирается на метод поиска и анализа теоретических изысканий, посвящённых вопросу идентичности человека; метод наблюдения и описания; метод коммуникативно-семантического анализа.

Для достижения поставленной цели исследование реализуется по следующим направлениям: изучение природы идентичности личности, выявление и классификация социально маркированных значений понятия «идентичность» на основе диагностических маркеров идентичности, анализ языковых средств выражения изучаемого понятия «идентичности», описание ассоциативного поля идентичности личности.

Сегодня исследования о связи языка, культуры, мышления, истории приобретают особую актуальность и являются фундаментальными в изучении такой междисциплинарной категории как «идентичность» [1].

Существует несколько подходов к пониманию феномена идентичности. Для нашего исследования релевантным представляется выделение таких видов идентичности как коллективная и персональная. В рамках коллективной идентичности обычно выделяют профессиональную, национальную, региональную, этническую, гендерную, возрастную [7]. Как свидетельствуют исследования, коллективная идентичность является сложным, многоаспектным явлением. Так, учёные изучают понятие «национальной идентичности» через призму межкультурной коммуникации (Л.В. Цурикова, С.Г. Тер-Минасова) и литературных текстов (М.К. Попова); соотношение национальной и европейской идентичностей (С.Ю. Булгакова, Е.А. Алексеева), специфику региональной идентичности (Т.Ю. Загряжкина, Ю. Г. Есина); соотношение языка и идентичности (Дж. Джозеф) и др.

Применительно к природе персональной идентичности лингвистов интересует понятие «речевого портрета», понимаемое как «социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств и особенности поведения» [4, с. 163], которое используется в социолингвистике для описания речевого поведения социальной группы, в том числе типового и индивидуально-речевого поведения представителей тех или иных социальных групп.

Проблема персональной идентичности связана также с изучением коммуникативного поведения личности в иноязычной среде, обуславливающего выбор коммуникативной стратегии в новых социокультурных координатах. В связи с этим природа персональной идентичности является вариативной и переменной. Она может изменяться в случае освоения индивидом нового языка или новых моделей социального поведения.

Согласно теории П. Бергера и Т. Лукмана, персональная идентичность представляет собой первостепенный элемент в сравнении с коллективной идентичностью. В то же время учёные отмечают, что социум оказывает огромное влияние на идентичность человека и способен её поддерживать, видоизменять и даже переформировывать [3].

В ходе исследования мы учитываем также классификацию идентичности по способу приобретения. Учёные выделяют приписываемую и приобретённую идентичность. Приписываемая идентичность обычно возникает произвольно, непроизвольно, недобровольно, независимо от выбора личности, это, например, расовая, гендерная, этническая идентичность. Приобретённая идентичность, напротив, является добровольной, выбираемой индивидом, это, например, профессиональная идентичность [6].

Исследование природы идентичности связано с поиском инструментов её изучения, одним из которых считается язык, точнее, особенности его применения к решению задач интерпретации мира, обнаружения культурно и социально релевантной информации. Применительно к позна-

нию идентичности важным является анализ языка в динамике – «от его истоков в мыслительной деятельности человека до завершающей стадии оформления мысли в слове и передачи её в целом в тексте» [5, с. 11]. Такой подход помогает раскрыть социальный характер языка, который моделируется «с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [6, с. 25]. Учёт этих средств позволяет сформировать способы выражения идентичности личности, её принадлежность к тому или иному социальному, профессиональному или культурному сообществу.

На основе изложенных теоретических положений мы исследуем французские медийные тексты, содержащие обсуждение понятия «идентичности личности», и вычленим дополнительные, социально маркированные значения лексемы «идентичность/identité» на фоне социального контекста и информационного пространства. Такой подход обуславливает учёт вариативности, трансформаций, расширения значений изучаемого понятия и, как следствие, создание ассоциативного поля идентичности личности.

Для выявления дополнительных значений лексической единицы «идентичность/identité» мы опираемся на метод коммуникативно-семантического анализа, предложенный И.А. Стерниным [8], предполагающий изучение значения лексической единицы по семе значения, актуализованной в конкретном контексте, на основе использования диагностических маркеров. Применяя этот метод к классификации значений лексемы «идентичность/identité», обозначающей изучаемую нами идентичность, мы вводим понятие «диагностических маркеров идентичности», которые представляют собой лингвистические единицы разного уровня (языковые, стилистические, содержательные, тестовые), служащие для обнаружения значений идентичности, реализуемых в определённом информационном пространстве.

Результаты, полученные в ходе проведённого исследования

В данном разделе мы систематизируем как устоявшиеся, так и новые значения понятия «идентичность», выраженные лексемой *identité*. В наших предыдущих исследованиях мы обнаружили «несколько групп значений изучаемой лексемы: идентичность как политическая концепция, идентичность в значении верификации личности, идентичность в значении гендерной определённости, идентичность в значении принадлежности к религиозной практике» [1, с.12].

В настоящем исследовании нас интересует семантический потенциал лексемы *identité*, понимаемой как **верификация личности**, которая реализуется как *верификация личности в рамках государственной системы и верификация личности в аспекте цифровизации*.

В рамках статьи мы останавливаемся на изучении семантики *верификации личности в рамках государственной системы* путём описания ассоциативного поля идентичности личности. Для классификации значений лексемы *identité* мы, во-первых, вычленим диагностические маркеры идентичности и определяем характер языковых средств, служащих для их выражения; во-вторых, уточняем те актуальные явления современного французского общества, представленные в материалах прессы, которые обусловили возникновение дополнительных, социально маркированных значений понятия «персональная идентичность» личности [1].

Важность изучения идентичности личности сквозь призму её верификации в государственной системе определяется, в первую очередь, тем фактом, что существование в парадигме структурированного, организованного социума является для личности одной из базовых реперных скреп бытия.

Обладая суверенитетом и легитимным правом принуждения, государство играет особую роль в формировании единства нации, оно способно навязывать поддерживаемые им способы интерпретации социальной реальности [2], нормативно устанавливая национальную принадлежность.

Индивид осознаёт свою идентичность в рамках своей принадлежности к государству, которая проявляется в документах, удостоверяющих личность, прежде всего *la carte d'identité*, определяющих взаимоотношения индивида с государством в плане установления, подтверждения, изменения идентичности.

Как показывает анализ фактического материала, ассоциативное поле значений «идентичности личности» в аспекте её верификации в рамках государственной системы состоит из ядра и периферии. Ядро представлено стандартным, базовым значением идентичности личности, периферия состоит из социально-маркированных или ситуативных значений, возникающих в результате реакции на политические, геополитические, общественные события.

Базовое значение, традиционно присущее понятию идентичности личности – **обязанность для гражданина Франции иметь *la carte d'identité* (удостоверение личности) для подтверждения своей личности как гражданина страны:**

1) Pourtant, *la carte d'identité* est régulièrement réclamée dans les démarches de la vie courante, rappelle le chercheur Pierre Piazza, maître de conférence en sciences politiques: “Bien souvent lorsque vous souhaitez faire un chèque dans une grande surface, ouvrir un compte en banque ou vous inscrire dans une bibliothèque, on vous demande votre carte d'identité.”

2) ... *la carte d'identité* permet à son titulaire de justifier de son identité sur le territoire national [9].

Необходимость верификации личности во Франции путём предъявления удостоверения личности при совершении различных административных действий (оплата банковским чеком, открытие счёта в банке, запись в библиотеку) выражается следующими маркерами идентичности личности: *la carte d'identité; est régulièrement réclamée; permet à justifier de son identité sur le territoire national.*

В рамках периферии значений «идентичности личности» как её верификации в государственной системе нами были выделены следующие подгруппы значений понятия «идентичность», определяемые в результате сопряжения диагностических маркеров идентичности и актуальных общественных явлений:

Факультативность подтверждения идентичности личности:

1) La carte nationale d'identité n'est pas obligatoire. Elle ne l'a été que de 1940 à 1955. Une loi du régime de Vichy obligeait tous les hommes et femmes âgés de plus de 16 ans à détenir une “carte d'identité de Français”. La mesure perdure quelques années après la Seconde Guerre mondiale, mais depuis 1955, la carte d'identité est à nouveau facultative [Ibid.].

Диагностические маркеры идентичности: *La carte nationale d'identité n'est pas obligatoire, la carte d'identité est à nouveau facultative.*

Сочетание диагностических маркеров идентичности и социального контекста подчёркивает, что идентификация личности через *carte d'identité* необязательна. Наличие у французов *carte d'identité* было обязательным только в период с 1940 по 1955 год, то есть во время Второй мировой войны (в период правления режима Виши), а также несколько лет после её окончания. С 1955 года её наличие для французов необязательно.

2) Pour justifier de son identité au quotidien, en cas de contrôle de police par exemple, tout citoyen peut montrer un document avec son nom: son permis de conduire, son passeport, “une autre pièce (document d'état civil indiquant la filiation, livret militaire, carte d'électeur ou carte vitale), voire un témoignage”. Il est également possible de voter en présentant d'autres documents que la carte d'identité [Ibid.].

Диагностические маркеры идентичности: *permis de conduire, son passeport, une autre pièce (document d'état civil indiquant la filiation, livret militaire, carte d'électeur ou carte vitale), voire un témoignage ; d'autres documents que la carte d'identité.*

При подтверждении своей личности для полиции гражданин может предъявить любой документ, в котором указано его имя – права, паспорт, медицинский страховой полис, документ, подтверждающий факт родства, военный билет, карточку избирателя. Даже при голосовании гражданину Франции разрешается предъявить любой документ вместо удостоверения личности.

Ложная факультативность подтверждения идентичности:

“On ne peut pas vous refuser la présentation du permis de conduire. Sauf quand il s'agit de se déplacer à l'étranger.” C'est toute l'hypocrisie du caractère “facultatif” de la carte d'identité et du passeport: sans eux, presque tout reste possible, à condition d'insister, sauf... sortir de France [Ibid.].

Диагностические маркеры идентичности: *l'hypocrisie du caractère “facultatif” ; sauf... sortir de France ; Sauf quand il s'agit de se déplacer à l'étranger.*

Необязательность наличия удостоверения личности на самом деле является мнимой, ложной, даже, по мнению автора статьи, лицемерной. Так как, несмотря на возможность для граждан Франции идентифицировать себя с помощью указанных выше документов, есть ситуации, как, например, поездка за границу, когда обязательно наличие удостоверения личности.

Противопоставление идентификации личности в официальных административных документах и в профилях в соцсетях:

1) Sur Instagram, de jeunes Iraniens et Iraniennes postent des montages de leur carte d'identité et de portraits d'eux dans la «vraie vie». Une manière de montrer le décalage de leur société [10].

2) Sous le hashtag #KartMelichallenge (défi de la carte d'identité), des centaines de jeunes filles et garçons montrent le contraste entre leur identité officielle, et leur identité réelle [Ibid.].

Диагностические маркеры идентичности: *leur carte d'identité et de portraits d'eux dans la «vraie vie»; le décalage de leur société; défi de la carte d'identité; le contraste entre leur identité officielle, et leur identité réelle.*

В статье речь идёт о движении молодых иранцев, которые сравнивают в Инстаграме свои фотографии «в жизни» с фотографиями на удостоверении личности (*carte d'identité*). Фотографии на удостоверении личности сделаны в соответствии с жёсткими стандартизованными требованиями государственных органов: чёрно-белые фотографии, женщины в хиджабах, с серьёзным видом, мужчины с гладко зачёсанными волосами, в строгой одежде и т.д. (*photographie en noir, certaines normes, certains préceptes, contrôler la tenue vestimentaire, récente, sur fond clair, 6X4 cm, un visage sérieux, entouré d'un voile*). Законы предписывают людям и в жизни придерживаться строгих правил в одежде, в поведении. На фотографиях из Инстаграма эти же молодые люди имеют иной облик: улыбающиеся, с макияжем, с выкрашенными волосами (*celle d'une jeune fille souriante, maquillée et cheveux teints*).

Таким образом, автор статьи отмечает такое явление как противопоставление (*le contraste, défi, le décalage*) идентичности официальной идентичности реальной, «живой» (*le contraste entre leur identité officielle, et leur identité réelle: leur carte d'identité et de portraits d'eux dans la «vraie vie»*).

3) Azadeh Kian, professeure de sociologie, voit dans cette campagne une façon pour ces jeunes de mettre en évidence «les décalages entre leur réalité identitaire et la façon dont ils sont censés apparaître sur leur carte d'identité»:

«Ils montrent que d'un côté, ils doivent respecter certaines normes, certains préceptes. Et de l'autre, que dans leur réalité quotidienne, ils transgressent ces normes. Ils montrent qu'ils refusent d'accepter l'identité que leur impose le pouvoir» [Ibid.].

Диагностические маркеры идентичности: *les décalages entre leur réalité identitaire et la façon dont ils sont censés apparaître sur leur carte d'identité; respecter certaines normes; ils transgressent ces normes; qu'ils refusent d'accepter l'identité que leur impose le pouvoir.*

Анализируя противопоставление официальной и реальной идентичностей, автор, опираясь на мнение социолога, трактует его как социальное, даже политическое явление: с одной стороны, молодые люди должны соблюдать определённые нормы, с другой стороны, в реальной жизни они их нарушают, тем самым демонстрируя отказ от той идентичности, которую им навязывает власть.

Идентичность личности как подтверждение национальности:

1) Ces derniers mois, de nombreux Français, célèbres ou anonymes, ont mis en lumière une absurdité: celle qui oblige certains titulaires d'une pièce d'identité (française) à prouver leur nationalité pour la renouveler. Ils sont français, mais eux-mêmes ou leurs parents sont nés hors de France. Leur situation particulière les force à produire une série de justificatifs remontant parfois sur plusieurs générations [11].

Диагностические маркеры идентичности: *une absurdité; titulaires d'une pièce d'identité (française) à prouver leur nationalité pour la renouveler; une série de justificatifs remontant parfois sur plusieurs générations.*

Во французском обществе шли оживлённые дискуссии по поводу требования подтверждать свою национальность в случае, когда нужно было сменить удостоверение личности или паспорт в связи с истечением его срока действия. Речь шла не о тех гражданах, которые родились за границей или во Франции, но от родителей-иностранцев. Это требование называли абсурдным, так

как оно вынуждало людей преодолевать трудности, связанные с поиском документальных свидетельств об их родственниках, зачастую в нескольких поколениях.

2) Pour mettre fin à ces «tracasseries administratives», selon les termes du ministre de l'Intérieur, l'Etat remue. Lundi, Brice Hortefeux et Bernard Kouchner ont annoncé avoir transmis une circulaire aux préfets, ambassadeurs et consuls. Le but: simplifier « radicalement » les démarches d'obtention ou de renouvellement des papiers d'identité pour ces Français discriminés [Ibid.].

Диагностические маркеры идентичности: *«tracasseries administratives», l'Etat remue; simplifier «radicalement» les démarches d'obtention ou de renouvellement des papiers d'identité pour ces Français discriminés.*

Чтобы преодолеть эти «хождения по кабинетам», государство, в лице министров внутренних дел и по вопросам миграции и иностранных дел предписывает префектам, послам, консулам «радикально» упростить процедуру получения или продления идентифицирующих документов для этой категории «дискриминированных» французов.

3) Brice Hortefeux: «je vous demande de considérer dès à présent, s'agissant du renouvellement des cartes nationales d'identité et des passeports, que suffit à prouver la nationalité française du demandeur la présentation :

- d'une carte nationale d'identité «sécurisée», dite aussi «plastifiée», délivrée depuis 1995 en application du décret du 19 mars 1987;
- en application des décrets du 30 décembre 2005 et du 30 avril 2008 [Ibid.].

Диагностические маркеры идентичности: *suffit à prouver la nationalité française du demandeur la présentation d'une carte nationale d'identité.*

Министр по вопросам миграции прояснил ситуацию, заявив, что при продлении действия национального удостоверения личности и паспорта для подтверждения французской национальности достаточно предъявить предыдущее национальное удостоверение личности (*cartes nationales d'identité*).

Отсутствие подтверждения личности в виде документа государственного образца:

1) Plus de 1,1 milliard de personnes, essentiellement en Afrique et en Asie, sont incapables de prouver leur identité avec un document officiel ce qui les prive de l'accès aux services de santé, de protection sociale ou d'éducation, déplore la Banque mondiale [12]. Диагностические маркеры идентичности: *sont incapables de prouver leur identité; ce qui les prive de l'accès aux services de santé, de protection sociale ou d'éducation.*

В странах Африки была выявлена проблема отсутствия официальных документов, удостоверяющих личность, у большого количества населения, в результате чего у людей ограничен доступ к медицинскому обслуживанию, образованию, социальным услугам.

2) Parmi ces personnes «invisibles», «plus d'un tiers sont des enfants qui n'ont pas été répertoriés» à leur naissance, a-t-elle précisé dans un communiqué à l'occasion de son assemblée annuelle à Washington [Ibid.].

Диагностические маркеры идентичности: *personnes «invisibles»; des enfants qui n'ont pas été répertoriés» à leur naissance.*

Проблема осложняется тем, что более трети этих людей-«невидимок» — это дети, которые остаются не зарегистрированными, не идентифицированными с самого рождения.

3) Cette situation résulte souvent des troubles frappant les pays qui conduisent à des déplacements forcés de populations [Ibid.].

Диагностические маркеры идентичности: *Cette situation résulte; des troubles; des déplacements forcés de populations.*

Причина отсутствия административных механизмов установления и регистрации идентичности личности кроется в сложной политической, экономической и военной ситуации в африканских странах, провоцирующей вынужденное переселение народов

Идентичность личности как фактор ужесточения миграционной политики государства

Les Etats-Unis exigent depuis la fin mai de demandeurs de visas, quelle que soit leur nationalité, des informations sur leur identité et leurs comptes sur les réseaux sociaux, dans un contexte de durcissement de la politique migratoire américaine [13].

Диагностические маркеры идентичности: *demandeurs de visas; leur identité et leurs comptes sur les réseaux sociaux; durcissement de la politique migratoire.*

С 25 мая 2017 года у заявителей на визу в Соединённые Штаты Америки стали запрашивать дополнительные идентификационные данные в целях ужесточения миграционной политики. Для верификации личности заявителя консульские работники вправе запросить учётные записи в социальных сетях, номер предыдущего паспорта, дополнительную информацию о членах семьи, историю длительных поездок, места работы, контакты.

Анализ полученных результатов

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Лингвистический метод диагностических маркеров идентичности является эффективным способом интерпретации информации, он позволяет определить стратегические вехи мыслительной деятельности человека при вычленении актуальных аспектов идентичности личности как её верификации в государственной системе.

Обнаруженные в ходе исследования маркеры идентичности личности представлены разнообразными языковыми средствами:

- именами существительными в изолированном употреблении: *son passeport, un témoignage;*
- свободными словосочетаниями следующего типа:

предметные: *la carte d'identité; le permis de conduire, carte d'électeur, défi de la carte d'identité; le décalage de leur société; le contraste entre leur identité officiel, et leur identité réelle; l'hypocrisie du caractère "facultatif";*

признаковые: *livret militaire, carte vitale;*

предикативные: *document d'état civil indiquant la filiation; d'autres documents que la carte d'identité; sauf... sortir de France;*

- синтаксические единицы следующего типа:

пассивно-процессные: *La carte d'identité est régulièrement réclamée; Même dans l'espace Schengen, les justificatifs d'identité sont censés être en cours de validité;*

активно-процессные: *Ces derniers mois, de nombreux Français, ont mis en lumière une absurdité : celle qui oblige certains titulaires d'une pièce d'identité (française) à prouver leur nationalité pour la renouveler; qu'ils refusent d'accepter l'identité que leur impose le pouvoir;*

признаковые: *La carte nationale d'identité n'est pas obligatoire; la carte d'identité est à nouveau facultative;*

безличные конструкции: *Sauf quand il s'agit de se déplacer à l'étranger; Il est également possible de voter en présentant d'autres documents que la carte d'identité.*

На основе диагностических маркеров идентичности и анализа текста статей, в которых фигурирует изучаемое понятие «идентичности», было описано ассоциативное поле значений идентичности личности. В точке пересечения этих параметров обнаруживаются новые, социально маркированные аспекты значения понятия «идентичность личности», происходит уточнение, расширение этого понятия или приобретение новых значений за счёт возникновения ассоциаций с актуальными общественными, экономическими, политическими событиями.

Ассоциативное поле идентичности личности в аспекте её верификации в государственной системе содержит ядерное значение: «обязанность для гражданина Франции идентифицировать свою личность в государственной административной системе с помощью *la carte d'identité* (удостоверение личности)»; и ряд периферийных значений, расширяющих и актуализирующих понятие «идентичности личности»: факультативность подтверждения идентичности личности; ложная факультативность подтверждения идентичности; противопоставление официальной и реальной идентичностей; отказ от административных требований представления идентичности; идентичность личности как подтверждение национальности; отсутствие подтверждения личности в виде документа государственного образца; идентичность личности как фактор ужесточения миграционной политики государства.

Выделенные социально маркированные аспекты идентичности личности как верификация в государственной системе были проанализированы с точки зрения приписываемой и приобретённой идентичности. Анализ показал, что в целом данный тип идентичности является приобретённым на этапе выбора страны проживания. Но на этапе существования в рамках выбранного государства верификация идентичности личности может быть квалифицирована как приписываемая. Хотя отдельные аспекты этой идентичности являются добровольным, регламентированным отнесением индивида себя к той или иной субкультуре. Так, в оппозиции официальная/реальная идентичность человек демонстрирует желание выразить, проявить многогранность своей личности даже в конвенциональных рамках верификации в государственной системе.

Заключение

Таким образом, в современном мире проблема идентичности человека может рассматриваться как множество частных идентичностей, так как человек имеет несколько ипостасей, каждая из которых проявляется при его контактах с различными сообществами, культурами, группами. В связи с этим человек вынужден постоянно находиться в поиске своей идентичности, переосмысливать, отстаивать, адаптировать её в зависимости от изменяющихся обстоятельств. Этот динамичный характер идентичности является источником и объектом для дальнейших междисциплинарных исследований.

© Алексеева Е.А., 2020

Список литературы

1. Алексеева Е.А. Семантический потенциал лексической единицы «идентичность» в языке СМИ// Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 2 (818). С. 9-18.
2. Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире// Вестник СПбГУ. 2013. С. 12-17.
3. Бергер П. Социальное конструирование реальности Трактат по социологии знания /П. Бергер, Т. Лукман/ Пер. Е.Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Енина Л.В. Идентичность в лингвистических исследованиях: когнитивный подход //Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2010. N 4 (81). С. 162-168.
5. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор)// Дискурс, речь, речевая деятельность : функциональные и структурные аспекты: Сборник обзоров. Серия «Теория и история языкознания», Москва: ИНИОН РАН, 2000. С. 5–13.
6. Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире : коллективная монография/ под ред. Е.Н. Азначеевой. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 232 с.
7. Матузкова Е. П. Актуализация понятия «идентичность» в социогуманитарном знании XX века // Мова. Одесский. национальный университет им. И. И. Мечникова. Одесса: Астропринт, 2012. № 18. С. 10-13.
8. Стернин И. А., Саломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте: учебное пособие. Воронеж: Истоки, 2011. 149 с.
9. Les Inrockuptibles, [Электронный ресурс], URL: <http://www.lesinrocks.com/2012/03/05/actualite/comment-echapper-au-fichier-des-gens-honnetes-111506/>.
10. Les Inrockuptibles, [Электронный ресурс], URL: <http://www.lesinrocks.com/2015/11/24/actualite/photos-didentite-vs-photos-instagram-la-schizophrenie-des-jeunes-iraniens-en-deux-cliches-11789423/>.
11. Les Inrockuptibles, [Электронный ресурс], URL: <http://https://www.lesinrocks.com/2010/03/02/actualite/societe/renouvellement-des-papiers-didentite-hortefeux-radote-1133140/>.
12. Le Point, [Электронный ресурс], URL:http://www.lepoint.fr/monde/1-1-milliard-de-personnes-sans-identite-officielle-dans-le-monde-13-10-2017-2164424_24.php.
13. Le Figaro, [Электронный ресурс], URL:<http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2017/06/02/97001-20170602FILWWW00379-washington-exige-de-demandeurs-de-visas-leur-identite-sur-les-reseaux-sociaux.php>

References

1. Alexeeva, E.A. Semantitcheskiy potentsial leksitcheskoy edinitsy «identitchnost'» v iazyke SMI [Semantic capacity of the lexeme «identity» in the French mass media] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Vestnik of Moscow State Linguistic University]. Gumanitarnye nauki.» 2019. № 2 (818). S. 9-18.

2. Atchkasov, V.A. *Politika identitchnosti v sovremennom mire* [The policy of identity in the modern world] / V.A. Atchkasov. SPbGU: Vestnik; 2013. pp. 12-17.
3. Berger, P., Lukman, T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia* [Social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge.] / Luckman T, Berger P. Rutkevich E, translator. Moscow: Medium; 1995. 323 p.
4. Yenina, L. Identitchnost' v lingvisticheskikh issledovaniyakh : kognitivnyi podhod/ L. Yenina [Identity in linguistic studies: cognitive approach] // *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*, 2010. In N 4(81). S. 162-168.
5. Kubryakova, E. O ponyatiiakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike (obzor) [Discourse and a discursive analysis in modern linguistics (survey)] / E. Kubryakova // *Diskurs, retch', rechevaia deiatelnost' : funktsionalnye i strukturnye aspekty: sb. Obzorov* [Discourse, speech and speech activity: function and structure : Collection of papers.] INION RAN, 2000. S. 5-13.
6. *Lingvisticheskie aspekty issledovaniia identitchnosti lichnosti v izmeniaiushchemsya mire: kollektivnaia monografiia* [Linguistic aspects of research into personal identity in the changing world: monograph] / pod red. E.N. Aznatcheevov. Cheliabinsk: Entsiklopediya, 2012. 232 s.
7. Matuzkova, E.P. Aktualizatsiia poniatii "identichnost' v sotsiogumanitarnom znaniu XX veka [The concept of identity in social humanitarian knowledge in the XX century // *Mova*/ Odes.nats.un-t im. I.I. Metshnikova. Odessa: Astroprint, 2012. 18. S. 10-13.
8. Sternin, I.A., Salomatina, M.S. *Semanticheskii analiz slova v kontekste: utshebnoe posobie*. [Semantic analysis of the word in the context: a textbook.] Voronezh Istoki, 2011, 149 s.
9. *Les Inrockuptibles*, www.lesinrocks.com/2012/03/05/actualite/comment-echapper-au-fichier-des-gens-honnetes-111506/).
10. *Les Inrockuptibles*, www.lesinrocks.com/2015/11/24/actualite/photos-didentite-vs-photos-instagram-la-schizophrenie-des-jeunes-iraniens-en-deux-cliches-11789423/).
11. *Les Inrockuptibles*, www.lesinrocks.com/2010/03/02/actualite/societe/renouvellement-des-papiers-didentite-hortefeux-radote-1133140/).
12. *Le Point*, www.lepoint.fr/monde/1-1-milliard-de-personnes-sans-identite-officielle-dans-le-monde-13-10-2017-2164424_24.php).
13. *Le Figaro*, www.lefigaro.fr/flash-actu/2017/06/02/97001-20170602FILWWW00379-washington-exige-de-demandeurs-de-vissas-leur-identite-sur-les-reseaux-sociaux.php

Сведения об авторе:

Алексеева Елена Альбертовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой французской филологии факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Сфера научных и профессиональных интересов: семантический синтаксис, типология простого предложения, иерархически организованная система сказуемого; перевод, дидактика перевода; интернационализация высшего образования; лингвистический аспект выражения идентичности.

E-mail: Elena.alexeeva14@yandex.ru.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Alekseeva E.A. – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of French Philology of Voronezh State University. Research interests: semantic syntax, typology of a simple sentence, hierarchically organized system of a predicate; translation, didactic of translation; internationalization of the higher education, identity expression.

E-mail: Elena.alexeeva14@yandex.ru.

Conflicts of interest: The author declares absences of conflicts of interest.

* * *

THE TREATISE ON THE HISTORY OF SPANISH BY B. DE ALDRETE (1606) AS THE FIRST TEXTBOOK OF ROMANCE PHILOLOGY

M.A. Kossarik

Moscow State University,
Philological faculty, 1-51, ul. Leninskie Gory, 119991, Moscow

Abstract. *The paper analyses the role of B. de Aldrete's treatise "Del Origen y principio de la lengua castellana o romance que oi se usa en España" (1606) in the development of Romance philology.*

The XVII-century author writes about the most important aspects of internal and external history of Spanish, such as: pre-Romance Spain and substratum languages; Roman conquest and romanization; Hispanic Latin; German conquests of Spain; Arabic conquest and the Reconquista; formation of kingdoms in the north and state-building processes; sociolinguistic situation in Spain; the role of Spanish in the New World; changes from Latin to Spanish in phonetics and morphology; sources of Spanish lexis; early written texts; territorial, social, functional variation of Spanish.

Apart from the aspects of Spanish philology, B. de Aldrete pays attention to the formation and functioning of Pyrenean languages: Catalan, Galician, and Portuguese. However, B. de Aldrete does not limit himself to examining Ibero-Romance languages. Many aspects of the history of Spanish are shown against a wider, Romance background, bearing in mind the earlier tradition (the Antiquity, in the first place). He also confronts Spanish with other Romance languages and Latin.

The analysis of the first treatise on the history of Spanish makes one reconsider B. de Aldrete's contribution to the development of language description models and the bases of Romance philology. The treatise sets up a model of Romance philology as a full-fledged philological discipline.

Key Words: *Romance philology, Romance linguistics, history of Spanish, Spanish language, linguistic historiography, history of linguistics*

For citation: Kossarik M.A. 2020. The Treatise on the History of Spanish by B. De Aldrete (1606) as the First Textbook of Romance Philology. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 135–145. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-135-145>

ТРАКТАТ ПО ИСТОРИИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА Б. ДЕ АЛЬДРЕТЕ (1606) КАК ПЕРВОЕ СОЧИНЕНИЕ ПО РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

М.А. Косарик

Аннотация. В статье рассматривается роль трактата Б. де Альдрете *“Del Origen y principio de la lengua castellana o romance que oi se usa en España”* 1606 г. в зарождении романской филологии. Автор XVII в. представляет важнейшие аспекты внешней и внутренней истории испанского языка: Испания до прихода римлян и языка дороманского населения; римское завоевание и романизация; характер пиренейской латыни; Испания после прихода германцев; Арабское завоевание и Реконкиста; образование королевств на севере и становление единого государства; особенности социолингвистической ситуации Испании; роль испанского языка на новооткрытых территориях; изменения от латыни к испанскому в фонетике и морфологии; источники испанской лексики; ранние письменные памятники; территориальное, социальное, функциональное варьирование испанского языка.

Помимо проблематики кастильского Б. де Альдрете останавливается на фактах формирования и функционирования языков Пиренейского полуострова: каталанского, галисийского, португальского.

Однако Б. де Альдрете не ограничивается вниманием к иберо-романским языкам. Многие явления истории испанского языка он представляет на широком романском фоне, опираясь на предшествующую традицию, в первую очередь, античную, сопоставляет испанский с латынью и с другими романскими языками.

Проведённый анализ первого сочинения по истории испанского языка выявляет вклад Б. де Альдрете в разработку модели описания истории языка, а также основ романского языкознания: автор закладывает принципы романской филологии как научной дисциплины.

Ключевые слова: романская филология, романское языкознание, история испанского языка, испанский язык, лингвистическая историография, история языкознания

Для цитирования: М.А. Косарик 2020. Трактат по истории испанского языка Б. Де Альдрете (1606) как первое сочинение по романской филологии. *Филологические науки в МГИМО*. Том 6. № 4(24). С. 135–145. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-135-145>

Труд Б. де Альдрете, каноника из Кордовы, оценивается прежде всего как первое сочинение по истории языка [9; 10; 16; 17; 21]; как один из первых трактатов по языковой политике [11; 18; 20]; как вклад в общелингвистическую проблематику [19; 6]. Однако остаётся недооценённой роль испанского филолога в формировании романистики: отдельные вопросы затрагивались, но последовательного анализа сочинения с этих позиций не проводилось.

Трактат состоит из трёх книг, представляющих историю испанского языка: Испания в Римской империи, приход германцев, арабское завоевание и Реконкиста, становление государства; некоторые аспекты социолингвистической ситуации на Пиренейском полуострове и распространения испанского в Новом свете; изменения языковой системы от латыни к испанскому (фонетика, морфология, источники испанской лексики). Испанская и, шире, иберо-романская проблематика рассматривается автором на общероманском фоне.

Сочинение Альдрете может служить материалом для исследования процесса формирования романистики как современной науки. Задача статьи – проследить, как в рамках описания истории одного романского языка закладываются основы изучения романской филологии¹.

Б. де Альдрете предвещает изложение формирования испанского языка из латыни замечанием, отражающим связь языка с историей страны², что является одним из основных принципов

¹ Текст трактата часто заставляет вспомнить о фундаментальных работах по романскому языкознанию [2], об учебниках и программах по романской филологии [1; 4].

² Romance [...] fe derivò de la lengua Latina, ò Romana, i della tuuo su principio, i nombre. [...] muchos años en España fue vulgar la lengua Latina [...] Con la venida de los Vandalos, i Godos, como se mudò el imperio, tambien la lengua, pero no del todo, fino faciendo della la vulgar [8, с. 6].

изучения истории языка. Автор пишет о римском завоевании, о местных племенах. Переходя к внутренней истории языка, к изменениям латинской языковой системы, он сообщает о субстратных языках, что с позиций романистики представляется вполне закономерным. Альдрете перечисляет языки дороманских народов³ и зоны их распространения [8, с. 227-229], в связи с топонимикой упоминает лузитан и ареваков [8, с. 298-299]. Сведений о фонетике и морфологии субстратных языков автор XVII в. не даёт, но, приводя примеры изменений топонимики на протяжении истории, пишет о дороманских и «романизованных» топонимах⁴ (примечательно употребление термина, обозначающего одно из ключевых понятий романской филологии). Внимание к субстрату Пиренейского полуострова отчасти распространяется на другие зоны Романии: Галлию, Италию [8, с. 72-78, 232-241].

Альдрете начинает описание римского завоевания с соперничества Рима и Карфагена; представляет ход завоевания, отмечая более длительное покорение Севера и необходимость держать здесь легионы; представляет деление на провинции, статус и количество римских и латинских муниципиев и колоний, пуэблос с автохтонным населением [8, с. 7-37].

До подробного описания собственно истории испанского языка Альдрете обращается к проблематике латыни (генетической основы романских языков): её апологии и, что особенно важно для автора, её роли как языка государства [8, с. 42-53], распространению латыни в Италии и за её пределами, степени романизации и характеру латыни провинций, языковой политике Рима. Это очень показательно для понимания роли Б. де Альдрете в формировании романистики как общей дисциплины, лежащей в основе изучения отдельных романских языков.

Испанский филолог пишет о вытеснении римлянами языков других народов – сначала с близлежащих территорий (этрuscoго из Тосканы, оскского из Кампании, греческого из Калабрии), затем со всей территории Апеннинского полуострова в результате длительной борьбы (автор упоминает о войнах на территории Италии, в том числе, с Ганнибалом).

Внимание уделено Италии, рассматриваются распространение латыни в Римских провинциях, средства вытеснения местных языков (употребление только латыни в официальном общении, в судопроизводстве) [8, с. 53-56], проблематика латыни как языка культуры, образования. Вопросы эти оказываются весьма актуальными для испанского автора начала XVII в., поскольку трактат создаётся на пике могущества империи Габсбургов, в условиях распространения испанского языка за пределы Испании, и Альдрете проводит параллели между ролью испанского языка и латыни в Римской империи.

Обращаясь к галло-романскому ареалу, испанский автор представляет складывающуюся здесь социолингвистическую ситуацию. В описании отражены различия во времени завоевания и степени романизации частей Галлии, деление на провинции⁵; отмечено длительное сохранение кельтского, но подчёркиваются связи с Римом и знание, особенно в Аквитании и Нарбоннской Галлии, латинской литературной, грамматической и риторической традиции. Альдрете утверждает безусловное происхождение французского от латыни, пишет о завоевании франков и утрате ими германского языка, о связях Франкского королевства Карла Великого с Римом, о Страсбургских клятвах [8, с. 71-82], доведя описание до начала французской письменности.

Представив эти важнейшие для романской филологии темы, Б. де Альдрете переходит к истории испанского языка.

В трактате описаны история римского завоевания и умиротворения Пиренейского полуострова, административное деление на провинции⁶, социолингвистическая ситуация: первоначальный билингвизм⁷, одновременность романизации: ранняя и глубокая в Бетике (Андалусии) и более

³ Упоминает басков, кантабров, кельтов, кельтиберов, турдетан.

⁴ *I nosotros no defendemos tan gran mudança, i la alteracion en la lengua, como la ai en los lugares. De mas de que, aun los que oi los tienen fon romanizados al talle de las de mas palabras Latinas, de Toletum, dizemos Toledo, de Corduba, Cordoua de Malaca Malaga; de Pallantia Palencia &c, Muchos ai que en este tiempo an tenido tres nombres, i lo que mas es la prouincia principal Turdetania, Boetica, i Andalucia* [8, с. 228].

⁵ Belgica, Lugdunense, Aquitanica, Narbonense.

⁶ España Citerior и Ulterior, позже Tarraconense, Cartaginense, Lusitania, Galicia, Boetica.

⁷ Иллюстрируется латинским текстом, сообщающим о греко- и латиноязычном населении греческого полиса [8, с. 93]

поздняя на гористом севере⁸. Автор показывает растущее влияние Рима: колонизация латинянами, италиками-осками; множество римских и латинских колоний; получение местными жителями гражданства; распространение латыни в сельской местности [8, с. 123-124]; большое число выдающихся испано-римлян⁹ [8, с. 104-127].

Альдrete эксплицирует современное понимание романизации: переход на латынь в результате усвоения римского образа жизни, культуры¹⁰ и объясняет утверждением латыни в качестве родного языка её сохранение после германского завоевания [8, с. 85].

Сведения о германцах скорее касаются империи в целом, относительно Испании Альдрете сообщает об отсутствии сопротивления, зонах расселения, об уровне культуры германцев¹¹, быстро утративших свой язык, и сразу переходит к социолингвистической тематике. Автор отражает ситуацию диглоссии: все официальные документы пишутся на латыни¹², которая претерпевает значительные изменения, «порчу»; письменность на формирующемся из латыни *romance* отсутствует¹³. Альдрете подчёркивает языковое единство полуострова эпохи вестготов [8, с. 164].

На социолингвистической ситуации сосредоточен филолог и при обращении к арабскому завоеванию: он пишет о разделении полуострова на юг (здесь превалирует арабский, но христиане сохраняют романскую речь) и север, где продолжает развиваться *romance* [8, с. 142-143].

Б. де Альдрете отражает значение первых веков после падения Римской империи – эпохи вестготского королевства и Реконкисты – как времени формирования пока ещё бесписьменного, воспринимаемого как испорченный латинский *romance*¹⁴, или кастильского [8, с. 157], и фиксирует момент появления кастильской письменности, упоминая создание перевода Библии, “*Siete Partidas*”, “*Cronica General de España*” в правление Альфонсо X Мудрого [8, с. 156].

К эпохе Реконкисты относит Б. де Альдрете образование ареалов трёх иберо-романских языков (португальского, каталанского, кастильского) [8, с. 143, 164-165]. Он подчёркивает различие каталанского и кастильского, указывает зоны распространения, отмечает и существование баскского. Особенности каталанского и португальского он объясняет языковыми контактами с французами из-за их участия в Реконкисте Галисии и Каталонии. Упоминая об исторической близости каталанского и языка Лангедока, такой связи португальского и галисийского испанский автор не признаёт¹⁵.

Рассмотрев условия формирования языка, Альдрете обращается к изменениям в языковой системе от латыни к романскому, причину изменений автор видит в языковых контактах¹⁶.

Признавая изменения в фонетике и лексике, автор считает характерными чертами романской речи изменения в морфологии: исчезновение падежного склонения имени, утрату синтетиче-

⁸ no fe recibio igualmente la lengua Latina en España, porque no fe pacificaron ni acomodaron todos a vn tiempo con el nueuo traje i lengua [...]. La primera que lo recibio todo fue nueftra Andalucia [...]. La parte que mas tarde figuio lo que los demas fue la septentrional hazia las montañas [8, с. 99].

⁹ Марциал, Квинтилиан, Сенеки, Лукан, Пруденций, Порций Латрон, Помпоний Мела, Колумела, императоры Траян, Адриан.

¹⁰ todos los Romanos la tuuieron [la lengua Latina] por vulgar [родной язык], i lo mismo todos aquellos que fe precieron deste nombre, i fueron con el trato i comunicacion paffandofe a biuir con ellos [...] i fe acomodauā al ufo de fus leies, i gozauan de priuilegios de ciudadanos Romanos, i tambien los que eran naturales de Roma o de Italia i paffauan apoblar en las prouincias. En las que tenian mas paz i menos impedimentos crefcia efto cada dia mas, hafta llegar algunas a perder la lengua antigua quedandofe con la Romana [8, с. 84]. fiendolo los Españoles fe reduxeron a las costumbres, lengua, derecho, i jurisdiccion de los Romanos [8, с. 94].

¹¹ Salieron mui mal con la lengua Latina efta gente, mas dada a las armas, que a las letras [8, с. 153]. gente mas belicofa, i fenzilla, que ambiciofa, [...] fu poca policia [8, с. 360]

¹² Fuero Juzgo [...] leies que los Godos Reies de España hicieron [8, с. 159].

¹³ en aquel tiempo, i muchos figlos despues, no fe efcriuió por letra en aquel Romance, de que fe iua forjando el que ahora ufamos corrompido de la lengua Latina, fino todo lo que fe daua por escrito era en Latin [8, с. 142].

¹⁴ Romance Latin corrompido [...] en aquel tiempo, i muchos figlos despues, no fe efcriuió por letra en aquel Romance, de que fe iua forjando el ahora ufamos corrompido de la lengua Latina [8, с. 142].

¹⁵ En Cataluña, para la conquista [...] el Romance fe mefclo con la lengua Francesa, de que fe refultò aquella lengua mui femejante, i poco diferente de la de Lenguadoc, o Narbonenfe, de donde a quella tiene parte de fu origen [...] en Portugal ai otra lengua [...] mefcla de la Francefa [8, с. 165-166].

¹⁶ Romanos [...] introduxeron fu lengua, pero [...] recibio mucho daño en la lengua [...] cada vna de las gentes, que fueron fugetas al Imperio, lleuò a Roma los vicios, i faltas de fu lengua [...]. Con la venida de los Godos, i otras barbaras naciones a Italia, i a las provincias del Imperio [...] los vencedores [...] procuraron aprender la Latina, que fe les dio mui mal, i la corrompieron, i vnos, i otros cada vno por diuerfo camino, vinieron a dar principio a la lengua Italiana, i Castellana [8, с. 150-151].

ских форм залога, образование аналитических форм глагола при выражении предшествования¹⁷. Альдрете подчёркивает латинское происхождение большей части словарного состава (*perſona, mundo*) и отмечает существование слов, чья связь с латинским не столь очевидна из-за происшедших изменений (*nuestro*) [8, с. 196-197].

Б. де Альдрете описывает фонетические изменения от латыни к испанскому¹⁸, спорадически приводит факты итальянского, французского и объясняет сходства общим происхождением от латыни [8, с. 210-212], предвосхищая таким образом принципы исторической фонетики: выявление регулярных фонетических процессов (что приближается к идее фонетических законов) и соответствий в родственных языках. Это сближает испанского филолога с более ранними ренессансными авторами описаний итальянского, французского, португальского: Толмеи (*"Il Cesano de la lingua toscana"* 1520-е, публикация 1555; *"Il Polito"* 1525 г.) [3], Дюбуа (*"In linguam Gallicam Isagoge"* 1531) [7], Нунешем де Леан (*"Orthographia"* 1576; *"Origem da lingua portuguesa"* разрешение публикации 1601, публикация 1606) [14; 15].

Изменения от латыни к романскому в слово- и формообразовании представлены как изменения конкретных слов: Альдрете приводит латинские и испанские слова, различающиеся словообразовательными моделями, сопоставляет отдельные грамматические формы испанского, итальянского, французского¹⁹.

Наибольшее внимание Альдрете уделяет источникам испанской лексики. Он подчёркивает латинскую основу словарного состава, рассматривает заимствования, которые считает средством обогащения языка, признаёт особую роль грецизмов, сравнивает релатинизацию с проникновением грецизмов в латынь²⁰. Обращаясь к германизмам, Альдрете связывает с цивилизационным уровнем готов изменения в готском и латыни²¹, чем объясняет трудности определения германизмов в *romance* [8, с. 361-362]. Альдрете приводит два списка арабизмов (арабизмы в испанском, романизмы в арабском), считая, что заимствования в языках идут в обоих направлениях [8, с. 362-363]. Особое место в трактате уделено топонимике. Автор предлагает толкования, связанные с историей Испании, Италии, Греции, с античной мифологией, библейской историей, но очень многие из них ошибочны.

Трактат позволяет оценить вклад Б. де Альдрете в разработку общих вопросов романской филологии.

В трактате используются разные номинации со значением «язык, речь», помимо *lingua* и *lenguaje*. При обозначении испанского языка (автор термин *español* к языку не применяет) конструируют *castellano, lingua castellana, nuestra lingua/lingua nuestra*. В названии трактата видим *"romance que oi se usa en España"* (иногда автор относит к современному испанскому *romance* без уточнений, если это очевидно из контекста).

Однако часто *romance* встречается в другом значении. Альдрете объясняет появление термина необходимостью противопоставить германский язык пришельцев-готов и романский язык населения бывшей римской провинции²². С переходом готов на *romance* утверждается оппози-

¹⁷ vnas letras entendian por outras, [...] dexaron la declinacion la que tomaron de fu lengua. En la qual los nombres fon indeclinables, i los casos fe diftinguen por los articulos, i preposiciones, como oi fe vfa en la lengua Italiana, Española [...].totalmente perdieron la voz passiva, i ufaron de los participios con el verbo fer o auer [...] que usamos en la lengua nuestra, i tambien lo tiene la Italiana, lo qual tambien es de la lengua fetentrional, o Gotica [8, с. 153-154].

¹⁸ dicciones Latinas, que tienen au, las boluieron en, o, aurum, [...] autumnus, [...] caulis, [...] Taurus. De los quales dezimos [...] oro, [...] otoño, [...] coles, [...] Toro [8, с. 205-206].

¹⁹ Los Italianos vfarõ algo desto [...] Laurus, Alloro [8, с. 206]. Dize fe vn mismo origen a todos, por que en los caſos todos correſpondemos a los Latinos, i affi dezimos , io, mi, nos, i nosotros, el Italiano io, me, Noi, i Noi altri, el Frances, ie, moi, Nous [8, с. 214].

²⁰ Lo mismo paſſa oi en el Romance, que admitimos vocablos Latinos de nueuo o de otras lenguas, o por que faltan en la nuestra los proprios, o porque buscamos, que aia en ella maior abundancia dellos [...]. Despues de ia perficionada admitia de nueuo vocablos conofcidamente Griegos, quando le faltauan los proprios [8, с. 260-261].

²¹ Aunque los Godos fueron muchos años ſeñores de España, como tambien de Italia, i Frãcia, fiendo gente mas belicofa, i fenzilla, que ambicioſa, procuraron antes cõferuar la lengua Latina que eftender la ſua propria, pero por fu poca policia, i el grande primor, que eſta tiene, la vinieron a eſtragar i corromper [8, с. 360].

²² Romance [...] fe derivó de la lengua Latina, ò Romana, i della tuuo ſu principio, i nombre [8, с. 6]. Es tan parecida, i femejante la lengua Castellana a la Latina fu madre [...] i en ambas concurren todas las partes de legitima filiatiõ. [...] Lo primero el nombre de Romance teſtifica eſto, el qual fe le puõ a diſtincion de la Gotica. [...] los Romanos fe diftinguan de los Godos, i en España no auia otra diſtincion ſin hazer memoria del nombre de Eſpañoles, porque todos eran Romanos [8, с. 186].

ция латынь ← романский язык. Альдрете относит «romance» преимущественно к раннему этапу истории испанского языка (следующем после периода римского владычества в Испании) и подчёркивает использование обозначения в “Siete Partidas”²³. Представленная в трактате триада понятий *lengua latina* – *romance* – *castellano* (отмеченная выше конкуренция номинаций ещё не позволяет говорить о сложившейся терминологии) подводит Альдрете к важным инновациям.

Сложившиеся понятия позволяют говорить о формировании представлений об этапах истории романских языков, которые находят отражение в описании истории языка в трактате: 1. римский (с вниманием к доримскому); 2. формирование романской языковой системы; 3. этап становления конкретного романского языка. Рубеж между вторым и третьим этапами – утверждение письменности. Это предвосхищает идею периодизации истории языка (романских языков).

Различение понятий *romance*, закреплённого за ранним этапом формирования языка из латыни, и *romance* (*que oí se usa en España*), обозначающего конкретный романский язык, *castellano*, создаёт возможность отнести номинацию *romance* не только к языку, образовавшемуся из латыни в испанском ареале, но и к другим языкам, объединённым общим свойством – происхождением от латыни, что определяет близость этих языков. Таким образом создаётся понятийная основа для особого термина, обозначающего общность романских²⁴ языков. В сочинении Б. де Альдрете понятие «романские языки» предстаёт уже вполне сформированным.

Это проявляется в названии одной из глав трактата (“*Muestraſſe, que la lengua Latina no eſtá del todo en nueſtro Romance deftruida*” [8, с. 186]), подчёркивающим сходство «нашего Романсе» (кастильского языка) с латынью. Описание отражает системную близость испанского, итальянского и французского, объясняемую общим происхождением от латыни (число имён, выражение падежных значений, сходство романских глагольных систем с латинской); при этом автор отмечает определённые фонетические, грамматические и лексические расхождения между тремя романскими языками²⁵.

Б. де Альдрете ставит важный для романской филологии вопрос: к какой именно латыни восходят романские языки. Источником *romance* он считает разговорную речь, просторечие обычных носителей латыни (то есть народную латынь), отрицая влияние литературной латыни в условиях падения образования в эту эпоху; попутно автор характеризует средневековую латынь²⁶.

Ещё одно обозначение языка, *Lengua Vulgar*²⁷, Альдрете понимает как «родной язык» (синоним – *nuestra lengua*) и считает применимым к любому языку (латинскому, кастильскому, греческому и др.), когда имеется в виду родной язык.

Сравнение функционирования терминов *romance* и *lengua vulgar* в трактате Б. де Альдрете с тем, как они представлены в Словаре Испанской Королевской Академии, в изданиях 1-ом²⁸ и

²³ Forçoso, i neceſſario à fido para mi intento prouar que en Eſpaña fue vulgar la lengua Latina [...]. Aora defeo [...] profeguir lo començado, facendo de lo dicho los efectos, que fueron principio, i origen del Romance [8, с. 150]. Eſte nombre de Romance, por la lengua Caſtellana, le hallamos mui ordinariamente en las leies de Partidas [8, с. 186].

²⁴ Термин “Romano” в трактате обозначает «римский».

²⁵ como las mismas gentes fueron las que vinieron a Italia, Francia, i Eſpaña, aſſi caſi igual introduxeron la gramatica, que tiene mui poca diferencia en todas tres prouincias, de manera que no es ſola i particular de Eſpaña, porque generalmente hablando es vna. Los nombres en todas tres lenguas tienen folas dos terminaciones vna de ſingular, i otra de plural, los caſos ſe diſtinguen por particulas, o prepoſiciones, que les añaden. Los verbos en ſus conjugaciones imitan mucho las Latinas. Lo que mas diſtingue eſtas tres lenguas, que de la copia, i abudancia de la Latina, vna tomo vnos vocablos, i otra otros, vnos en vna ſignificacion, i otros en otra, vnos admite por metafora, otros por traslacion, lo qual no ſiguio la otra, vna recibio vocablos de los que tenían aquellas gentes, otra no. De los verbos hicieron nombres nuevos, i de las particulas, i otras dicciones compuſieron nuevos verbos, vna en la pronunciacion quitò letras, otra las añidio, vna las mudò, otra las conferuò, vna hizo lo que era breue largo, otra al contrario de lo largo breue. Finalmente como los caminos para diuidirſe, i apartarſe ſon muchos, aſſi los vno para diferenciarſe eſtas lenguas, pero en todas ſe reconoce el origen de donde decienden, mas o menos manifieſto, ſegun le correſponde mas, o menos le parece [8, с. 189-190].

²⁶ ſe iua perdiendo la lengua Latina, i començaua el Romance, teniendo ſu principio en la gente popular, i ordinaria, de donde cundio, i ſe eſtendio por todos. Lo qual fue mui apreſſa, por auer ſe dexado en aquellos figlos, i caſi acabado los eſtudios delas buenas letras, como ſe vee en los libros, que de aquellos tiempos tenemos. En los quales, aſſi en lo que ſe trata, como en el eſtilo, i modos de hablar ſe echa de ver con llaneza [8, с. 158-159].

²⁷ Не совпадает с термином романистики «народная/вульгарная латынь».

²⁸ Romance s.m. Nuestro idioma o lengua vulgar. Llámase aſí por traher ſu origen de los Romanos. Latín. *Lingua Vernacula*.

23-ем²⁹, выявляет очевидную близость автора начала XVII в. к современному пониманию этой проблематики и, соответственно, роль его сочинения в формировании важнейших понятий романистики.

Трактат Б. де Альдрете, одно из первых описаний истории конкретного языка, – яркое подтверждение складывающегося исторического подхода к языку. Автор не только эксплицирует идею подвижности языка, он принадлежит к числу ренессансных лингвистов, считающих историчность универсальным свойством языков³⁰ [14; 15].

В сочинении Б. де Альдрете, помимо демонстрации близости родного языка к латыни (связанной с апологией, характерной для Ренессанса), появляется новый аспект – сопоставление романских языков.

Автор считает «основными частями языка» лексику и грамматику, которые составляют «материю и форму» языка³¹. Показав латинское происхождение испанских слов, Альдрете, чтобы подчеркнуть близость испанского к итальянскому и обоим – к латыни, проводит последовательное сопоставление латинских, испанских и итальянских именных, местоименных и глагольных парадигм (для наглядности латинские, испанские, итальянские формы набраны разными шрифтами). Описание отражает универсалистское понимание категории падежа (ср. [5, с. 81-90]). Автор поясняет различия средств выражения категории числа имён в трёх языках³². Он подчёркивает, что кастильская грамматика является не особой, частной (“particular”), а единой, общей (“una”) с итальянской вследствие одновременного и сходного происхождения от латыни³³. Близость языков иллюстрируется параллельными текстами молитвы на латинском, испанском (который в данном случае называется *romance*), итальянском, а также на каталанском и португальском. Таким образом, в историческом сочинении сопоставляются разные уровни (фонетика, морфология, лексика, текст) латыни и романских языков.

Зарождение двух тенденций в описании языков – 1. сопоставительного (типологического), основанного на идеях универсальной грамматики, и 2. исторического, в котором подвижность осознаётся как универсальное свойство языков, – является важнейшей инновацией ренессансной лингвистики [12; 13]. Объединение этих идей у Б. де Альдрете знаменует начальный этап

²⁹ Del lat. Romanice ‘en el idioma de los romanos’.

1. adj. Perteneciente o relativo a las lenguas romances. Léxico romance.

2. m. Lengua derivada del latín, como el español, el catalán, el gallego, el italiano, el francés, etc.

3. m. La lengua española, en oposición al latín o a otras lenguas no romances.

³⁰ La lengua vulgar naturalmēte con el tiempo fe envejeçe, i muda, i en ciento o docientos años fe trueca de manera, que muchas palauras della no fe entienden, como fi fueran vocablos de lengua peregrina, ou estrangera [8, c. 176]. De la lengua Francefa, i mas a la larga de la Tudefca lo prueua bien Iufto Lipfio [...]. Efto mifmo efperimentamos en nueftra lengua cada dia, i lo vemos en los libros, que de cien años atras fe efcriuieron, que mientras mas antiguos parecen, quando fe leen, de otra lengua. Muchos de los vocablos no entendemos con propiedad lo que fignifican, fino por lo que precede, o fe figue venimos en algun conocimiento dellos. Los modos de decir, el eftilo es otro, del que oi fe vfa, i aun los tiempos de los verbos fon algunos diferentes. [...] Para nueftra defto en nueftra lengua Castellana pondre algunos pocos de muchos, que pudiera, facados del Fuero Juzgo, de las Partidas, Hiftoria del Rei Don Alonfo, i del Infante Don Manuel [8, c. 178].

³¹ qualquiera lengua tiene dos partes principales [...] los vocablos, i la Gramatica, aquellos fon como la materia, i efta como la forma [8, c. 255].

³² Auiendo vifto pues como los vocablos Españoles decien den de los Latinos, tambien es iufto trate algo de la Gramatica. Porque la femejança, que entrefi tienen las gramatica Castellana con la Italiana, i ambas con la Latina, no fe puede mejor ver, que declinãdo algunos nombres, i conjugando algun verbo de todas tres lenguas, porque por efta via fe vendra en maior conocimiento lo que tienen de femejança, i en lo que fe apartan, para efto pufe aqui lo vno, i lo otro. Con diferentes letras. La primera es Latina, la segunda Española, la tercera italiana.

Nominatiuo Genitiuo Datiuo Acufatiuo Vocatiuo Ablatiuo

Poeta, Poetae, poetae, Poetam, ò Poeta, à Poeta, el Poeta, del Poeta, al Poeta, el Poeta, ò Poeta, del Poeta, il poeta, del poeta, al poeta, il poeta o poeta, dal poeta. [...]

Ego, Mei, Mihi vel mi, Me, a Me, io, de Mi, a Mi, Me, de Mi, io, di me, a Me, me, da me [...]

affi Castellanos, como Italianos fe diftinguen los cafos por los articulos, porque todos los cafos fon femejantes; lo que nos diferenciamos es en el plural, que nofotros fiempre lo acabamos en S, i ellos en I. Primera conjugacion.

Indicatiuo

Prefens Amo, amas, amat, amamus, amatis, amant. Amo, amas, ama, amamos, amais, aman. Amo, ami, ama, amiamo, amate, amano. [...]

Plufquam Amaueram, amaueras, amauerat, amaueramus, amaueratis, amauerant. Auia

perf. amado, auias amado, auiamos amado, auiais amado, auian amado. Haueuo amato, haueui amato, haueua amato,

haueuamo amato, haueuate amato, haueuano amato [8, c. 255-256].

³³ Con que claramente fe vee, que no es particular la gramatica Castellana fino vna con la Italiana i nacida quando ella, i como ella de vna mesma madre la lengua Latina. Pondre otro exemplo en la oracion [8, c. 258-259].

становления современной романистики, создавая основу сравнительной грамматики романских языков.

Приходится, однако, признать сохранение иерархического видения языков у испанского филолога: он последовательно сопоставляет с латынью лишь испанский и итальянский, sporadически обращается к французскому, но не приводит сведений о других романских языках, упоминаемых в трактате.

Существенная характеристика сочинения Б. де Альдрете – комплекс черт, неотъемлемых для филологических сочинений.

Для Альдрете неразрывна связь языка и его письменности³⁴: исчезновение письменности он объясняет исчезновением языка. Автора интересует графика: он демонстрирует сходство и отличия латинского и греческого алфавитов; сравнивает передачу звуков в романских языках [8, с. 241-244], уделяет внимание начертанию графем.

Испанский филолог рассматривает письменные тексты как свидетельства языковой ситуации и состояния языка. В трактате есть примеры дороманской, латинской и ранней кастильской эпиграфики. Так, он приводит латинский текст, отражающий билингвизм эпохи романизации [8, с. 93]. Латинские тексты вестготской эпохи характеризует как единственный источник знаний об идущих языковых процессах³⁵. Для иллюстрации подвижности языка он приводит параллельные тексты (латинский, испанский) эпитафии середины XIII в. “en la capilla Real de Seuilla al Santo Rei Don Fernando” [8, с. 183-184]; цитирует “Siete Partidas” [8, с. 186].

Привлекает внимание попытка Альдрете при датировке исторического события опереться на факты истории языка: фонетический процесс ($t > d$) [8, с. 342], данные латинской эпиграфики [8, с. 345].

Трактат свидетельствует о глубоком знании испанским филологом предшествующей традиции. Он обращается к необычайно широкому кругу грамматистов и лексикографов, риторов, философов, писателей, поэтов, историков, отцов церкви, теологов – античных, раннехристианских, средневековых, ренессансных, – сопровождая огромное количество цитат и все упоминания авторов (более 100) скупулёнными ссылками на полях трактата.

Немалое внимание уделено в трактате важному аспекту романской филологии – социолингвистической проблематике на разных этапах существования языка. Альдрете касается территориального, социального и функционального варьирования испанского языка. Пишет об образцовой речи королевского двора и университета (представляющей норму сложившегося к этому времени унифицированного национального литературного испанского языка), отличающейся от диалектов. Сообщает о диалектных зонах: выделяет Старую Кастилию, Новую Кастилию, Эстремадуру, Андалусию. Отмечает различия городской и сельской, письменной и устной речи³⁶.

Особенно важна для Б. де Альдрете тема, предвосхищающая актуальную для романской филологии проблематику национальных вариантов. Он включает в сочинение по истории языка вопросы, связанные с распространением и ролью испанского языка за пределами Испании, особенно в Новом Свете, проводит параллель между Римской империей и современной Испанией, различия латыни Рима и провинций сравнивает с различиями *romance* Толедо и других частей Испании, тем более территорий за её пределами³⁷.

³⁴ Recibiendo vna nacion otra lengua, con ella viene, que admita juntamente la letra con que fe escriue, i fe pierde el lenguaje, pierde tambien la forma de la letra, con que lo escriuia [8, с. 241].

³⁵ en los quales hallamos con claridad los indicios, i mueftras de la lengua, que fe vfaua Latina corrompida, qual oi la ufamos, i della no fe hallan raftros mas antiguos [8, с. 154].

³⁶ eftos [dialectos] [...] confiften en vna cierta propiedad en el hablar [...] bien que la lengua fea toda vna. [...] eftos modos de hablar fon diuerfos en vna mifma conforme la variedad, i diversidad de los lugares [...]. Los que andan en la Corte, i eftudian en vnuerfidades tienen desto gran experiencia, porque concurriendo a eftas partes mucha gente de diuerfas partes, i que habla vna mifma lengua Caftellana, en poco tiempo con alguna conuertencia fe conoce, qual es de Caftilla la vieja, qual de la Nueva, quien es de Eftremadura, quien de Andalucia [...]. la gente de la ciudad fe diferencia dela del campo [...]. en la variedad de la lengua, que con fer una mifma, por ella como por la vifta fe conoce quien habla, o cuios fon los efcritos, que fe leen [8, с. 190-192].

³⁷ Crescio con efto la lengua Latina en las prouincias, si bien notan pura i elegante como en Roma, donde ella era natural [...]. Lo mifmo fucede oi en el Romance, que fin duda fe da mejor alos de Toledo, que alos de otras partes, i mucho menos fuera de España, Pues ia fi es aprendido por arte, fin tener trato con Español, de todo punto parece otro lenguaje [8, с. 56].

Проведённый анализ сочинения Б. де Альдрете позволил прийти к следующим выводам.

1. История языка излагается в связи с историей страны. Внешней истории языка, особенно раннему её этапу, уделено значительное место. На всех этапах развития языка затрагивается социолингвистическая проблематика. Альдрете эксплицирует идею подвижности языка, основной причиной изменений считает языковые контакты. Автор трактата приближается к идее периодизации истории языка.

2. Представив внешнюю историю, Альдрете переходит к внутренней – к изменениям в языковой системе. В описании фонетики автор трактата примыкает к ряду ренессансных лингвистов, положивших начало исторической фонетике: выявляет регулярные фонетические процессы, сопоставляет фонетические системы родственных языков. Отмечаются изменения в морфологии имени и глагола. Большое внимание уделяется источникам испанской лексики.

3. Наряду со всесторонним изложением формирования и раннего этапа истории испанского (кастильского), Альдрете касается формирования ареалов других иберо-романских языков: португальского, каталанского, галисийского.

4. Не ограничиваясь собственно испанской и даже иберо-романской проблематикой, Альдрете помещает явления истории испанского языка в широкий романский контекст. Автор одного из первых описаний истории конкретного языка считает историчность универсальным свойством языка. Он предлагает модель сопоставительного описания романских языков, объединяя типологический и исторический подходы в описании, создавая основу сравнительной грамматики романских языков, это знаменует начало современной романистики.

5. У Б. де Альдрете складывается понятие «романский язык», встречается термин «романизованный». Он эксплицирует понимание романизации как перехода на латынь в результате усвоения римского образа жизни, римской культуры. Автор возводит романские языки к разговорной латинской речи обычных носителей латыни (то есть к народной латыни), рассматривает социолингвистические аспекты функционирования латыни. Альдрете выявляет значение первых веков после падения Римской империи как времени формирования романской речи. Характерными чертами романской речи автор считает изменения в морфологии имени и глагола (то есть аналитизм романских языков).

6. Сочинение Б. де Альдрете содержит обширную «филологическую составляющую». Автор обращается к письменным источникам (памятникам разных эпох: примерам доримской и римской эпиграфики, ранних романских текстов). Глубокое знание предшествующей филологической традиции сопровождается использованием элементов научного аппарата (корректным цитированием и ссылками на множество источников).

Таким образом, трактат Б. де Альдрете вносит существенный вклад в разработку современной модели описания истории языка и является первым сочинением, которое охватывает всю проблематику романской филологии и закладывает её основы как научной дисциплины.

© Косарик М.А., 2020

Список литературы

1. Алисова Т.Б. Введение в романскую филологию /Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева. Москва: Издательство «Высшая школа», 2007. 453 [5] с.
2. Бурсье Э. Основы романского языкознания / Пер. с фр. под ред. Д.Е. Михальчи. Москва: УРСС, 2004. 671 с.
3. Жолудева Л.И. История итальянского языка: взгляд из XVI века // Stephanos. 2016. Т. 5. № 19. С. 67–75.
4. Косарик М.А. Программа учебной дисциплины «Введение в романскую филологию» // Stephanos. 2018. Т. 29. № 3. С. 162–179.
5. Косарик М.А. Описание языковой системы в ранних лингвистических памятниках Португалии: В рамках проекта «Лингвистическая доктрина Португалии XVI-XVII веков: Теория и практика описания языка». Т. I: Фонетика. Морфемика. Морфология именных частей речи /М.А. Косарик. Москва: Макс Пресс, 2013. 228 с.
6. Косарик М.А. Проблематика общего языкознания в трактате 1606 г. о происхождении испанского языка Б. де Альдрете – из истории лингвистических идей // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 5. С. 133–141.

7. Михайлова Е.Н. Два взгляда на проблему языка: Жак Дюбуа (1531) и Шарль де Бовель (1533) // Этапы развития романских языков: от языка живого общения к национальному языку. Межвузовский сборник научных трудов / Михайлова Е.Н. Москва. 2019. С. 138-145.
8. Aldrete B.J. de. Del origen y principio de la lengua castellana o romance que oi se usa en España. Por el doctor Bernardo Aldrete /B.J. de Aldrete. Roma: Acerca de Carlo Wilietto, 1606. 371 (25) p.
9. Bahner W. La lingüística española del Siglo de Oro /W. Bahner. Madrid: Editorial Ciencia Nueva, 1966. 202 p.
10. Gauger H.M. La conciencia lingüística en el Siglo de Oro [Электронный ресурс]. – URL: https://cvc.cervantes.es/Literatura/aih/pdf/09/aih_09_1_006.pdf (дата доступа 08.08.2020).
11. Guitarte G.L. La Dimensión Imperial Del Español En La Obra De Aldrete: Sobre La Aparición Del Español De América En La Lingüística Hispánica // Historiographia linguistica. 1984. T. 11. №. 1-2. Pp. 129-187.
12. Kossarik M. Amplificação dos fins da descrição da língua como fator da evolução do cânone gramatical (do cânone único à diversificação de tipos da descrição gramatical – obras portuguesas dos séculos XVI e XVII) // Atti del XXVIII Congresso internazionale di linguistica e filologia romanza (Roma, 18-23 luglio 2016). Vol. 2 / Kossarik M. Strasbourg. 2018. Pp. 1672-1682.
13. Kossarik M. Concepciones pre-coserianas en los monumentos lingüísticos portugueses de los siglos XVI y XVII // Processes-Kompetenz-Variation: Linguistica Coseriana V / Kossarik M. Frankfurt am Main. 2017. Pp. 351-367.
14. Kossarik M. Problemática lexicológica em gramáticas, tratados e diálogos da língua dos séculos XVI e XVII // Confluência. Revista do Instituto da Língua Portuguesa. 2018. № 55. Pp. 246-283.
15. Kossarik M. Universalização de conceitos lingüísticos como etapa da consolidação da ciência – contribuição dos filólogos portugueses // Confluência. Revista do Instituto da Língua Portuguesa. 2015. №49. Pp. 162-200.
16. Kukenheim L. Contributions a l'histoire de la grammaire italienne, espagnole et francaise a l'epoque de la Renaissance (Romance reprints) /L. Kukenheim. Amsterdam: Antwerpen De Vries, 1932. 232 p.
17. Lapesa R. Historia de la lengua española /R. Lapesa. Madrid: Editorial Gredos, S.A., 1981. 690 p.
18. Lledó-Guillem V. La obra de Bernardo de Aldrete en el contexto catalanohablante: imperialismo frente a nacionalismo lingüístico // Hispanic research journal. 2015. T. 16. №. 3. Pp. 191-207.
19. Molina Redondo J.A. de. Ideas lingüísticas de Bernardo de Aldrete // Revista de Filología Española. 1968. №51. Pp. 183-207.
20. Nieto Jiménez L. La política lingüística en el renacimiento español // Letras.1995. nº 31-32. Pp. 5-29.
21. Ridruejo E. Los tratados de historia del español bajo el reinado de Carlos IV: las obras de Vargas Ponce y Martínez Marina [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmcst809> (дата доступа 08.08.2020).

References

1. Alisova, T.B. *Vvedenie v romanskuiu filologiiu* [Introduction to Romance Philology] /T.B. Alisova, T.A. Repina, M.A. Tariverdieva. Moscow: Vysshiaia Shkola, 2007. 453 [5] c. (In Russian).
2. Bourciez, E. *Osnovy romanskogo iazykoznaniiia* [Fundamentals of Romance linguistics] / Translated from the French edited by D.E. Mikhal'chi. Moscow: URSS, 2004. 671 p. (In Russian).
3. Zholudeva, L.I. *Istoriia ital'ianskogo iazyka: vzgliad iz XVI veka* [The History of the Italian Language: a Sight from the 16th century] // Stephanos. 2016. T. 5. № 19. Pp. 67–75. (In Russian).
4. Kosarik, M.A. Programma uchebnoi distsipliny "Vvedenie v romanskuiu filologiiu" [The Program of the Academic Discipline "Introduction to Romance Philology"] // Stephanos. 2018. T. 29. № 3. Pp. 162–179.
5. Kosarik, M.A. *Opisanie yazykovoi sistemy v rannikh lingvisticheskikh pamiatnikakh Potugalii. Tom I. Fonetika. Morfemika. Morfologiia imennykh chastei rechi* [Description of language system in early Portuguese linguistic treatises. Vol. I. Phonetics. Morphemics. Morphology of nominal parts of speech]. / M.A. Kosarik. Moscow: MAKSS Press, 2013. 228 p. (In Russian).
6. Kosarik, M.A. Problematika obshchego iazykoznaniiia v traktate 1606 g. o proiskhozhdenii ispanского iazyka B. de Aldrete – iz istorii lingvisticheskikh idei [General linguistic issues in B. de Aldrete's treatise on the origins of Spanish (1616): from the history of linguistic thought] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. 2020. № 5. Pp. 133–141. (In Russian).
7. Mikhailova, E.N. Dva vzgliada na problemu iazyka: Zhak Diubua (1531) i Sharl' de Bovel' (1533) [Two views on the problem of language: Jacques Dubois (1531) and Charles de Bovelles (1533)] // Etapy razvitiia romanskikh iazykov: ot iazyka zhivogo obshcheniia k natsional'nomu iazyku. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh nrudov [Intercollegiate collection of scientific papers] / Mikhailova E.N. Moscow. 2019. Pp. 138-145. (In Russian).
8. Aldrete, B.J. de. *Del origen y principio de la lengua castellana o romance que oi se usa en España. Por el doctor Bernardo Aldrete* [The origin and beginning of the Castilian language, or Romance language, that is spoken in Spain. By Dr. Bernardo Aldrete] /B.J. de Aldrete. Rome: By Carlo Wilietto, 1606. 371 (25) p.
9. Bahner, W. *La lingüística española del Siglo de Oro* [Spanish linguistics of the Golden Age] / W.Bahner. Madrid: Editorial Ciencia Nueva, 1966. 202 p. (In Spanish).
10. Gauger, H.M. *La conciencia lingüística en el Siglo de Oro* [Linguistic awareness in the Golden Age]. – URL: https://cvc.cervantes.es/Literatura/aih/pdf/09/aih_09_1_006.pdf (Date of access 08.08.2020). (In Spanish).
11. Guitarte, G.L. La Dimensión Imperial Del Español En La Obra De Aldrete: Sobre La Aparición Del Español De América En La Lingüística Hispánica [The Imperial Dimension of Spanish in Aldrete's Work: On the Appearance of American Spanish in Hispanic Linguistics] // Historiographia linguistica. 1984. T. 11. №. 1-2. Pp. 129-187. (In Spanish).
12. Kossarik, M. Amplificação dos fins da descrição da língua como fator da evolução do cânone gramatical (do cânone único à diversificação de tipos da descrição gramatical – obras portuguesas dos séculos XVI e XVII) [Widening the range of language description aims as a factor of evolution of grammatical canon (from single canon to a number of description types: XVI-XVII cc.

- Portuguese linguistic writings)] // Atti del XXVIII Congresso internazionale di linguistica e filologia romanza (Roma, 18-23 luglio 2016). Vol. 2 [Proceedings of the XXVIII International Congress on Romance Philology (Rome, July 18-23, 2016). Vol. 2] / Kossarik M. Strasbourg. 2018. Pp. 1672-1682. (In Portuguese).
13. Kossarik, M. Concepciones pre-coserianas en los monumentos lingüísticos portugueses de los siglos XVI y XVII [Pre-Coserian conceptions in XVI-XVII Portuguese linguistic writings]. // *Processes-Kompetenz-Funktion-Variation: Linguística Coseriana V* [Processes, Competence, Function, Variation: Coserian Linguistics V] / Kossarik M. Frankfurt am Main. 2017. Pp. 351-367. (In Spanish).
 14. Kossarik, M. Problemática lexicológica em gramáticas, tratados e diálogos da língua dos séculos XVI e XVII [Textological issues in XVI-XVII cc. grammars, treatises and dialogues on language] // *Confluência. Revista do Instituto da Língua Portuguesa* [Confluência. Journal of the Institute of Portuguese language]. 2018. № 55. Pp. 246-283. (In Portuguese).
 15. Kossarik, M. Universalização de conceitos linguísticos como etapa da consolidação da ciência – contribuição dos filólogos portugueses [Universalization of linguistic concepts as a stage in the making of language science: the contribution of Portuguese philologists] // *Confluência. Revista do Instituto da Língua Portuguesa* [Confluência. Journal of the Institute of Portuguese language]. 2015. №49. Pp. 162-200. (In Portuguese).
 16. Kukenheim, L. *Contributions a l'histoire de la grammaire italienne, espagnole et française a l'époque de la Renaissance* [Contributions to the history of Italian, Spanish and French grammar during the Renaissance period] (Romance reprints) /L. Kukenheim. Amsterdam: Antwerpen De Vries, 1932. 232 p. (In French).
 17. Lapesa, R. *Historia de la lengua española* [History of the Spanish language] /R. Lapesa. Madrid: Editorial Gredos, S.A., 1981. 690 p. (In Spanish).
 18. Lledó-Guillem, V. La obra de Bernardo de Aldrete en el contexto catalanohablante: imperialismo frente a nacionalismo lingüístico [Bernardo de Aldrete's work in the Catalan-speaking context: imperialism versus linguistic nationalism] // *Hispanic research journal*. 2015. T. 16. №. 3. Pp. 191-207. (In Spanish).
 19. Molina, Redondo J.A. de. Ideas lingüísticas de Bernardo de Aldrete [The Linguistic Ideas of Bernardo de Aldrete] // *Revista de Filología Española* [Journal of Spanish Philology]. 1968. №51. Pp. 183-207. (In Spanish).
 20. Nieto, Jiménez L. La política lingüística en el renacimiento español [Language Policy in the Spanish Renaissance] // *Letras*. 1995. nº 31-32. Pp. 5-29. . (In Spanish).
 21. Ridruejo E. Los tratados de historia del español bajo el reinado de Carlos IV: las obras de Vargas Ponce y Martínez Marina [Treatises on the history of Spanish under the reign of Carlos IV: the works of Vargas Ponce and Martínez Marina], www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmcst809 (Date of access 08.08.2020). (In Spanish).

Сведения об авторе:

Косарик Марина Афанасьевна – заведующая кафедрой романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор. Сфера научных интересов: романское языкознание, романские языки, история романских языков, португальский язык, лингвистическая историография.

E-mail: olissipo@yandex.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Marina A. Kossarik – Head of Department of Romance linguistics of the Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Romance linguistics, Romance languages, history of Romance languages, Portuguese language, linguistic historiography.

E-mail: olissipo@yandex.ru

Conflicts of interest: The author declares absences of conflicts of interest.

* * *

LANGUAGE PROJECTION OF STEREOTYPES IN DIFFERENT LINGUISTIC CULTURES

Elleonora V. Maremukova

Ministry of Culture of the Kabardino-Balkarian Republic,
360000, Russia, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Keshokov street, 43.

Abstract. *The article reveals the peculiarities of transmission of stereotypical images of various cultures in the language of a native speaker. Through a comparative study of the material of languages with different structures (English, Russian and Kabardino-Circassian), the specificity of linguistic explication of ethno-cultural stereotypes is analyzed. The analysis of language tools demonstrates that stereotype as an integral part of human thought processes and a conceptual picture of the world is inextricably linked with ethnic culture, acting as an accumulator of collective experience and a regulator of individual's behavior, and language not only transmits stereotypes of national thinking and projects the human worldview, but also creates reality, forming corresponding images in the minds of communicants. The study of linguistic material of compared languages made it possible 1) to conclude that language reflects the specific perception of surrounding reality by representatives of different linguistic cultures, due to the national mentality; 2) to identify the peculiarities of national thinking in the process of stereotyping; and 3) to determine the function of stereotypes reflected in language in building a constructive intercultural dialogue. The target audience of the study may include university students following linguistic, ethnocultural programs, employees of educational and research institutions, as well as all interested in a comparative study of languages with different structures.*

Key Words: *language, culture, linguistic culture, worldview, linguistic picture of the world, stereotype, stereotyping*

For citation: Maremukova E. V. 2020. Language Projection of Stereotypes in Different Linguistic Cultures. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 146–155. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-146-155>

ЯЗЫКОВАЯ ПРОЕКЦИЯ СТЕРЕОТИПОВ В РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Э.В. Маремукова

Министерство культуры Кабардино-Балкарской Республики,
360000, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Кешокова, 43.

Аннотация. В статье выявлены особенности объективации стереотипных представлений различных культур в языке носителя. Посредством сопоставительного изучения материала разноструктурных языков (английского, русского и кабардино-черкесского) проанализирована специфика лингвистической экспликации этнокультурных стереотипов. Проведённый анализ языковых средств демонстрирует, что стереотип как неотъемлемая часть мыслительных процессов человека и концептуальной картины мира неразрывно связан с этнической культурой, выступая аккумулятором коллективного опыта и регулятором поведения индивида, а язык не только транслирует стереотипы национального мышления и проецирует человеческое мировидение, но и создаёт реальность, формируя соответствующие образы в сознании коммуникантов. Исследование лингвистического материала сравниваемых языков позволило заключить, что в языке находит отражение специфическое восприятие окружающей действительности представителями разных лингвокультур, обусловленное национальным менталитетом, а также позволило определить особенности работы национального мышления в процессе стереотипизации и изучить функциональную нагрузку стереотипов, вербализованных в языке, в выстраивании конструктивного межкультурного диалога. Целевая аудитория исследования может включать студентов высших учебных заведений по лингвистическим и этнокультурным программам, работников образовательных и научно-исследовательских учреждений, а также всех заинтересованных в сопоставительном изучении разноструктурных языков.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультура, мировидение, языковая картина мира, стереотип, стереотипизация

Для цитирования: Маремукова Э.В. 2020. Языковая проекция стереотипов в разных лингвокультурах. *Филологические науки в МГИМО*. Том 6. № 4(24). С. 146–155. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-146-155>

Введение: актуальность исследования, цели, задачи, методы

В условиях глобализации и взаимопроникновения культур и языков особую актуальность приобретает изучение вопросов языкового разнообразия и самобытности этнических культур, содействия их сохранению и развитию. В языкознании укрепляются положения о доминирующей роли родного языка в процессе восприятия человеком мира. Научный лингвистический интерес вызывает трансляция языком культурно маркированной информации его носителей. Актуальность данного исследования заключается в необходимости изучения взаимодействия культуры и языка как разных семиотических систем.

Целью исследования является контрастивное изучение репрезентации в языке национально-культурных стереотипов на материале трёх разноструктурных языков – английского, русского и кабардино-черкесского. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: определить понятие стереотипа и его характерные особенности; установить различия между процессами стереотипизации и категоризации окружающей действительности; на материале английского, русского и кабардино-черкесского языков изучить специфику восприятия окружающей действительности представителями разных лингвокультур; определить особенности работы национального мышления в процессе стереотипизации; изучить функциональную нагрузку стереотипов в выстраивании конструктивного межкультурного диалога.

На материале устной разговорной речи, народного фольклора, в том числе паремиологических единиц, а также письменных источников – литературных текстов и словарных изданий – анализируется специфика вербализации этнокультурных стереотипов в рассматриваемых языках. В работе представлен анализ, в первую очередь, ряда этнонимов, представляющих собой «говорящие» названия и заключающих в себе стереотипные качества обозначаемой ими этнической группы, а также идиоматических выражений и отдельных концептов, эксплицирующих этнокультурные ценности и стереотипные представления носителей исследуемых языков. Для анализа эмпирического материала был применён комплекс общенаучных и лингвистических методов,

в том числе сопоставление, интерпретация, обобщение, методы семантического, структурного и концептуального анализа, выбор которых предопределён спецификой объекта изучения, целью и задачами исследования – изоморфизмом культуры и языка, необходимостью установления их взаимосвязи, выявления особенностей национального ментального устройства посредством анализа языковых знаков и определения механизма объективации этнокультурной информации.

Стереотип, стереотипизация и категоризация

Теория о взаимозависимости языка и мышления восходит к исследованиям В. Гумбольдта [16]. В продолжение этой темы Э. Сепир и Б.Л. Уорф сформулировали гипотезу языковой отнесенности [15; 14]. Э. Сепир полагает, что люди в значительной степени находятся во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе [15]. В процессе восприятия объектов реальности и их категоризации формируются стереотипы, в том числе стереотипы как по отношению к себе, своей этнической группе в целом, так и к представителям других лингвокультур. Человек окружён стереотипами, диктуемыми его национальной лингвокультурой [8].

В научный обиход термин «стереотип» впервые введён американским социологом и журналистом У. Липпманом, который определил его как схематичное, упрощённое представление о каком-либо фрагменте реальности, предназначенное для восполнения недостающей информации; пометку объектов либо как знакомые, либо как странные и необычные, представляя немного знакомое как очень близкое, а немного непривычное – как абсолютно чужое [4, с. 104].

Стереотип – заранее сформированная человеком мыслительная оценка чего-либо, которая может быть отражена в соответствующем предвзятом поведении. Стереотипы представлены во всех сферах жизни общества в виде различных модификаций.

В научной лингвистической литературе имеет место отождествление стереотипизации и категоризации реальности или рассмотрение стереотипирования как почти неизбежного следствия категоризации окружающей действительности [19]. В концепции П. Шрёдера «стереотип» – это любая форма обобщённого опыта [18, с. 670]. Сторонники данного подхода аргументируют свою точку зрения чрезвычайной сложностью окружающей действительности для человеческого восприятия, в связи с чем люди оперируют её редуцированной моделью. Категоризация подразумевает восприятие конкретной сущности как частного случая более абстрактного явления. Сложность мироустройства и лимитированность человеческого опыта определяют неизбежность процесса категоризации [8]. Новым явлениям необходимо давать имена, включать их в сформированную картину мира, структуру лингвоментального комплекса. Таким образом, слово или имя представляет собой обобщение фрагмента мира определённой этнической культуры в звуковом и графическом обрамлении.

Классическая модель категории Аристотеля предполагает чёткие границы категории, одинаковый статус, эквивалентность всех членов категории [2, с. 22]. Следовательно, если придерживаться позиции приравнивания стереотипизации к категоризации, эта модель наделяет всех объектов подобного процесса эквивалентными характеристиками (например, «россияне» – это категория, которая объединяет всех граждан, зарегистрированных в Российской Федерации). В то время как категория предполагает номинацию (обозначение одним именем группы единиц), стереотипизация – утверждение, формулировка которого требует участия предиката (например, «В России холодно»). При отождествлении стереотипов и категорий возникает вопрос об объективности стереотипов, поскольку категории являются общепринятыми представлениями о том, что определённые частные единицы принадлежат к более крупным, общим абстрактным группам, обоснованность отнесения к которым не вызывает сомнений в обществе. Ситуация со стереотипами другая: доминирует мнение о том, что они являются негативным явлением, поскольку наделяют целый класс объектов или явлений качествами одного объекта или явления, не являющимися неотъемлемыми характеристиками всех членов этих групп, что вводит в заблуждение о наличии или отсутствии этих свойств у отдельных их представителей. Согласно Г. Тэджфелу, стереотипи-

зация отличается от категоризации: объект можно определить как член определённой категории, не наделяя его стереотипными качествами и допуская его нетипичность и нестереотипность [20].

Человек обобщает существующие представления о предметах или явлениях и даёт им лингвистическое оформление, закрепляя за ними ярлыки-названия, для того, чтобы в следующих упоминаниях в речи использовать их, тем самым облегчая речемыслительную деятельность. Подобное утверждение ослабляет широко распространённую позицию о негативной природе стереотипов, создающих препятствия в процессе межкультурной коммуникации, экспозиционируя их не негативным явлением, предубеждением, предвзятым отношением, а мысленным обобщением наблюдаемых явлений и присвоением им лингвистических ярлыков. Изначально отрицательное отношение к стереотипам является стереотипизацией – предвзятым отношением к роли стереотипов, чему подвержены и учёные, пренебрегающие их нейтральными и позитивными аспектами [10, с. 121]. Исследователями отмечается неоценимая помощь стереотипов в организации информации о мире. Стереотипы часто рассматриваются как упростили и систематизаторы объёмной информации, усваиваемой индивидом в процессе социализации и освоения окружающего мира. Выделяются две важные черты стереотипа, такие как детерминированность культурой и способность экономить усилия и языковые средства [4]. Стереотипы, несмотря на схематизм и обобщённость, подготавливают почву для общения с другими народами и культурами, ослабляя культурный шок [11; 15]. И.С. Кон заявляет, что ни один человек не обладает способностью самостоятельно без участия существующих стереотипов познавать многообразие жизненных событий и явлений окружающей действительности [3, с. 3–5], [8].

Национальные стереотипы

При изучении роли стереотипов в межкультурном взаимодействии нельзя забывать, что стереотипы всегда национальны [12]. Национальные (этнокультурные) стереотипы делятся на автостереотипы, представляющие собой видение собственного образа и культуры своего народа, и гетеростереотипы, обобщающие взгляды на другие народы и культуры. В концепции Г.У. Солдатовой, автостереотип и гетеростереотип – взаимозависимые единицы, образующие единую целостную личностную и групповую идентичность [9, с. 70], [10, с. 125–12]. Люди осознают свои этнокультурные нормы, общаясь с представителями других культур и проводя с ними параллели [11, с. 52]. В подтверждение данного утверждения Н.В. Сорокина приводит идеи А.Г. Здравомыслова о релятивистской теории нации, согласно которой нация раскрывает своё существование прежде всего посредством сопоставления с другими, и то, как её воспринимают другие, является одним из наиболее важных моментов для её собственного мироощущения. Автостереотип усиливается посредством гетеростереотипа – через механизм изолирования от «чужой» группы. Так формируется этноцентризм, определяющий собственную культуру приоритетной, помещающий её в центр и оценивающий другие группы в оппозиции к ней [10, с. 127]. Будучи носителем и в то же время оставаясь заложником языкового и культурного наследия и стереотипов, представитель этнической группы нередко становится неспособным объективно отражать явления, события, другие этносы. На помощь ему приходит стереотип, позволяющий провести разделительную грань между «своими-чужими».

В научной лингвистической литературе преобладает позиция, что автостереотипы преимущественно имеют положительное содержание, то есть собственная этническая группа чаще видится в позитивном свете по сравнению с чужой. Этноцентризм, активно подпитывающий национальные стереотипы, порождает веру в то, что традиционные основы, система убеждений и менталитет материнской культуры являются «единственно правильными, нормальными и приемлемыми» [7, с. 13].

Однако следует отметить, что автостереотипы не всегда имеют положительную окраску. В русском языке можно встретить частое употребление выражения «Только русский так может поступить» (с отрицательной коннотацией, к примеру, о беспокойном и свободном на чужой взгляд поведении русских туристов за рубежом, что, возможно, не выходит за рамки дозволенного в

понимании части представителей самого народа, однако воспринимается как неприемлемое в других культурах, где в приоритете более спокойное поведение и сдержанность), что является автостереотипом негативного содержания. Примеры отрицательного автостереотипа имеются и в английском языке: «Stop being so British and say what you think» – «Перестань быть таким британцем и скажи, что ты думаешь (поделись своим мнением)». Негативный автостереотип, или доминирование отрицательных черт в самооценке этноса, детерминированный иррациональностью поведения представителей определённой части этнического сообщества, следует рассматривать проявлением чувства ответственности за собственную культуру и заинтересованности в её позитивном восприятии другими культурами – положительном гетеростереотипе.

Стереотипы различного эмоционально-оценочного характера могут иметь один и тот же когнитивный компонент, то есть когнитивная составляющая стереотипов может совпадать, а аффективная – отличаться [10, с. 131]. Например, автостереотип американцев – весёлые, раскрепощённые и дружелюбные, в то время как другими этническими группами данные свойства воспринимаются в преломлении собственных культурных особенностей: к примеру, в глазах англичан американцы слишком открытые и шумные (негативный гетеростереотип). Автостереотип англичан – сдержанные и уважающие приватность других людей (позитивный автостереотип), что в свою очередь воспринимается представителями иных культур как проявление собственного превосходства и безразличия к другим (отрицательный гетеростереотип). Несмотря на то, что когнитивный компонент указанных утверждений совпадает, языковые средства выражения этого содержания играют решающую роль в формировании стереотипа, а именно его положительный или отрицательный характер.

Выделяется также контрстереотип – характеристики, приписываемые нетипичным представителям группы, которые, с одной стороны, являясь исключениями из правил, «подтверждают это правило» (достоверность стереотипов) [10, с. 129], с другой стороны – обладают способностью изменить стереотипы [9, с. 71]. Увеличение количества характеристик, отклоняющихся от существующих предубеждений, укрепление позиций контрстереотипов может оказать содействие в изменении сложившихся стереотипов. К индикаторам наибольшей достоверности стереотипа относятся совпадение авто- и гетеростереотипа, длительные контакты между народами, совпадение гетеростереотипов двух этнических групп относительно третьей группы и др. [10].

Языковая экспликация этнокультурных стереотипов

Одними из наиболее ярких способов лингвистической объективации этностереотипов являются идиоматические выражения. К примеру, в русском языке используется устойчивое выражение «уйти по-английски», что значит «уйти, не попрощавшись». Интерес представляет наличие в английском языке подобного выражения, однако с участием этностереотипа другого народа – французов – «to take a French leave», «to leave in a French way» (уйти по-французски). А во французском языке используется эквивалентная фраза – *filer à l'anglaise* («уйти, не прощаясь (по-английски)»). Предположительно, выражение проникло в русский язык именно через французский язык. Данное обстоятельство может быть интерпретировано таким образом, что представления и стереотипы зарождаются при условии определённой осведомлённости об объекте стереотипизации. Стереотип (или этностереотип) может существовать в обществе о народе или явлении при условии, что члены этого общества имеют представление о нём либо через посредников, либо непосредственно в процессе взаимодействия с ним. При этом неполные знания об иных культурах могут также содействовать появлению национальных этнических стереотипов, основанных на мистических представлениях. В кабардино-черкесском языке имеется поговорка «Зыгуэр шыжаIэм зыгуэр шыщыIэщ» (досл. «там, где что-то говорят, что-то есть», то есть если что-то становится предметом разговора в народе, значит, имеются некоторые основания – не зря ходят слухи). В русском языке, «в каждой шутке – доля правды». Это означает, что стереотипы не возникают на пустом месте, их появление продиктовано определёнными событиями, однако не объективна атрибуция существующих стереотипов ко всем без исключения членам определённой

группы без учёта индивидуальных характеристик. Приведённый выше пример свидетельствует о заинтересованности русских в англичанах, и указанный стереотип не является негативным, он – результат наблюдения русских и передаёт определённые различия в поведении двух народов. Показательно рассмотренное выше наделение друг друга одним и тем же стереотипным свойством у англичан и французов, что вызвано тесной связью культур, многовековой историей, а также традиционным антагонизмом между этими народами.

В рассматриваемом контексте примечательны этнонимы, являющиеся не только результатом категоризации с целью выделения определённой группы людей, объединённых общими признаками (язык, культура, экономика, территория проживания, самосознание, внешний вид, менталитет и другое), но и отражением их наиболее характерных черт в общем для них «говорящем» названии (этнониме).

К примеру, в русском языке этноним «немец» (вместо «German» или «Deutsche») (германец)) восходит к «немати» (говорить непонятно). Праславянское слово «немец» (чужестранец) образовано от «нем» – «немой, неспособный говорить на понятном языке». В более широком смысле данное слово обозначало всех иностранцев, говорящих «непонятно». Кабардино-черкесский язык отражает сходный процесс речемыслительной деятельности по отношению к понятию «иностранец»: каб.-черк. «бзэмыІу» («иностранец») [1] (иностранец, чужестранец, букв. «немой» – примечание автора): «зи бзэр мыІу» – «тот, язык которого не звучит», то есть не звучит понятно, разборчиво, что приводит к непониманию его окружающими. Данная параллель обнаруживает сходные лингвокультурные характеристики процесса языковой фиксации «лица, находящегося на территории государства, гражданином или подданным которого он не является» в русском и кабардино-черкесском языках. В то же время термин «заморский», «overseas» (где акцент делается на территориальное разграничение, в данном случае водными ресурсами) в русском и английском языках выступает одним из примеров языковых универсалий. В кабардино-черкесском языке имеется термин «псым адрыщІкІэ» (за морем/рекой (букв. «за водой»)) со значением «на другой территории», «далеко», однако он не закреплён в языке для обозначения лиц, проживающих на этой территории (в фольклорных текстах встречается выражение «псым адрыщІкІэ щыпсэу-хэр» («живущие за рекой, водой»), а в современном литературном кабардино-черкесском языке зафиксировано выражение «хамэ къэрал цІыху» («иностранец, чужестранец»).

В английском языке появление этнонима «Irish» (ирландцы, ирландский) детерминировано стереотипным представлением об этой этнической группе (англ. «ire» («anger») [13] – гнев, злость, ярость), историческими предпосылками формирования которого считаются вспышки народного гнева в форме стихийных бунтов против многовековой социально-экономической и этноконфессиональной политики Соединённого королевства по отношению к ирландцам.

Идиоматические выражения и отдельные концепты, функционирующие в активном словаре носителей языка, выступают транслятором этнокультурной информации, декодирование которой выполняет решающую роль в установлении эффективного межкультурного диалога. К примеру, в разговорном английском языке используется выражение “Are you kidding (me)?!”, восходящее к “to kid” (“to say something as a joke, often making someone believe something that is not true”) [13] (сказать что-то в шутку, заставляя кого-либо поверить во что-либо, не являющееся правдой), “make a kid of someone” (букв. «относиться к кому-либо, как к ребёнку, не воспринимать его серьёзно, считать его наивным и воспользоваться этой детской наивностью»): “Are you making a kid of me?” («Ты шутишь?», «Ты издеваешься?», «Ты серьёзно?!» (досл., «Почему ты относишься ко мне, как к ребёнку, выставляешь меня дураком?»)). Происхождение данного выражения можно также соотнести с поведением субъекта в предложении “He is just kidding” («Он всего лишь шутит» (ведёт себя несерьёзно, как ребёнок). “To kid someone” – «дразнить кого-либо» (как это обычно делают дети), “to kid yourself” – «позволять себе верить чему-либо, желая, чтобы это было правдой» (наивно верить, как дети). Полным эквивалентом выражения “Are you kidding?!” в русском и кабардино-черкесском языках является «Ты шутишь?!» («УгушыІэу ара?»), в то время как использование стереотипа ребёнка в подобном контексте, как это имеет место в английской лингвокультуре, наблюдается реже. Такие паремиологические единицы, как «Устами младенца

глаголет истина» в русском языке, «Джэд нэхърэ джэдыкІэ нэхъ Іущц» («Яйцо мудрее курицы»), «Жьым щытхъуи, щІэр къаштэ» («Похвали старшего, выбери молодого»), «Нэхъыжым жьэ ет, нэхъыщІэм гъуэгу ет» («Дай старшему слово, молодому – дорогу») в кабардино-черкесском языке выступают подтверждением того, что в русской и кабардино-черкесской лингвокультурах ребёнок чаще ассоциируется не с неполноценностью, наивностью или несерьёзностью, а с источником правды, справедливости, новых идей и перспективных решений.

В английском языке, в частности в американской разговорной версии, употребляется выражение “You dog!” («Ты собака!», «Да ты собака!») в адрес лица, добившегося каких-либо успехов, пройдя через определённые приключения (в данном случае стереотип собаки обусловлен одной из её характеристик – стремлением гоняться за своей целью и достигать её). В русском языке в подобном контексте чаще используется выражение «Ты тигр!», в кабардино-черкесском языке «Ар аслъэнщ» («Он лев», ср. в англ. “You are a lion”), обусловленное такими стереотипными признаками этих диких животных, как «быстрота», «ловкость», «ярость», «сила» и др. Интересно отметить редкость использования выражения «Ты лев» в кабардино-черкесском языке в качестве обращения ко второму лицу, что можно объяснить лингвокультурной особенностью адыгов не хвалить представителей своего народа как обращаясь к нему непосредственно, так и в его присутствии, чтобы он не возгордился и не остановился на достигнутом и продолжал стремиться к большему. В кабардино-черкесском языке, несмотря на любовь адыгов к собакам, сравнение с ними имеет преимущественно негативную коннотацию, что возвышает человека над всеми живыми существами: «Ар хъэщ», «Ар хъэм хуэдэщ» («Он собака», «Он подобен собаке» – он жестокий, способен на многие злодеяния). В данном случае происходит лингвокультурное маркирование таких стереотипных черт собак, как «злость», «бешенство», «агрессивность».

Лингвокультурный интерес представляет лексема «подкидыш» в русском языке, имеющая коннотацию «ребёнок, подкинутый матерью чужим людям» [6] (вследствие нежелания его содержать и воспитывать – прим. автора). Эквивалентом данного термина в английском языке является «foundling» (“a young child who is left by parents and then found and cared for by someone else”) [13] (младенец, оставленный родителями и затем найденный и принятый другими людьми на воспитание, букв. найдёныш – примечание автора). Интересно отметить, что в русском языке в данном случае лингвистически объективируется культурно осуждаемый факт подкидывания ребёнка, в английской лингвокультуре – поощряемый факт нахождения и, соответственно, спасения оставленного (подкинутого) ребёнка (подкинули, однако нашли, спасли), а в кабардино-черкесском языке – отсутствие лингвистического обозначения подобного культурного концепта является показателем неприемлемости в адыгском обществе подкидывать и оставлять ребёнка на произвол судьбы.

Примечательна репрезентация концепта «лошадь/конь» в русской лингвокультуре при характеристике трудолюбивого, выносливого человека («пашет, как лошадь», «лошадиное здоровье»). Стереотипные признаки лошади восходят к истории и быту русского народа («запрягать тройку лошадей», «перевозить на лошадях груз»). В английском языке лошадь исторически символизировала власть и знатность, а её образ является одним из неотъемлемых компонентов «английскости»: “When you are on a great horse, you have the best seat you will ever have” – Sir Winston Churchill («Когда Вы на отличной лошади, у Вас лучшее место, которое у Вас когда-либо будет» – Сэр Уинстон Черчилль) [17, с. 37]; “A horse! a horse! My kingdom for a horse!” (W. Shakespeare «Richard III», 1594) (Коня! Коня! Моё королевство за коня!) (перевод авторский). Выражением подобного отношения к лошадям являются проводимые и в сегодняшнее время скачки Royal Ascot, любительницей которых является и сама королева Елизавета II. В этом плане кабардино-черкесская лингвокультура обнаруживает сходство с английской: стереотип лошади детерминирован почтительным и трепетным отношением адыгов к лошадям. В качестве тягловой силы адыги применяли крупный рогатый скот. Кабардинская порода лошадей славится издавна, в том числе за рубежом. Кабардинские князья и богатые дворяне имели крупные конские заводы. В языке используются афоризмы «Адыгэм и ныбэ егъэныкъуэри, и шым и ныбэ ирегъэкъу» («Адыг оставляет себя голодным и кормит своего коня»), «Дунеим щынэхъ дахэр сыт? Адыгэ хъыджэбзырщ.

Абы нэхъ дахэжыр сыт? Адыгэшү кьабзэрщ. Адыгэшүр зыгъэдахэр сыт? АдыгэлI губзыгъэрщ. Ар зыгъэгубзыгъэр сыт? И бзэрщ – адыгэбзэрщ» («Что на свете красивее всего? Адыгская девушка. Что красивее её? Адыгская лошадь. Что делает красивой адыгскую лошадь? Умный адыг. Что делает его умным? Его язык – адыгский язык»). Кони наравне с людьми являются действующими лицами Нартского эпоса адыгов. Народный фольклор возносит коней так же, как и героев, которым они принадлежат. «Нарт эпосым лЫри шыри зэхуегъадэ, лЫм кIэрилъхьэр шымы кIэрелъэхьэ» (Нартский эпос приравнивает коня к герою, наделяет его теми же качествами, которыми обладает герой) [5, с. 9].

Заключение

Проведённый анализ позволяет заключить, что культура, мировоззрение, жизненные установки и приоритеты народа отражаются в выборе языковых средств для обозначения предметов и явлений окружающей действительности.

Язык выступает в качестве средства экспликации стереотипных представлений этнической общности, неотъемлемым компонентом культуры и наряду с этим является его инструментом, позволяя аккумулировать и транслировать коллективный опыт, отражает культуру, условия жизни, самосознание народа и его менталитет, национальный характер и систему ценностей.

Стереотип неразрывно связан с этнической культурой и является неотъемлемой частью концептуальной картины мира. Этнический стереотип транслирует культурно детерминированную информацию о предметах и явлениях мира.

Использование стереотипа происходит автоматически, даже если он противоречит эмпирической картине мира. Расхождение между стереотипом и эмпирическим опытом связано с тем, что в сознании человека присутствует не реальное отражение действительности, а его образ.

Стереотипы полагаются одним из препятствий на пути успешного построения диалога культур. Любое утверждение, выступая обобщением имеющегося опыта, категоризацией или стереотипизацией, не является абсолютно достоверным, неизменным и зависит от перспективы рассмотрения. Преодоление сложившихся стереотипов требует определённой работы – изучения и языкового оформления объекта познания. В этом и особенность стереотипов – в их относительной устойчивости и проблематичности разрушения.

При этом стереотипы выполняют ассистивную функцию в познавательном процессе, а также построении межкультурного диалога, обеспечивая субъекта познания готовыми категориальными представлениями, существующими упрощёнными базовыми элементами окружающего мира. Проверка их достоверности, укоренение или разрушение с появлением новых последуют после интеграции в языковую и культурную среду. Лингвокультурная интеграция способствуют переосмыслению сложившихся предрассудков и негативных стереотипов, приближает к их преодолению и упрощает процесс межкультурного взаимодействия. Таким образом, необходимо помнить о дуализме стереотипов, которые могут как исказить действительность, так и симплифицировать процесс усвоения информации.

По отношению к стереотипам более оправданным можно считать такой подход, который предполагает выводы и обобщения, основанные на собственном опыте, учёт конструктивных функций стереотипов, построение параллелей и целенаправленное маркирование универсальных категориальных характеристик объектов познания в целях устранения существующих негативных установок, формирования новых и, следовательно, обеспечения бесконфликтного и эффективного межкультурного общения.

© Маремукова Э.В., 2020

Список литературы

1. Апажэ М.Л., КӀуэкӀуэ Ж.Н. Адыгэ-урис псалгъалтэ. Псалгъэ 27 000-м нэблагъэ итщ. Филологии щӀэныгъэхэмкӀэ доктор БищӀо Б.Ч. и редакцӀкӀэ. Налшык: «Эльбрус», 2008. Н. 704. [Апажев М.Л., Коков Дж.Н. Кабардино-черкесско-русский словарь. Около 27 000 слов / Под научной ред. доктора филологических наук Б.Ч. Бижоева. Нальчик: «Эльбрус», 2008. 704 с.]
2. Вилинбахова Е.Л. Материалы к курсу лекций «Лингвистическое изучение стереотипов»: учебно-методическое пособие. СПб.: СПбГУ, 2015. 72 с.
3. Кон И.С. Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предрассудков) / И.С. Кон // Новый мир. 1966. № 9. С. 188–204.
4. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой; ред. перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
5. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. ЕтӀуанэ къыдэкӀыгъуэ. Ред. БжэныкӀэ М.М. Тхылъ тедзапӀэ центр «Эльфа»: Налшык, 1995. Н. 559. [Нарты. Кабардинский эпос. На кабардинском языке. Ред. М.М. Бжеников. Нальчик: Издательский центр «Эльфа» Республиканского полиграфического комбината им. Революции 1905 г., 1995].
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1982. 816 с.
7. Романов А.С. Этнические стереотипы армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры. М.: Типография военного университета, 2017. 231 с.
8. Семашко Т.Ф. Стереотип как фрагмент языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 176–179.
9. Солдатова Г.У. Психология межнациональной напряженности / Г.У. Солдатова. М.: Смысл, 1998. 389 с.
10. Сорокина Н.В. Методическая типология стереотипов как компонент содержания обучения иностранным языкам в ВУЗе // Н.В. Сорокина. Язык и культура, 2013. № 3 (23). С. 120–139.
11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: СЛОВО/SLOVO, 2000. 624 с.
12. Чеканова С.А. Роль стереотипов в межкультурном общении // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки: Научно-практический журнал. М.: Научные технологии, 2017. Выпуск №12. С. 263–265.
13. Cambridge Dictionary. Cambridge University Press, 2020. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 29 April 2020).
14. Carroll J.B., Chase S. Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. MIT Press, 1964. 278 p. URL: https://books.google.ru/books?id=W2d1Q4el00QC&dq=Whorf+B.L.+Science+and+Linguistics.&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (accessed 29 April 2020).
15. Goodman Mandelbaum D. (ed.). Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality. University of California Press, 1949. 617 p. URL: https://books.google.ru/books?id=NG6VQqGfP2cC&dq=Sapir+E.+Selected+Writings+of+Edward+Sapir+in+Language,+Culture+and+Personality&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (accessed 29 April 2020).
16. Humboldt W.F. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, 1836. 511 S. Digitized: 4 June 2013. URL: <https://books.google.ru/books?id=BKpWAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&v=onepage&q&f=false> (accessed 29 April 2020).
17. Price S. 1001 Best Things Ever Said About Horses, Rowman & Littlefield, 2006. 400 p.
18. Schröder P. Sprachliches Funktionieren und interaktive Funktion von Stereotypen in einer Güteverhandlung vor dem Schiedsmann / P. Schröder // Das Güteverfahren vor dem Schiedsmann. Soziologische und kommunikationswissenschaftliche Untersuchungen. Köln, 1987. S. 667–722.
19. Stephan, W.G., & Stephan, C.W. Intergroup relations / W.G. Stephan, C.W. Stephan. Boulder, CO: Westview Press, 1996. 240 p.
20. Tajfel H. Human groups and social categories: Studies in social psychology / Tajfel H. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 369 p.

References

1. Apazhev, M.L., Kokov Dzh.N. *Kabardino-cherkessko-russkii slovar*. Okolo 27 000 slov [Kabardino-Circassian-Russian dictionary] / Pod nauchnoi red. doktora filologicheskikh nauk B. Ch. Bizhoeva. Nal'chik: «El'brus», 2008. 704 s.
2. Vilinbakhova, E.L. *Materialy k kursu lektsii «Lingvisticheskoe izuchenie stereotipov»: uchebno-metodicheskoe posobie* [Materials for the lecture course «Linguistic study of stereotypes»: a teaching tool]. SPb.: SPbGU, 2015. 72 s.
3. Kon, I.S. *Psikhologiya predrassudka (o sotsial'no-psikhologicheskikh korniakh etnicheskikh predubezhdenii)* [Psychology of prejudice (on the socio-psychological roots of ethnic prejudices)] / I.S. Kon // *Novyi mir*. [New world]. 1966. № 9. S. 188–204.
4. Lippman, U. *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion] / per. s angl. T.V. Barchunovoi; red. perevoda K.A. Levinson, K.V. Petrenko. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. 384 s.
5. *Narty. Kabardinskii epos*. Na kabardinskom iazyke. [Nart Saga. Kabardian Epos. In Kabardian]. Red. M.M. Bzhenikov. Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'fa» Respublikanskogo poligraficheskogo kombinata im. Revoliutsii 1905 g., 1995.
6. Ozhegov, S.I. *Slovar' russkogo iazyka*. Ok. 57 000 slov [Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: approx. 57,000 words] / Pod red. dokt. filol. nauk, prof. N. Shvedovoi. – 14 izd., stereotip. M.: Rus. iaz., 1982. 816 s.
7. Romanov, A.S. *Etnicheskie stereotipy armeiskoi subkul'turnoi sredy SShA v znakakh iazyka i kul'tury* [Ethnic stereotypes of the US army subcultural environment in signs of language and culture]. M.: Tipografiya voennogo universiteta, 2017. 231 s.

8. Semashko, T.F. Stereotip kak fragment iazykovoi kartiny mira [Stereotype as a fragment of the linguistic picture of the world] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Stereotype as a fragment of the linguistic picture of the world]. Tambov: Gramota, 2014. № 2 (32): v 2-kh ch. Ch. II. C. 176-179.
9. Soldatova, G.U. *Psikhologiya mezhetnicheskoi napriazhennosti* [Psychology of interethnic tension] / G.U. Soldatova. M.: Smysl, 1998. 389 s.
10. Sorokina, N.V. Metodicheskaya tipologiya stereotipov kak komponent soderzhaniya obucheniya inostrannym iazykam v VUZe [Methodological typology of stereotypes as a component of the content of teaching foreign languages at a university] / N.V. Sorokina // *Iazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2013. № 3 (23). S. 120–139.
11. Ter-Minasova, S.G. *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Language and Intercultural Communication]. M.: SLOVO, 2000. 624 s.
12. Chekanova, S.A. Rol' stereotipov v mezhkul'turnom obshchenii [The role of stereotypes in intercultural communication] // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya Gumanitarnye nauki: Nauchno-prakticheskii zhurnal* [Modern science: actual problems of theory and practice. Humanities series: scientific and practical journal]. M.: Nauchnye tekhnologii, 2017. Vypusk №12. S. 263-265.
13. *Cambridge Dictionary*. Cambridge University Press, 2020, dictionary.cambridge.org/ (accessed 29 April 2020).
14. Carroll, J.B., Chase S. *Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf*. MIT Press, 1964. 278 p., books.google.ru/books?id=W2d1Q4el00QC&dq=Whorf+B.L.+Science+and+Linguistics.&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (accessed 29 April 2020).
15. Goodman, Mandelbaum D. (ed.). *Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality*. University of California Press, 1949. 617 p., books.google.ru/books?id=NG6VQqGfP2cC&dq=Sapir+E.+Selected+Writings+of+Edward+Sapir+in+Language,+Culture+and+Personality&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (accessed 29 April 2020).
16. Humboldt, W.F. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*. Berlin, 1836. 511 S. Digitized: 4 June 2013, books.google.ru/books?id=BKpWAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (accessed 29 April 2020).
17. Price, S. *1001 Best Things Ever Said About Horses*, Rowman & Littlefield, 2006. 400 p.
18. Schröder, P. Sprachliches Funktionieren und interaktive Funktion von Stereotypen in einer Güteverhandlung vor dem Schiedsmann // *Das Güteverfahren vor dem Schiedsmann. Soziologische und kommunikationswissenschaftliche Untersuchungen*. Köln, 1987. S. 667–722.
19. Stephan, W.G. *Intergroup relations* / W.G. Stephan, C.W. Stephan. Boulder, CO: Westview Press, 1996. 240 p.
20. Tajfel H. *Human groups and social categories: Studies in social psychology* / Tajfel H. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 369 p.

Сведения об авторе:

Маремукова Эллеонора Владимировна – кандидат филологических наук, главный специалист-эксперт Министерства культуры Кабардино-Балкарской Республики (Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвокультурология, сопоставительное языкознание, теория языка.

E-mail: elleonora16@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Elleonora V. Maremukova – PhD, chief specialist-expert of the Ministry of Culture of the Kabardino-Balkarian Republic (Russia, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik). Sphere of scientific and professional interests: cultural linguistics, comparative linguistics, language theory.

E-mail: elleonora16@mail.ru

Conflicts of interest: The author declares absence of conflicts of interest.

* * *

THE FUNCTIONING OF A SEMANTIC CALQUE ТОКСИЧНЫЙ IN DISCURSIVE PRACTICES OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

S. Popova, T. Shkapenko

Immanuel Kant Baltic Federal University,
56 A, Chernyshevskogo ul., Kaliningrad, 236022 Russian Federation

Abstract. *The paper focuses on the semantic derivation of the adjective «toxic» in English, which underlies the neosemantization of the adjective “токсичный” in the Russian language. Due to exposing the seme of negative impact, the word “toxic” is subjected to metaphorization. It is actively used in various spheres of Anglo-American discourse. The universal character of the metaphor, in which the target domain is a person, and the source domain – toxic substances, explains the high frequency of its usage. The conceptualization of a person and the whole system of interpersonal relations in terms of metaphor “Man is a toxic substance” is considered as a verbal indicator of the real psychological state of Anglo-American society. The high frequency of the word in political discourse is characterized as a means of language manipulation. Attention is drawn to the ethnic specificity of the American feminist socioconstruct “toxic masculinity”, as a particular manifestation of the tendency to eliminate binary gender opposition. While examining the functioning of neosemantism “toxic” in the Russian language, a conclusion is made about the process of semantic calque, which proceeds in the form of exact copying the ways of its metaphorical usage in the donor language. In the speech practices of native Russian speakers the adjective “toxic” changes its traditional syntagmatics, including in the field of reference nouns with the meaning of a person or various types of human relationships. There are changes in the use of the adjective, which is becoming a fashionable attribute of the speech of politicians, financiers, and psychologists. It is emphasized that the semantic shift in the adjective “токсичный”, which is carried out under the influence of the donor language, is alien to the traditional system of values of Russian native speakers.*

Key Words: *semantic calque, semantic derivation, neosemantization, adjective toxic/toxic, toxic masculinity*

For citation: Popova S., Shkapenko T. 2020. The Functioning of a Semantic Calque Токсичный in Discursive Practices of the Modern Russian Language. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 156–166. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-156-166>

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАЛЬКИ ТОКСИЧНЫЙ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ НОСИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье описываются механизмы семантической деривации прилагательного *toxic* в английском языке, лежащие в основе неосемантизации прилагательного «токсичный» в русском языке. В результате актуализации семы негативного воздействия *toxic* подвергается метафоризации и активным образом используется в различных сферах англо-американского дискурса. Высокая частотность употребления слова объясняется универсальностью действия метафоры, в рамках которой целевым доменом является человек, а областью источника – токсичные вещества. Концептуализация человека в системе его межличностных отношений в терминах универсальной метафоры «Человек – токсическая субстанция» рассматривается как вербальный индикатор реального психологического состояния англо-американского социума. Высокочастотное употребление определения *toxic* в политическом дискурсе характеризуется как средство языкового манипулирования. Обращается внимание на этноспецифичность американского феминистского социоконструкта *toxic masculinity* как частного проявления тенденции к устранению бинарной гендерной оппозиции. В результате наблюдения за функционированием неосемантизма «токсичный» в русском языке делается вывод о процессе семантического калькирования, протекающем в виде точного копирования способов его метафорического употребления в языке-доноре. В фиксируемых в Интернете речевых практиках носителей русского языка прилагательное «токсичный» изменяет свою традиционную синтагматику, включая в область референции существительные со значением лица или наименований различных видов человеческих взаимоотношений. Отмечаются изменения в сфере употребления прилагательного, становящегося модным атрибутом речи политиков, финансистов, психологов. Подчеркивается, что осуществляемый под воздействием языка-донора сдвиг в значении прилагательного «токсичный» входит в противоречие с традиционной системой ценностей носителей русского языка.

Ключевые слова: семантическое калькирование, семантическая деривация, неосемантизация, прилагательное *toxic*/токсичный, токсичная маскулинность

Для цитирования: Попова С.Б., Шкапенко Т.М. 2020. Функционирование семантической кальки токсичный в дискурсивных практиках носителей современного русского языка. *Филологические науки в МГИМО*. Том 6. № 4(24). С. 156–166. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-156-166>

Введение

Влияние различных элементов американского варианта английского языка на современный русский язык особенно ощутимым образом проявляется на лексическом уровне, как наиболее чувствительном к переменам социально-экономического и культурно-идеологического характера. Иноязычные вербальные знаки усваиваются принимающими языками в двух основных формах, то есть заимствования лексемы в двуединстве плана выражения и плана содержания, и как односторонние заимствования, копирующие семантику знака при сохранении материальной формы исконного или ранее заимствованного слова. Второй тип заимствований представляется более сложным как для их выявления, так и для теоретического описания. Среди исследователей не существует единого мнения ни в области их терминологизации, ни в способах их идентификации и изучения.

Оригинальный материал в области теоретического описания новейших семантических заимствований предлагает монографическое исследование «Свое versus «чужое» в дискурсивных практиках современного русского языка» [9]. В результате применения различных подходов к

изучению лексем-англоглобалицизмов¹ авторам удаётся не только выявить различные формы и способы «копирования» иноязычных смыслов исконными русскими или заимствованными ранее словами, но и прийти к выводам общетеоретического характера.

Наше исследование посвящено семантической кальке *токсичный*, сделавшей одну из наиболее «успешных» карьер среди слов-англоглобалицизмов. Как известно, Оксфордский словарь назвал слово *toxic* лауреатом 2018 года, вслед за чем сотрудники Института русского языка имени Пушкина объявили лауреатом года слово шпиль. Следуя внезапно обнаружившимся интеграционным тенденциям в рамках кросс-культурной коммуникации, журналист С. Лесков объединил двух победителей в названии статьи «Токсичный шпиль как символ года» [6]. Целью данного исследования является изучение механизмов семантической деривации прилагательного *toxic* в языке-доноре и процессов его семантического калькирования в речевых практиках носителей современного русского языка.

Методы и материал. Общетеоретические основы исследования составляют концептуальные положения о лингвокультурной глобализации как ведущей тенденции современной языковой ситуации [13; 14], о динамической синхронии языкового объекта в современной языковой ситуации [5], об англосемантизации как изменении значений автохтонных слов под воздействием английского языка [15]. Изучение особенностей функционирования семантической кальки *токсичный* проводилось в сравнительно-сопоставительной перспективе на материале английского и русского языков с применением методов дефиниционного, компонентного, функционально-семантического и контекстологического анализа. Материалом исследования послужили данные корпуса американского английского языка и Национального корпуса русского языка; данные, полученные по запросу *toxic/токсичный* в поисковых системах Google, а также тексты, размещённые в интернет-источниках.

Результаты

1.1. Процесс семантической деривации прилагательного *toxic* в английском языке

Базовыми лексическими единицами со значением ‘содержащий яд’ в английском языке являются два слова: *poisonous*, восходящее к латинскому *pōtiōnem*, аккумулятиву от *pōtio*, первоначально обозначающему ‘напиток; снадобье, приворотное зелье’, позднее – ‘отравленный напиток’; и *toxic*, непосредственно заимствованное в XVII веке из латинского *toxicus* ‘яд’.

Практически все словари английского языка в качестве прямого значения слова указывают ‘содержащий яд’:

Poisonous: full of or containing poison: *poisonous air, poisonous substance*.

Переносное значение определяется как ‘вредный, разрушительный’: «harmful; destructive»: *poisonous rumors*; или ‘недоброжелательный, злонамеренный’: «deeply malicious; malevolent»: *poisonous efforts* [17].

Механизм возникновения переносного значения основывается на актуализации семы «сильного отрицательного воздействия», что позволяет расширить спектр коллокаций прилагательного с реальными ядовитыми субстанциями на не имеющие материального воплощения объекты, способные причинить интенсивный вред их адресатам.

Все словари в качестве синонимов приводят прилагательное *toxic*, определяемое, в свою очередь, с помощью синонимического *poisonous*:

Toxic: containing or being poisonous material especially when capable of causing death or serious debilitation: *toxic waste a toxic radioactive gas* [18].

Словарное описание переносного значения слова также содержит указание на высокую степень причиняемого ущерба или вреда: *extremely harsh, malicious, or harmful: toxic sarcasm* [18].

Разница между употреблением синонимов в прямых значениях состоит в том, что *poisonous* используется, в основном, по отношению к существующим в природе организмам или субстанции-

¹ Термин англоглобалицизмы употребляется в статье в значении «лингвистические элементы различных уровней, заимствованные в текущий этап лингвокультурной глобализации из американского варианта английского языка национальными языками» [7, с. 200].

ям (*poisonous snake, mushrooms* и т.п.), в то время как *toxic* тяготеет к определению продуктов деятельности человека (*toxic waste, substance, metals* и т.п.). Как следствие, *toxic*, в отличие от *poisonous*, функционирует преимущественно в научном или научно-популярном дискурсе, прежде всего, в химико-биологическом, медицинском и экологическом.

В американском варианте английского языка *toxic* используется в финансовых дискурсивных практиках для обозначения неликвидных, бесполезных активов или других финансовых средств, которые сложно реализовать на рынке:

Toxic 4: relating to or being an asset that has lost so much value that it cannot be sold on the market, in American English [18].

В качестве примеров переносного употребления *toxic* в общелитературном языке словари указывают те же референты, что и в случае с *poisonous*. Это продукты психической деятельности человека, связанные с восприятием других людей: слухи, подозрения, слова, ирония, сарказм и т.п. При этом сам человек как объект «токсичной» характеристики в структуре значений англоязычных словарей отсутствует.

Примечательно, что в отличие от словарей, авторами которых являются учёные, словарь английского сленга, составленный интернет-пользователями, приводит семь значений, каждое из которых относится к определённой разновидности «токсичного» человека или группы людей. Первое фиксируемое значение характеризуется как «прилагательное, которое описывает крайне неприятного человека, который жалуется по любому поводу, сеет ненависть вокруг себя и грубо отзывается об окружающих» (Перевод наш – СП, ТШ).

Toxic: adjective used to describe usually very negative person, that bitch about everything, spread unnecessary hate or just talk shit about others.

Yo mike is so toxic when he is losing.

Why you gotta be so toxic Tyler? please calm down [20] (цитируется с сохранением орфографии оригинала – СП, ТШ).

Однако использование *toxic* в качестве определения человека является характерным не только для сленга, но и для других стилистических регистров и социо-коммуникативных практик. Анализ Национального корпуса американского английского языка (СОСА) показывает, что актуальная синтагматика *toxic* очевидным образом тяготеет именно к человеческим объектам или присущим людям свойствам, действиям и отношениям. Чаще всего встречаются коллокации с существительными: *partner, person, people, man, woman, parents, father, mother, wife, husband, boyfriend, girlfriend, boss, leader, relationship, love, views, thinking, tweets* и т.п. Широкая распространённость характерна и для сочетаний с дейктическими местоимениями второго и третьего лица. Приведём яркий пример, зафиксированный корпусом: *she is more toxic than cancer* [19].

Сеть англоязычного Интернета пестрит различными справочными пособиями, помогающими идентифицировать токсичных родителей, матерей, отцов, дедушек и бабушек, жён, мужей, партнёров и т.п. на основании некоторого числа признаков, маркирующих их токсичность. Например, согласно блогу «Mental Health & Psychology Blogs», существует 15 признаков токсичности родителей (*15 Signs You Have Toxic Parents*). Самый верный способ разоблачить своих «предков» как носителей токсичности – это диагностировать у них отсутствие эмпатии, англо-американского психотерапевтического конструкта, активно тиражируемого в подвластных глобализации странах. В блоге указывается: *Toxic parents are: 1) Self-centered and have a limited capacity for empathy* [blogs.psychcentral.com]. Другие блогеры рекомендуют распознавать родительскую токсичность непосредственно на основании их речевых действий: *Almost all toxic parents say they love their ... children* [agileleanlife.com/toxic-parents], подрывая тем самым основы другого англосаксонского социо-психологического конструкта – так называемой «culture of trust», или «культуры доверия».

Запрос американского общества на токсичность находит своё описание и в различных научных или научно-популярных психологических трудах, описывающих токсичность родителей, брачных или внебрачных пар, партнёрских отношений и т.п. В рамках психологического сексизма и гендерных штудий особое значение приобретает концепт «токсичной маскулинности» (*toxic masculinity*), сконструированный усилиями эмансипированных американских женщин как сово-

купность тех мужских черт, которые причиняют, по их мнению, вред обществу. К ним относятся такие стереотипы мужского поведения, как склонность к доминированию, самонадеянность, повышенное либидо, полигамная сексуальность, алкогольная и наркотическая зависимость, женоненавистничество, гомофобия и др. Консолидированный портрет мужской токсичности представлен в образе так называемого альфа-самца как эталонного носителя всех маскулинных черт. Появление данного лингвоконцепта и его растущая популярность, очевидно, связаны с тем, что он удачным образом вписывается в стратегию борьбы с «маскулинностью» и «феминностью» как членов бинарной гендерной оппозиции в целом.

Как видим, неосемантизм *toxic* получает прописку в научном или научно-популярном дискурсе, но на сей раз не в области медицины или финансов, а уже в антропологических, культурных, гендерных и, в первую очередь, феминистских социокультурных практиках. В отличие от чисто номинативной функции, которую лексема выполняет в своём прямом значении, основанное на метафоре терминоподобное словосочетание содержит в себе имманентный оценочный компонент, обладающий высокой степенью персуазивности.

Прагматическая оценочность прилагательного и его использование с целью речевого воздействия не в меньшей степени характерно для политического дискурса, в рамках которого *toxic* становится удобным средством формирования у широкой аудитории нужного отношения к объекту токсичной характеристики. Например,

Don't downplay Donald Trump's toxic tweets [[amp.flipboard.com](https://www.flipboard.com)].

Readers React: 'Trump's presidency is so toxic' [<https://www.bostonglobe.com>].

Если некий политический деятель, страна или так называемый режим характеризуются при помощи данного прилагательного, то тем самым провоцируется установка на перлокутивный эффект, который во внеязыковой реальности вызывает принятие яда. Не подлежит сомнению, что попытка выработать условный «рвотный» рефлекс посредством высокочастотного использования определения *toxic* по отношению к тому или иному политическому субъекту препятствует критическому восприятию информации и становится средством манипулирования сознанием целевой аудитории.

Следует отметить, что чрезмерная амортизация прилагательного в популярной психологии, в масс-медиа и в повседневной разговорной речи², постепенно делает «токсичным» само слово, что присуще всем словам категории «buzzword». На англоязычных форумах последних лет отмечается, что *toxic* используется столь часто, что постепенно утрачивает смысл. Как пишет один из участников многочисленных дискуссий по поводу злоупотребления (*overusing*) слова, «Каждый божий день появляются сообщения с описанием токсичности в чате, в голосовом чате, в общем чате, от команды врагов и от команды друзей. <...> это слово вбрасывается ТАК ЧАСТО, что теряет свой смысл. Неужели нельзя перестать применять слово *toxic* к любой ситуации, в которой возникают разногласия? Неужели нельзя перестать устраивать битвы по самому незначительному поводу?» (*Перевод наш – СП, ТП*: [<https://www.reddit.com>]).

Эффект «усталости» от чрезмерного употребления какого-либо модного слова является естественным когнитивным феноменом. Намного более удивительным представляется сам факт универсальной «антропоморфной» метафоризации слова *токсичный*. Признак токсичности является привязанным к строго определённым субстанциям – содержащим яд веществам. Однако, на основании аналогии характера негативного воздействия на адресата, данный признак первоначально атрибутируется продуктам речемыслительной деятельности человека, а затем проецируется на всю без исключения сферу человеческих взаимоотношений³. То есть, в соответствии с положениями теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [5], область источника составляют токсичные субстанции, в то время как область цели – человек во всей совокупности его соци-

² Одной из самых распространённых реплик в общении американских школьников, по сведениям наших информантов в США, является «You're so toxic...»

³ К. М. Шилихина предлагает описывать данный семантический сдвиг как метонимический: от продукта человеческой деятельности – к самому человеку [12].

альных ролей и межличностных интеракций. На наш взгляд, когнитивная направленность американского социума на предикацию признака ядовитости столь широкому кругу реляционных имён является сигналом, свидетельствующим о реальном психологическом состоянии его членов и характере отношений между ними.

Использование морбиальной метафоры в различных коммуникативных практиках всегда рассматривалось в лингвистике как языковой маркер неблагополучного положения дел. Употребление «летальной» метафоры, реализующейся по формуле «человек человеку яд», является ещё более тревожным индикатором наличия значительных проблем внутри общества, продвигающего идеалы толерантности и политической корректности.

Таким образом, в американском варианте английского языка прилагательное *toxic*, с одной стороны, продолжает выполнять номинативные функции в области медицинского, химико-биологического и экологического дискурса, с другой стороны, метафоризируется и используется как универсальный оценочный предикат, маркирующий негативное отношение говорящего к человеку во всех его статусах и социальных ролях.

1.2. Семантическое калькирование прилагательного *toxic* в современном русском языке

В русском языке, как и в английском, имеются две основные лексемы, вербализующие признак «содержащий в себе яд»: *ядовитый* и *токсичный*. Этимология последнего слова была представлена в первой части работы.

Яд, *ядовитый* восходят к двум древнерусским словам *ядъ*, *ьдъ* «яд», *ядно* «опухоль», старославянскому *дъ*. Стар. этимология считает исходным **ēdu-* и сближает это слово с и.е. **ed-* (см. *еда*, *ем*), ср. лит. *ėdis* «еда, пища», др.-исл. *át* ср. р. «кушанье», норв.-датск. *aat* «приманка для хищников» [11].

Словарные статьи указывают на наличие прямого и переносного значения лексемы *ядовитый*:

1. Являющийся ядом (в 1 знач.), причиняющий отравление. *Ядовитое вещество. Ядовитая змея. Я. газ.*

2. перен. Язвительный и злобный. **Ядовитое замечание. Я. характер.**

3. О цвете, запахе: неприятно резкий [8].

Как видим, в области концептуальной метафоризации наблюдается полный параллелизм с английским *poisonous*, основывающийся на акцентуации семы специфического воздействия ядовитых субстанций. Примечательно, что МАС указывает, что в область референции метафорического употребления слова входят не только продукты речемыслительной деятельности человека, способные причинить негативное психологическое воздействие, но и сам человек:

Ядовитый - 2. Язвительный, злобный. Как вас такого ядовитого старичка, земля терпит? А.Н. Толстой. Нечистая сила. || Выражающий злобу, язвительность. Ядовитое слово. Ядовитая улыбка [10].

Однако анализ данных Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) позволяет убедиться в том, что использование прилагательного *ядовитый* в переносном значении встречается редко. Из 2 874 документов только около ста примеров фиксируют случаи переносного употребления: *ядовитые замечания* (30 примеров), *ядовитые насмешки* (35), *ядовитые речи* (4), *ядовитые упреки* (8), *ядовитая ухмылка* (4), *ядовитый человек* (8), *ядовитая женщина* (5), *ядовитая баба*, *бабёнка* (2), *девушка*, *девица* (2), *ядовитый мужик*, *мужичонок* (2) [16].

Что касается лексемы *токсичный*, все словари русского языка фиксируют только одно его значение, отмечая узкоспециализированный характер его употребления:

ТОКСИЧНЫЙ, -ая, -ое; -чен, -чна. Содержащий токсины, токсический [9].

Примечательно, что в НКРЯ среди 365 зарегистрированных употреблений прилагательного имеется только 1 случай его использования вне терминологического контекста: *токсичный старикашка*.

В то же время запрос по данному слову в системе Google даёт нам многочисленные примеры его использования в тех же коллокациях, в которых оно фигурирует в английском языке: *токсичные родители*, *токсичный друг*, *подруга*, *человек*, *люди*, *дети*, *взрослые*, *партнёр*, *начальник*, *босс*, *шеф*,

сотрудники, министры, муж, жена, любовь, сотрудничество и т.п. Инновационная синтагматика прилагательного вызывает проблемы с нахождением точных соответствий в русском языке. Так, в Мультитране предлагаются различные варианты передачи смысла сочетания *toxic person* на русский язык: *нарушитель личных границ, человек с нездоровым влиянием* и даже *энерговампир*.

Русскоязычный Интернет, так же, как и англоязычный, переполнен различного рода справочными пособиями, помогающими выявить «токсичность» во всех вышеуказанных существах и проявлениях взаимоотношений между ними. Часть из источников представляет собой перевод с английского языка, другая часть возникает на основе их незначительной адаптации к собственным лингвокультурным условиям. Однако и в этом случае используются те же незамысловатые механизмы, по которым строят своё речевое воздействие на массового потребителя англо-американские средства массовой информации. Это, в первую очередь, нумерация признаков токсичности или советов в области взаимодействия с токсичными субъектами, например:

10 признаков токсичных родителей, которые портят жизнь детям, не осознавая этого [<https://www.adme.ru>].

Токсичные родители: 10 признаков семейного террора [<https://flytothesky.ru>].

Шесть токсичных начальников, которых нужно избегать любой ценой [<https://hr-portal.ru>].

Для того чтобы целевая аудитория понимала, какой смысл несёт с собой атрибуция признака токсичности различным антропонимическим субъектам, на отдельных сайтах предлагаются определения англосемантизма:

Токсичными отношениями называют любое взаимодействие между людьми (супругами, друзьями, знакомыми, коллегами по работе), приносящее эмоциональную боль и полное истощение ресурсов одной из сторон [<https://monocler.ru>].

Предпринимаются также попытки внедрить и популяризировать изобретённый в рамках американского сексизма уже упоминавшийся конструкт «токсичной маскулинности», который чаще всего калькируется с помощью русского синонима «мужественность». Однако его употребление вместо латинского наименования создаёт эффект катахрезы, поскольку мужественность, во-первых, не является исключительно мужским качеством, во-вторых, в русской языковой картине мира имеет исключительно положительную аксиологическую оценку. Сложности перевода данного сочетания становятся предметом обсуждения на различных форумах, предлагающих весьма любопытные варианты экспликации смысла, например: идеализированная брутальность, бесчувственность и самцовость в социальной роли и поведении мужчины.

Заголовки интернет-текстов о токсичной мужественности позиционируют тему как трендовую и актуальную, а отдельные справочники предлагают различные толкования нового концепта. Автор статьи о токсичной мужественности в интернет-журнале «Wonder» пытается «разобраться, что на самом деле значит этот термин, насколько он научный и почему с ним стоит обращаться осторожно» [wonderzine.com]. Автор разъясняет, что токсичным является не все то, что не нравится, а только «те действия, ситуация или отношения, которые систематически негативно влияют на ваше состояние и будут влиять на жизнь потом, например, абьюз, который убивает самооценку» [Ibid]. Тот факт, что настойчивая атрибуция мужским качеств характеристики «токсичных» может убивать самооценку доброй половины человечества, во внимание, безусловно, не принимается. Интересную логику демонстрирует в статье и социолог М. Юсупова, разъясняющая, что «онтологическая токсичность маскулинности не означает, что все мужчины токсичны» [Ibid]. Заметим, что характеристика мужской токсичности с помощью определения «онтологический» уже сама по себе предполагает имманентную всему роду мужскому социально-психологическую дисфункциональность. «Просветительские» статьи, пытающиеся объяснить российской аудитории смысл нового феминистского конструкта, на сегодняшний день встречают полное недоумение читателей, особенно среди носителей маскулинной токсичности.

Более прочные позиции англосемантизм *токсичный* занял в российском финансовом и политическом дискурсе, хотя в последнем зачастую снабжается кавычками, указывающими на «свежесть» и непривычность подобного смыслоупотребления, либо разъясняется с помощью сравнения с определённым физическим референтом:

У нас очень большая страна, и только 1 процент её освоен. Эта власть стала такой же токсичной, как свалки, которые на этом 1% страны отравляют воздух!» [https://www.bbc.com/russian].

В различных политических телешоу определение *токсичный* фигурирует как в пересказе его участниками англоязычных текстов, так и в собственных высказываниях, в которых характеристика *токсичный* всё чаще служит для выражения отношения к политикам с противоположными взглядами. В финансовом дискурсе *токсичный* используется без метаоператоров в сочетаниях с существительными *долги, кредиты, активы*:

Токсичные долги. Приведёт ли рост популярности ипотеки к краху цен на недвижимость в России [https://360tv.ru/news/].

Анализ

Выполненное в сравнительно-сопоставительном русле исследование показало, что функционирование прилагательного *токсичный* в значении «отравляющий жизнь, оказывающий сильное негативное воздействие», представляет собой результат точного копирования способов его употребления в английском языке. Возможность мониторинга процесса вхождения англосемантизма в различные речевые практики непосредственно в период его протекания позволяет констатировать факт вторичного заимствования без вспомогательных верифицирующих приёмов. В условиях «динамической синхронии» нет необходимости прибегать к тем критериям, которые отграничивают семантическое калькирование от смысловой деривации знака на собственной языковой почве. Индикаторами текущего заимствования значения иноязычного слова являются: его отсутствие в словарях принимающего языка, наличие переводных дефиниций в он-лайн источниках, сложность нахождения соответствий в русском языке, эксплицитные указания на факт недавнего употребления слова в новом значении, сопровождение лексемы метаописаниями и метаоператорами, точное копирование референциального круга определения, функционирование слова в аналогичных с языком-донором дискурсивных сферах, и, наконец, попытка интродукции устойчивых калькированных сочетаний, претендующих на статус лингвоконцептов.

Следует заметить, что способ «он-лайн» констатации фактов семантического калькирования не входит в противоречие с критериями их выявления, предложенными различными учёными. Так, разработанный А.А. Горбовым алгоритм идентификации факта семантического заимствования остаётся релевантным и для этапа его непосредственного протекания. Однако, наблюдения за внедрением англо-американского неосемантизма в русский язык свидетельствуют о необходимости внести некоторые коррективы в предложенный учёным алгоритм семантического калькирования. Согласно А.А. Горбову, «в некоторый период времени язык L1 оказывает влияние на язык L2, являясь для последнего источником пополнения лексикона. Язык L2 нуждается в лексической единице для передачи значения 'X', которое передаётся в языке L1 лексической единицей WL1 и является в этом языке производным значением, образованным путём переноса наименования от значения 'X' лексической единицы WL1. Чтобы имело место семантическое калькирование, в языке L2 должна существовать некоторая лексическая единица WL2, которая по аналогии с лексической единицей WL1 языка L1 приобретёт переносное значение 'X'» [2, с. 91].

С большой дозой уверенности можно утверждать, что потребности в атрибутировании признака токсичности всем человеческим существам и сфере межличностных отношений, и, в первую очередь, родным и близким, в русском языковом сознании не наблюдается. Высокая значимость в русской языковой картине мира таких ценностей, как дружба и любовь, поддержка и взаимопомощь, подтверждаются различными исследованиями соответствующих концептов [3 и др.]. Сложно обвинять и носителей языка-донора в преднамеренных попытках «внедрить» концепт токсичности в русское языковое сознание⁴. Ведущая роль в калькировании «чужих» смыс-

⁴ Отметим, что описание человека в терминах ядовитых субстанций в русском языке находит отражение в виде зоонимической метафоры, однако в большей степени тяготеет к маркированию женских имён (*гадюка, змея (змеюка)*).

лов принадлежит человеку, точнее отдельным группам, копирующим инновационные, «передовые» способы осмысления и ословливания действительности. Ведущая роль в данном процессе, несомненно, принадлежит масс-медиа, «именно их активные усилия способствуют на протяжении свыше двадцати лет и созданию ореола привлекательности артефактов и моделей поведения, коренных для иной культуры, и их быстрому внедрению в общественное сознание» [1, с. 63].

Релевантными для верификации фактов семантического калькирования, или англосемантизации исконных или ранее заимствованных слов, представляются и критерии, предложенные А. Виталиш: «одновременность появления нового значения сразу в нескольких языках, значительное расхождение в семантике предыдущего и нового значений, функционирование неосемантизма в узко ограниченной дискурсивной среде» [15, с. 5]. В условиях глобализационного воздействия англосемантизация прилагательного *токсичный* происходит во всех славянских языках. Что касается критерия значительных изменений в значении слова, следует признать, что в данном случае семантический сдвиг не столь велик и может быть описан в терминах метафоры или метонимии. Однако атрибутирование признака «токсичности» всей сфере реляционных имён представляет фундаментальный когнитивный сдвиг, влекущий за собой изменения в системе ценностей. Что касается функционирования неосемантизма в узко ограниченной дискурсивной среде, данный критерий, как показывает наше исследование, требует уточнения посредством указания на его использование в тех же дискурсивных областях, что и в языке-доноре.

Заключение. Выполненный нами анализ продемонстрировал, что прилагательное *toxic* в английском языке подверглось метафоризации, в рамках которой признак токсичности был спроецирован на всю область межчеловеческих отношений. Наблюдения за изменениями в функционировании слова *токсичный* в современных дискурсивных практиках показали, что в условиях единого медиапространства создаются все условия для лингвистического экспорта нового значения носителями русского языка. Инновационные практики употребления англосемантизма представляют собой процесс семантического калькирования, протекающий в виде точного копирования способов его метафорического употребления в языке-доноре.

© Попова С.Б., Шкапенко Т.М., 2020

Список литературы

1. Васильев А.Д. Лингвокультурные процессы и возможности их прогнозирования / А.Д. Васильев. М.: ФЛИНТА, 2017. 264 с.
2. Горбов А.А. К вопросу о семантическом калькировании и «вторичном заимствовании» в русском языке рубежа XX-XXI веков // Вопросы языкознания, 2015, №1. С. 87-101.
3. Карасик В.И. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 352 с.
4. Кирилина А.В. Динамический объект и опыт его диагностического описания (на примере интернет-комментария) // Когнитивные исследования языка, 2017, №30. С. 683-686.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. М.: УРСС Едиториал, 2004. 256 с.
6. Лесков С. Токсичный шпиль как символ года [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rosbalt.ru/blogs/2018/11/22/1748154.html> (Дата доступа 20.01.2020).
7. Новоженнова З.Л., Шкапенко Т.М. К проблеме терминологизации англоязычных заимствований в период глобализации // Общественные науки, 2017, № 6. С. 193-202.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: ИТИ Технологии; Издание 4-е, доп., 2006. 944 с.
9. Своё vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка : монография / под ред. Н.Г. Бабенко, Т.М. Шкапенко. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. 345 с.
10. Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т.4. С. – Я. 797 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. : Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1987. Т.4. 864 с.
12. Шилихина К.М. Семантическое развитие прилагательных ядовитый и токсичный: что «отравляет» нашу жизнь? // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2019, № 2. С. 86-93.
13. Шкапенко Т.М. Вместо послесловия // Своё vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка: монография / под ред. Н.Г. Бабенко, Т.М. Шкапенко. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 328-335.

14. Coupland N. Introduction: Sociolinguistics in the Global Era. In N. Coupland (ed.) *The Handbook of Language and Globalization*. Malden, MA: Wiley-Blackwell Publishing. 2010. pp. 1-27.
15. Witalisz A. *Anglosemantyzmy w języku polskim — ze słownikiem*. Kraków : Tertium, 2007. 342 s.
16. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (Дата доступа 21.02.2020).
17. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com> (Дата доступа 20.03.2020)
18. Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.merriam-webster.com> (Дата доступа 20.03.2020).
19. COCA – The Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.english-corpora.org/coca> (Дата доступа 20.04.2020).
20. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com> (Дата доступа 20.04.2020).

References

1. Vasil'ev, A.D. *Lingvokul'turnye protsessy i vozmozhnosti ikh prognozirovaniia* [Linguocultural processes and their forecasting capabilities] / A.D. Vasil'ev. M.: FLINTA, 2017. 264 s.
2. Gorbov, A.A. K voprosu o semanticheskom kal'kirovanii i «vtorichnom zaimstvovanii» v russkom iazyke rubezha XX-XXI vekov [On semantic calquing and 'secondary borrowing' in Russian at the turn of the 21st century] // *Voprosy iazykoznanii*, 2015, №1. S. 87-101.
3. Karasik, V.I. *Antologiya kontseptov* [The anthology of concepts] / pod red. V.I. Karasika, I.A. Sternina. Volgograd: Paradigma, 2005. T. 1. 352 s.
4. Kirilina, A.V. Dinamicheskii ob'ekt i opyt ego diagnosticheskogo opisaniia (na primere internet-komentarii) [The dynamic object and the experience of its diagnostic description (on the example of internet reader's comments)] // *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, 2017, №30. S. 683-686.
5. Lakoff, G., Johnson, M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By] / G. Lakoff, M. Johnson M.: URSS Editorial, 2004. 256 s.
6. Leskov, S. *Toksichnyi shpil' kak simbol goda* [A toxic spire as a symbol of the year], <https://www.rosbalt.ru/blogs/2018/11/22/1748154.html> (accessed: 20.01.2020).
7. Novozhenova, Z.L., Shkapenko, T.M. K probleme terminologizatsii angloiazychnykh zaimstvovanii v period globalizatsii [To the issue of loanwords' terminologization in the period of globalization] // *Obshchestvennye nauki*, 2017, № 6. S. 193-202.
8. Ozhegov, S.I. *Tolkovyii slovar' russkogo iazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language] / S.I. Ozhegov, N.Iu. Shvedova. M.: ITI Tekhnologii; Izdanie 4-e, dop., 2006. 944 s.
9. *Svoe vs chuzhoe v diskursivnykh praktikakh sovremennogo russkogo iazyka : monografiia* ["Us" vs "them" in discursive practices of the modern Russian language : the monograph] / pod red. N.G. Babenko, T.M. Shkapenko. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2019. 345 s.
10. *Slovar' russkogo iazyka: V 4 t.* [The dictionary of the Russian language : 4 v.] / Gl. red. A.P. Evgen'eva. 4-e izd., ster. M.: Rus. iaz., Poligrafresursy, 1999. T.4. S – Ia. 797 s.
11. Fasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: V 4 t.* : Per. s nem. [The etymology dictionary of the Russian language : 4 v.: transl. from Ger.] 2-e izd., stereotip. M.: Progress, 1987. T.4. 864 s.
12. Shilikhina, K.M. Semanticheskoe razvitie prilagatel'nykh iadovityi i toksichnyi: chto «otravliaet» nashu zhizn'? [Semantic development of the Russian adjectives poisonous and toxic: what «poisons» our life?] // *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, 2019, № 2. C. 86-93.13.
13. Shkapenko, T.M. Vmesto poslesloviia // *Svoe vs chuzhoe v diskursivnykh praktikakh sovremennogo russkogo iazyka: monografiia* [In lieu of a preface // "Us" vs "them" in discursive practices of the modern Russian language : the monograph] / pod red. N.G. Babenko, T.M. Shkapenko. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2019. S. 328-335.
14. Coupland, N. Introduction: Sociolinguistics in the Global Era. In N. Coupland (ed.) *The Handbook of Language and Globalization*. Malden, MA: Wiley-Blackwell Publishing. 2010. pp. 1-27.
15. Witalisz, A. *Anglosemantyzmy w języku polskim — ze słownikiem* [Anglosemanticisms in Polish – with the dictionary]. Kraków : Tertium, 2007. 342 s.
16. NCRL – Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [National corpus of the Russian language], ruscorpora.ru/search-main.html (accessed: 21.02.2020).
17. Collins English Dictionary, www.collinsdictionary.com (accessed: 20.03.2020).
18. Merriam Webster Dictionary, www.merriam-webster.com (accessed: 20.03.2020).
19. COCA – The Corpus of Contemporary American English, www.english-corpora.org/coca (accessed: 20.04.2020).
20. Urban Dictionary, www.urbandictionary.com (accessed: 20.04.2020).

Сведения об авторах:

Попова Софья Борисовна – ассистент Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (236022, Россия, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56А). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика глобализации, лексическая семантика, лингвоаксиология.
E-mail: sofia_porova39@mail.ru.

Шкапенко Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (236022, Россия, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56А). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика глобализации, прагмалингвистика, лингвоаксиология, славянские языки.

E-mail: tshkapenko@kantiana.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

About the authors:

Sofia B. Popova – Assistant Lecturer of Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (56 A, Chernyshevskogo ul., Kaliningrad, 236022). Spheres of research and professional interest: linguistics of globalization, lexical semantics, linguistic axiology.

E-mail: sofia_popova39@mail.ru

Tatyana M. Shkapenko – Doctor of Sc., Professor of the Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (56 A, Chernyshevskogo ul., Kaliningrad, 236022). Spheres of research and professional interest: linguistics of globalization, pragmatics, linguistic axiology, Slavic languages.

E-mail: tshkapenko@kantiana.ru

Conflicts of interest: The authors declare absences of conflicts of interest.

* * *

ON DEBOV'S DICTIONARY

I.A. Tsybova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract. *B.M. Debov's dictionary Romanic component in rhymes of French rap (On the specificity of youth's word-creation)". Ivanovo: Publishing House of Ivanovo State University, 2020. – 221 p. is the continuation of the preceding works of the author – dictionaries of abbreviations and deviating from norm vocabulary of youth (verlan, rap). The selection and analysis of Romanic (Italian, Spanish, Portuguese, Provensal) vocabulary is an evident quality of the dictionary. Among the words forming the rhymes are internationalisms (maestro, opera, villa, etc), names of well-known national dishes (macaroni, pizza), popular Latin American dances (lambada, samba, tango) and also the names of drugs used by some youngsters (cocaïna, marijuana). One can consider rap as a source to supplement vocabulary. The dictionary by V.M. Debov is undoubtedly interesting for those who study Romanic languages.*

Key Words: *dictionary Romanic component in rhymes of French rap (On specificity of youth's word-creation), words forming the rhymes, internationalisms, national dishes, dances, drug*

For citation: Tsybova I.A. 2020. On Debov's Dictionary. *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 167–169. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-167-169>

О СЛОВАРЕ В.М. ДЕБОВА

И.А. Цыбова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. *Словарь В.М. Дебова «Романский компонент в рифмах французского рэпа (к специфике молодёжного словотворчества), Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета, 2020. 221с.» является естественным продолжением предыдущих работ автора – словарей сокращений и отклоняющейся от нормы французской молодёжной лексики (верланизмы, рэп). Несомненным достоинством рецензируемого словаря является отбор и анализ лексического материала романских языков: итальянского, испанского, португальского, провансальского. Среди рифмообразующих слов имеются интернационализмы (maestro, opera, villa и др.), названия известных национальных блюд (macaroni, pizza), популярных латиноамериканских танцев (lambada, samba, tango), а также употребляемых некоторыми молодыми людьми наркотиков: cocaïna, marijuana. Рэп, получивший широкое распространение у молодёжи различных стран, можно рассматривать как один из источников пополнения лексики языка. Словарь В.М. Дебова представляет несомненный интерес для романистов.*

Ключевые слова: словарь «Романский компонент в рифмах французского рэпа», рифмообразующие слова, интернационализмы, названия национальных блюд, танцев, источник пополнения лексики

Для цитирования: Цыбова И.А. 2020. О словаре В.М. Дебова. *Филологические науки в МГИМО*. Том 6. № 4(24). С. 167–169. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-167-169>

В.М. Дебов – автор известных словарей сокращений, а также отклоняющейся от нормы лексики современного французского языка: Словарь особенностей французского языка в Алжире. **Иваново, 1996**; Словарь верланизмов современного молодёжного французского языка. **Иваново, 2006**; Словарь верланрифм французского рэпа. **Иваново, 2010** и др., а также зарубежных изданий: *Dictionnaire des rimes en verlan dans le rap français*, Paris, 2012; *Glossaire du verlan dans le rap français*, Paris, 2015; *Rimes de rap français: abréviations, sigles et acronymes*, Paris, 2017 и др. Естественным продолжением этих работ является рецензируемый словарь – Романский компонент в рифмах французского рэпа (к специфике молодёжного словотворчества), Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета, 2020. 221 с.

Новым в данном словаре является материал исследования – романский компонент в рифмах французского рэпа. Следует отметить, что В.М. Дебовым проделана огромная работа по сбору и классификации этого материала, заимствованного из итальянского, испанского, реже – португальского и окситанского (провансальского) языков.

В словаре присутствуют выражения со многими известными лексическими единицами. Например: итальянское *a capella* рифмуется с такими выражениями, как *un ex-taulard – devant pamela – j'te la (fais), ça j'suis là – c'est celui-là – c'est la première fois que c'est là – se casser la tête – sens que c'est là, negro fais-là – vous allez – fermés si l'amour* и др., испанское *adios*, рифмующееся с *dire adios – le barrio, bye adios – sicarios – cigarrillo – ba-raque à rio, adios – adieu – adios – adios – adieu, ta folle* и др., испанское *amistad* рифмуется с *sur amistad – formidable, l'amistad – regarde – des stades – de stan, amistad – ça me fait pas – s'accroît – amicale*. Интересно отметить, что испанское *hermana* (сестра) даёт только одно рифмообразующее выражение: *mi hermana – l'anas – comment – je suis malade*. В то же время *hermano* (брат, друг) рифмуется с семью выражениями: *hermanos – ramos – hamos – gamonstre – des bracos* и др. Среди рифмообразующих слов встречаются интернационализмы, обозначающие общеизвестные понятия, например: *maestro, mafia, malaria, mama, opera, paparazzi, policia, scenario, villa*, а также известные национальные блюда: итальянские *macaroni, mozzarella, pasta, pizza, ravioli*, популярные бразильские танцы *lambada* (порт.) и *samba* (порт, исп., ит.), аргентинское *tango* (исп.), такая известная игра, как *loto* (ит.). Отображением пристрастия некоторой части молодёжи к наркотикам является немало выражений с испанскими словами *marijuana* (18) и *cocaïna* (10). Например: *marijuana ç du fromage – sur ris-pa – j'bloque ma, sous marijuana – se réveiller d'un coma – évite le drama – aux rayons gamma – se cache un mag-ma – barak obama, marijuana – little havana – à l'iguana – adouala* и др. Несколько меньше выражений со словом *cocaïna*: *de cocaïna – chica – chica – diabolique – lasca(rs) – peta(rds), la cocaïna – une croix – sur moi – santana – sang-froid – j'me crois – santana – na na na – na na na* и др.

Наряду с этими словами и выражениями в словаре имеются и значительно менее частотные единицы, например, провансальское слово *razbaille (rasbaille)*.

Поскольку рэп получил широкое распространение среди молодёжи различных стран, актуальность словаря В.М. Дебова несомненна.

Большой интерес для романистов в том, что французский молодёжный рэп использует лексику близкородственных романских языков, что раскрывает возможности дальнейшего обогащения основного фонда лексики французского языка за счёт этой его периферии.

Единственное замечание, которое хотелось бы сделать автору: в списке источников даны лишь фамилии авторов и названия групп рэпа, а более полные указания на использованную литературу имеются лишь в постраничных ссылках.

Разумеется, это замечание нисколько не снижает общей положительной оценки словаря В.М. Дебова, который представляет несомненный интерес для романистов.

© Цыбова И.А., 2020

Сведения об авторе:

И.А. Цыбова – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры французского языка МИМО (университет) МИД России.

E-mail: ia.tsybova@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Tsybova Irina A. – Doctor of Philology, Professor, senior scientific researcher, Department of French, MGIMO University (Moscow, Russia).

E-mail: ia.tsybova@gmail.com

Conflicts of interest: The author declares absence of conflicts of interest.

* * *

ЖУРНАЛ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО» ЗА 2020 ГОД

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Айвазян Ю.С.

К вопросу об автономной вторичной номинации в современном арабском литературном языке ... 2 (22)

Алексахин А.Н.

Лингвистические принципы создания алфавита и орфограмм слов китайского языка путунхуа. ... 3 (23)

Андреев Н.И.

Немецкие речевые манипуляции в текстах о России. 3 (23)

Беляков М.В.

Вербальная составляющая дипломатических войн новейшего времени
(лингвостатистический анализ) 3 (23)

Глушкова Н.М., Харченко М.Г.

О развитии терминологии цифровой экономики в современном английском языке. 2 (22)

Дружинин А.С.

Язык как мир и мир как язык наблюдателя: на пути к экспериенциальному подходу
к лингвистическим явлениям 2 (22)

Кашенкова И.С., Кашенков Р.Ю.

Специфика современной политической коммуникации в Германии: борьба за лексику. 1 (21)

Комарова Е.В.

Репрезентация образа мигранта в современных медиа
(на примере медиатекстов Великобритании) 1 (21)

Ладоша О.М., Хлопова А.И.

Коммуникативно-прагматический потенциал лексемы MITLEID в немецкоязычной
интернет-коммуникации 2 (22)

Ларина О.В.

Классификация имплицитных средств темпоральной локализации действия в будущем. 1 (21)

Левковская Н.А.

О диалогичности политического дискурса 1 (21)

Мухин С.В.

Опыт системного описания лексических единиц в германских языках
(на примере лексемы WEOROLD в древнеанглийском языке) 2 (22)

Новиков Д.Н., Брицына Н.М.

Концептуализация системы морали в современном англоязычном политическом
дискурсе в контексте феномена глобализации (на материале выступлений в Организации
Объединенных Наций) 3 (23)

Романов А.С., Лупанова Е.В.

Дихотомические диады фразеологических единиц как средство выражения ключевых
ценностей армейской субкультуры. 1 (21)

Степанян К.А., Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю.

Британские государственные, общественные и политические деятели
конца XX – начала XXI века в рифмованном сленге. 3 (23)

Филичкина Т.П.

Современная Россия в объективе фразеологии (на материале англоязычных медиатекстов). 3 (23)

Фомина Т.А., Алиева Т.В.

Икс-фемия как нелинейный феномен 2 (22)

Чернышева Л.Н.

Амхарская лексикография: ретроспектива и современное состояние 1 (21)

Чигашева М.А.

Гендерная политкорректность в немецком языке
(на материале публичных выступлений политических деятелей) 3 (23)

Шаховский В.И., Волкова П.С.

Язык как система: значение и смысл. 3 (23)

Шубина Э.Л., Клиенкова И.Б.

Генитив и именные группы в швейцарском варианте немецкого языка 2 (22)

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Гренадерова О.Л.

Структура и стилистика дипломатического документа в переводе
(на примере личных нот поздравительной тематики с португальского языка на русский) 1 (21)

Коровкина М.Е., Семёнов А.Л., Ершов В.И.

Компетентностный подход к переводу специальных текстов 2 (22)

Матюшенко Н.Л., Коржукова Е.С.

Создание экспрессии в экономическом дискурсе испанской публицистики 1 (21)

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Кравцова О.А.

Грамматика в современном учебнике иностранного языка для вуза 1 (21)

Леденева Т.В., Зинкевич Н.А.

Проблемы обучения современных студентов реферированию иноязычного текста 3 (23)

Масловец О.А.

Роль и место интенциональности как основы обучения иностранному языку
в русле диалога культур 3 (23)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Аллахвердиева Г.З.

Свадебные ассоциации русского народа 2 (22)

Ахмади Мирейла, Бахарлу Хади, Хатами Шахрбану

Лингвокультурологический анализ фразеологизмов со значением «гостеприимство»
в русском и персидском языках 3 (23)

Белкина О.Е., Бальш Ю.А., Огородов М.К.

Прецедентные феномены во французском протестном дискурсе 2018-2020 гг.
(на материале плакатов и граффити) 2 (22)

Буряковская В.А., Дмитриева О.А.

Кликбейт как лингвокультурный феномен
(на материале русского, французского и английского языков) 3 (23)

Варфоломеева Ю.Н.

Стилистическая парадигма текста типа «описание» 1 (21)

Гамбарова А.Г.

Концепт «корова» («бык») как архетип в древних письменных текстах. 3 (23)

Гусева И.В.	
Репрезентация лингвокультурного концепта «хлеб» во фразеологии русского языка и пиренейского и мексиканского вариантов испанского языка.	1 (21)
Гулиева И.Р.	
Типологическая характеристика и классификация односоставных номинативных предложений ...	1 (21)
Заруцкий П.С.	
Контр-коммуникативные практики в творчестве Михаила Митраса.	1 (21)
Кухарева Е.В.	
Проблемы арабского литературного языка в королевстве Марокко и их решение в университете Абдельмалика Ас-Саади (Тетуан).	2 (22)
Ларионова М.В.	
Лозунг в испанском политическом дискурсе: когнитивно-языковое и прагматическое измерение.	3 (23)
Овчинникова А.С., Овчинникова Г.В.	
Межкультурный перекрёсток французских, итальянских и русских стереотипов	2 (22)
Петрова Г.В.	
Бразилия: от монолингвизма к многоязычию	1 (21)
Радович М., Чеснокова О.С.	
Лингвокультурологический анализ топонимических перифраз Перу	2 (22)
Сухинин В.Е.	
Иероглифическая письменность в современной Корее	2 (22)
Шевцов Н.В.	
Подвиги и страдания протопопы Аввакума. К 400-летию великого автор «Жития»	1 (21)
Эдилханова Х.Д.	
Паремии, репрезентирующие личностные качества, как универсальный способ налаживания межличностных отношений	2 (22)
Яковлева Т.А.	
Национально-культурная специфика австрийского немецкого в сферах экономики, политики и права	3 (23)